

В.К.ЧЕРНИЕВСКИЙ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ АПРЕЛЬ

В.К.ЧЕРНИЕВСКИЙ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ
АПРЕЛЬ



ВЕНА



БУДАПЕШТ



БЕЛГРАД



СОФИЯ



ЯССЫ



КИШИНЕВ



ОДЕССА



НИКОЛАЕВ



ЗАПОРОЖЬЕ



КУРСК



СТАЛИНГРАД

В.К. ЧЕРНИЕВСКИЙ

**НЕЗАБЫВАЕМЫЙ
АПРЕЛЬ**

ОДЕССА
«МАЯК»
1983

Рецензенты:

М. В. Коваль, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии Украинской ССР;

Ю. В. Плотников, полковник, кандидат исторических наук, доцент Института военной истории Министерства обороны СССР;

А. В. Канубриков, майор в отставке, секретарь комитета ветеранов 260-го полка 244-й авиационной дивизии, член Союза журналистов

Черниевский В. К.

Ч49 Незабываемый апрель. — Одесса: Маяк, 1983. — 207 с.

В документально-публицистической книге автор, бывший начальник воздушной разведки одного из полков 244-й авиационной дивизии 17-й воздушной армии В. К. Черниевский, рассказывает об участии летчиков в освобождении Николаева и Одессы от фашистских захватчиков, рисует широкую панораму героизма советских воинов всех родов войск, участвовавших в Одесской операции весной 1944 года.

Книга рассчитана на массового читателя.

Ч $\frac{1304010000-009}{M217(04)-83}$ 6.83

ББК 63.3(2)722.13

© Издательство «Маяк», 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ

16 ноября 1982 года исполнилось сорок лет со дня рождения 17-й воздушной армии. Эта книга своеобразный подарок к ее юбилею. Автор, в прошлом начальник воздушной разведки 861-го полка 244-й авиационной дивизии, рассказывает о боевых делах своих товарищей по оружию, которые в тесном взаимодействии с 8-й гвардейской армией, чья биография, так же как и нашей воздушной армии, началась у стен Сталинграда и берегов Дона, принимали участие в освобождении Одессы.

Развитие характеров, мужание воздушных бойцов, совместные действия с пехотинцами, танкистами, артиллеристами, конниками генерала И. А. Плиева, моряками Черноморского флота с февраля по апрель 1944 года показываются в боевых эпизодах, в сражениях за Вознесенск, Новый Буг, Новую Одессу, Очаков, Николаев, Раздельную, Одессу.

Автор пристально вглядывается в своих героев, для него дороги порой даже детали, мелочи в их поведении, при этом личность самого мемуариста как бы остается в тени, что не всегда можно встретить в иных мемуарах.

Не скрывая, не приглаживая суровой жестокой сути войны, автор заостряет внимание на том, как проявлялись в огне сражений лучшие черты советских людей. Нравственное, здоровье, высокая идейная убежденность, сознание ответственности перед социалистическим Отечеством отличают героев книги. Таковы штурман майор П. П. Головенков, авиамеханик старшина И. И. Самусь, воздушный стрелок старшина

К. И. Косенко, штурман лейтенант В. Д. Волошановский, летчик капитан П. И. Горбунов, командир эскадрильи капитан И. Г. Петухов, летчик старший лейтенант А. Н. Цехмистров, стрелок-радист старшина В. И. Ванькович. Без них, впереди идущих, трудно представить успех воздушного боя, без них бессмыслима победа в воздухе и на земле.

Для того чтобы читатель мог яснее представить себе, какую помощь оказывали авиаторы 17-й воздушной армии наземным войскам, напомним, как развивались события на 3-м Украинском фронте в период проведения Одесской операции.

11 марта 1944 года Ставка Верховного Главнокомандующего приказала войскам 3-го Украинского фронта овладеть Тирасполем и Одессой. Главный удар намечалось нанести с участка Вознесенск — Новая Одесса силами 46-й и 8-й гвардейских армий, конно-механизированной группы и 23-го танкового корпуса в направлении Раздельной. Одессу решено было захватить с северо-запада. На поддержку ударной группировки фронта привлекались основные силы 17-й воздушной армии, в том числе и 244-я бомбардировочная дивизия, которой командовал полковник П. В. Недосекин.

«На карте четко обозначались три удара: на правом крыле фронта две армии (57-я и 37-я), в центре две армии (46-я и 8-я гвардейская) и три корпуса (4-й гвардейский кавалерийский, 4-й гвардейский механизированный и 23-й танковый), на левом крыле две армии (6-я и 5-я ударная). Это приводило к дроблению фронта противника»¹, — писал бывший заместитель начальника штаба 8-й гвардейской армии генерал-полковник В. Белявский в статье «На Одесском направлении».

В полосе 170 км, от Константиновки до Днепровско-Бугского лимана, войскам 3-го Украинского фронта противостояли 6-я немецкая и 3-я румынская армии, насчитывавшие 21 дивизию и 8 бригад штурмовых орудий.

К 19 марта на фронте сложилась следующая обстановка. На подступах к Южному Бугу немцы оказывали упорное со-

противление. Получив данные о том, что передовой отряд форсировал реку, и, предполагая, что наступление будет развиваться успешно, командующий фронтом генерал Р. Я. Малиновский поставил новую задачу войскам, а командарму В. И. Чуйкову приказал переместить свой командный пункт в район Новой Одессы.

На заседании, состоявшемся на КП в Новой Одессе, генерал В. И. Чуйков изложил задачу армии. После детального обсуждения и уточнения способов ее выполнения объявил решение. Суть его заключалась в том, чтобы растянуть одну дивизию на широком фронте, а остальные силы сосредоточить в районе Троицкое — Андреевка и, прорвав оборону врага на западном берегу, обеспечить ввод в прорыв конно-механизированной группы генерала Плиева. В дальнейшем, развивая наступление в обход одесских лиманов с севера в направлении Овидиополь — Каролино-Бугаз, выйти основными силами на Днестр и отрезать пути отхода противника из Одессы на запад. Частью сил, наступая с севера и северо-запада, во взаимодействии с войсками 5-й ударной и 6-й армий овладеть Одессой¹.

25 марта 1944 года в 20.00 началось форсирование Южного Буга.

Задача восьмой гвардейской армии была нелегкая. Река разлилась, ширина ее достигала 250 метров. Следует отметить, что войскам восьмой гвардейской армии удалось сохранить за собой небольшой плацдарм в районе Андреевки, на западном берегу против Троицкого. Гитлеровцы с самого начала оказывали сильное сопротивление, сосредоточивая огонь по переправам.

Танковые части израсходовали все горючее и остановились. На помощь танкистам пришли 861-й, 260-й и 449-й бомбардировочные полки, а также самолеты По-2, которые в течение всей операции летали на разведку в тыл врага, а также снабжали наши войска горючим и боеприпасами.

¹ Военно-исторический журнал, 1974, № 4, с. 56—62.

¹ АМО СССР, ф. 345, оп. 5487, д. 159, л. 250, 252, 254.

Подвижные соединения перерезали пути отхода главных сил врага, а подошедшие общевойсковые армии завершили окружение и полностью уничтожили 9 пехотных и 1 танковую дивизию противника. Так бесславно закончила свое существование на полях Правобережной Украины созданная Гитлером вместо печально известной 6-й армии Паулюса новая 6-я армия.

Авиация, в том числе и бомбардировщики 244-й авиадивизии, наносила удары по мостам и переправам на путях отхода противника, вела борьбу с вражеской транспортной авиацией, снабжавшей окруженную 6-ю армию боеприпасами, бомбила отходящие войска противника и прикрывала наши подвижные танковые и кавалерийские соединения от фашистской авиации. Большое значение в условиях сложной обстановки имела воздушная разведка, которая давала ценные данные нашим наступающим сухопутным войскам о группировках и направлениях отхода врага, что позволяло упреждать противника захватом решающих рубежей.

Борьбу с транспортными самолетами врага вели не только истребители, но и штурмовики, которые патрулировали в районах, где противник сбрасывал грузы на парашютах. В одном из боевых вылетов отличился летчик-истребитель Герой Советского Союза майор Н. Ф. Краснов, лично сбивший в течение нескольких минут четыре самолета «Юнкерс-52».

К 29 марта соединения 8-й гвардейской армии при поддержке истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков 17-й воздушной армии форсировали Южный Буг, прорвали оборону противника.

31 марта во второй половине дня дивизия двадцать девятого и четвертого гвардейских стрелковых корпусов, отбросив арьергардные части, вышли в верховье Тилигульского лимана. Основные силы обошли лиман с севера, но многим частям пришлось его форсировать. Выручил северный ветер: уровень воды в лимане значительно понизился. Конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, переправившись через

Южный Буг, развила наступление в направлении станции Раздельная».

Войска армии наступали с полным напряжением сил. 6 апреля дивизии первого эшелона, преодолевая многочисленные водные преграды и сопротивление врага, достигли северной части Хаджибейского лимана¹. Это была последняя крупная водная преграда на пути к Одессе. Первыми преодолели лиман передовые отряды дивизий на местных и табельных переправочных средствах. За ними — главные силы. Путь на город был открыт.

Конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева к этому времени овладела станцией Раздельная и, наступая на юг, ставила задачу отрезать Одесскую группировку от войск, находившихся западнее Днестра. Сюда подходили и правофланговые части 8-й гвардейской армии.

К исходу 9 апреля соединения 5-й ударной, 6-й и 8-й гвардейской армий с севера, запада и юга вышли к Одессе. Правофланговый 29-й гвардейский корпус достиг Днестра и стал теснить сопротивляющихся немцев к Овидиополю. Войска готовились к ночным боям в городе.

В полосе 8-й гвардейской армии, штаб которой в то время находился у станции Выгода (хутор Петровский), сложилась любопытная обстановка: образовалось два направления и две группировки. 28-й и 4-й гвардейские корпуса повернули фронт на восток, на Одессу, а 29-й гвардейский корпус наступал на юго-запад, к Днестру, создавая внешний фронт окружения.

Около 5 часов утра 10 апреля левофланговый 28-й гвардейский корпус под командованием генерала С. И. Морозова первым вошел в Одессу и освободил ее при поддержке других частей и соединений. Генерал доложил В. И. Чуйкову:

— Одесса освобождена. Наши гвардейцы с танкистами группы Плиева уже на Дерибасовской улице.

13 апреля 1944 года наши войска овладели Овидиополем, а к утру следующего дня 8-я гвардейская армия вышла к

¹ АМО СССР, ф. 345, оп. 5487, д. 159, л. 252.

Днестровскому лиману. Так закончилась Одесская операция.

После освобождения Одессы 17-я воздушная армия участвовала в боях за Молдавию, в частности в Яско-Кишиневской операции. Затем путь ее лежал на запад — она принимала участие в освобождении Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии...

Летчики совершили 532 тысячи боевых вылетов, сбросили на войска и боевую технику врага 32 тысячи тонн авиационных бомб. В воздушных боях и на аэродромах уничтожили 4759 вражеских самолетов, разбили и сожгли 3448 танков и самоходных установок, 39 698 автомашин с войсками и грузами, 3120 орудий полевой артиллерии, 5609 железнодорожных вагонов, 1052 склада с боеприпасами и горючим, 108 мостов и переправ, рассеяли и частично уничтожили до 155 тысяч солдат и офицеров противника¹. Верховный Главнокомандующий 32 раза объявлял благодарность личному составу армии.

Более 220 авиаторов 17-й стали Героями Советского Союза. Это мастера бомбардировочных ударов и разведывательных полетов в тыл врага, как Г. П. Евдокимов, В. И. Клевцов, Г. И. Лашин, Е. А. Мясников, А. К. Шевкунов и многие другие. Всей стране известны имена выдающихся летчиков 17-й воздушной армии дважды Героев Советского Союза В. А. Зайцева, А. И. Колдунова, М. В. Кузнецова, В. И. Попова, Г. Ф. Сивкова и Н. М. Скоморохова.

Боевая деятельность армии неразрывно связана с именами крупных авиационных военачальников: генералов А. Е. Златоцветова, В. Н. Толмачева, Н. Г. Селезнева, Н. М. Корсакова, П. М. Ступина, А. Л. Шепелева. Командовал 17-й воздушной армией Герой Советского Союза маршал авиации В. А. Судец.

Успешные боевые действия соединений и отдельных частей армии осуществлялись под умелым руководством их командиров — генералов и офицеров В. И. Аладинского, О. В. Толстикова, В. И. Шевченко, Г. И. Белицкого,

Б. А. Смирнова, А. Ф. Исупова, В. И. Клевцова, Л. П. Осадчего, Н. Г. Михенчева, А. Н. Витрука, П. В. Недосекина, Н. П. Терехова, А. А. Селиверстова, А. В. Иванова, В. Я. Кудряшова, Л. В. Коломейцева, П. И. Мироненко и многих других, а также офицеров политорганов, штабов, инженеров авиационной службы, связи и тыла¹.

Решающая роль в достижении боевых успехов принадлежала партийным и комсомольским организациям авиационных полков и дивизии. Коммунисты и комсомолы всегда служили примером для всех воздушных бойцов 244-й бомбардировочной авиадивизии.

Я как заместитель командира авиадивизии знал лично многих из тех, о ком рассказывает В. К. Черниевский, был свидетелем их доблести и отваги.

Отвага воина не приходит сама по себе, она зарождается вместе с мужанием характера. Автор адресует книгу и тем, кто на пороге нелегкой, но замечательной солдатской жизни. Им, будущим защитникам Родины, в пример поставлены конкретные, невыдуманные герои, боевые друзья В. К. Черниевского.

*А. А. МЕНЯЕВ, генерал-майор авиации в отставке,
бывший заместитель командующего
воздушной армией, председатель
совета ветеранов 244-й дивизии*

¹ АМО СССР, ф. 370, оп. 6518, д. 39, л. 17—18.

¹ 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М., Воениздат, 1977, с. 3.

1 — Одесса открыта! — изумленно и радостно ахнул мой штурман старший лейтенант Иван Яковлевич Никонов, двигая ползунок навигационной линейки.

У меня отлегло от сердца. Весь маршрут мы прошли за облаками.

— Анцупов, передай домой погоду, — вызываю по СПУ (самолетному переговорному устройству) стрелка-радиста. — Над целью ясно. Идем на высоте восемь тысяч метров. Видимость — двадцать — тридцать пять километров.

Самолет скатывается как с крутой горы, резко теряя высоту. Перед нами будто тихое синее озеро расплеснулось, и по нему лишь кое-где плавают белые льдины, припорошенные рыхлым снегом. Это обрывки облаков. Но они нам не помеха, мы спустимся еще ниже. И тогда цель будет у нас как на ладони.

Цель — морской порт Одессы, занятой врагом. Однако наши бомболюки пусты. Мы — разведчики. Нам приказано сфотографировать порт.

Утром в штабе дивизии долго колебались, оттягивая наш вылет. На аэродроме в Шевченково, где мы базируемся, валил густой мокрый снег. Зима 1944 года выдалась гнилой. Весь февраль был ветреным, мокрым. Такая же капризная началась и

весна: то снег повалит, то надолго зарядит нудный дождь. «Опять загорать!» — недовольно воскликнет кто-нибудь из летчиков, первым выглянув рано утром из землянки. Наши войска наступали на всем фронте, а мы не всегда могли им помочь. Надо было видеть, с какой завистью глядели летчики на своих товарищей, кому выпадало счастье лететь на боевое задание. В сложных метеорологических условиях командование выпускало только самых опытных и умелых. А когда выпадали погожие дни, мы чувствовали себя именинниками. Кто из нас не понимал, что каждый боевой вылет — это не только наш личный вклад в общее дело разгрома врага, но и сохраненные жизни наших пехотинцев, танкистов, артиллеристов...

В непогоду полевые аэродромы превращались в такое месиво, что самолеты со стоянок на старт вытягивали тракторами.

Я гляжу на высотомер, стрелка которого стремительно падает вниз. А как бы хотелось, чтобы она сейчас стояла на месте... Ведь высота для нас как окоп для пехотинца. Однако надо снижаться. Мы должны произвести фотографирование с шести тысяч метров. Только в этом случае дешифровщик сможет прочесть на снимках все, что запечатлеет объектив фотоаппарата.

— Нам, командир, крупно повезло! — возбужденно кричит штурман. — Гляди, аэродромы у фашистов закрыты. Они нас сегодня никак не ждали. Над Одессой, очевидно, ветерок, только-только размело облака.

Захожу со стороны солнца, разворачиваюсь и ложусь на боевой курс. Зенитчики нас уже заметили и открыли плотный заградительный огонь. В злом лае зашлись скорострельные автоматические «эрликоны», выплевывая в небо дальнобойные сна-

ряды. Им нестройным хором подтягивают малокалиберные пушки. Дробь зенитных орудий и пулеметов слилась в сплошной гул. Мне кажется, что где-то под нами и над нами грохочут, низвергаясь, шумные подоплады.

— Никонов, включай фотоаппарат, — приказываю штурману.

Отчетливо виден порт. Деловито копошатся подъемные краны, похожие с большой высоты на костлявых черных жуков. Восемь кораблей пришвартовались у причалов. Память автоматически фиксирует: три пассажирских, три транспорта и две самоходные баржи. А в мутной синеве моря замечаю небольшой караван судов, следующий курсом на Одессу. Его сопровождает конвой из двух эсминцев. Различаю шесть кораблей. Из полета мы должны привезти нашему командованию снимки, которые сделает мощный длиннофокусный фотоаппарат АФА-30, висящий в бомболюках фюзеляжа самолета. Кроме того, мы докладываем о своих визуальных наблюдениях.

...Боевой курс. В прицельном бомбометании он длится около минуты, а нам, воздушным разведчикам, в такое время не уложиться. Надо пройти над объектом фотографирования, как по натянутому шнуру, не меняя высоты. Кто из летчиков, штурманов, стрелков-радиостов и воздушных стрелков не знает цены этим секундам! Они венчают успех всего боевого задания. Это самые ответственные и самые опасные секунды, требующие от экипажа громадного нервного напряжения. Всем существом своим чувствуешь каждый осколок снаряда, врывающийся в самолет. Ты ощущаешь эти осколки почти физически, словно они пронзают тебя самого, потому что машина и ты — одно целое. Жизнь самолета — твоя жизнь, жизнь твоих боевых друзей.

Все небо вокруг в белых бутонах разрывов, точно хлопок-сырец, собранный на полях, вдруг вздуло ветром и занесло в поднебесье. Наш полк формировался в Азербайджане, и я однажды видел, как вихрь бешено крутил высоко над горами такие бутоны хлопка. Огонь вражеских зениток усилился. Но у меня перед глазами только земные ориентиры да приборная доска. Мысленно представляю, как размеренно наматывает на себя барабан фотоаппарата широкую пленку, фиксирующую все, что попадает в объектив.

Вражеских самолетов не видать. Молчат мои воздушные стрелки, наблюдающие за задней полусферой. Выходит, прав Иван Никонов: не ждали нас сегодня, понадеялись на погоду. А с моря наползают на Одессу широкой черной пеленой тучи, город скоро опять закроется. Под крылом — Приморский бульвар и серая лента Потемкинской лестницы. В памяти всплывают кадры из кинофильма «Броненосец Потемкин», но тотчас раздается со всеми знакомыми мне интонациями предостерегающий голос «бати» (так у нас в авиационных полках зовут командиров): «Полет! В полете думают только о полете!» Но я уже не в силах отогнать нахлынувшие горячей волной воспоминания детства. Вон там, у «Аркадии», я с мальчишками ловил на закидушки бычков. Однажды мне попалась большая камбала, но я сперва даже радости не почувствовал, думал, тряпку или кусок резины на дне подцепил. Тянут вместе со мной дружки леску, а на крючке что-то совсем не по-рыбьи то в одну сторону переваливается, то в другую...

Огонь зениток все нарастает. К батареям заграждения порта теперь присоединились корабельные пушки. В левом крыле зияет большая рваная дыра, досталось и фюзеляжу. Я гляжу на счетчик

кадров. Все. Работа закончена. По земным ориентирам тоже концы с концами сошлись. Слышу голос штурмана:

— Выключаю фотоаппарат!

— Добро,— отвечаю я и, облегченно вздохнув, начинаю маневрировать с набором высоты, стараясь ускользнуть из-под огня зенитчиков. Самолет бьется и мечется в небе, наводчикам теперь нелегко удержать его в перекрестии прицела. Сектор газа даю вперед до упора. Бешено режут на форсаже моторы, круто набираем высоту. Огненные стрелы трассирующих снарядов ударили откуда-то, спереди, но мы уже недосыгаемы. Наш бомбардировщик облегчен: с него снято все, без чего можно обойтись в разведывательном полете. Высотомер показывает уже 9 тысяч метров...

— Анцупов, передай домой: «Задание выполнил, все в порядке, возвращаюсь».

— Есть передать, товарищ майор!— бодро раздается у меня в шлемофоне.

Вызываю по СПУ воздушного стрелка.

— Старшина Зайченко, как ваше самочувствие?

— Прекрасное, товарищ командир!— слышу звонкий девичий голос.

Воздушным стрелком у нас в экипаже комсомолка Надя Зайченко, бойкая черноокая смуглянка, по которой вздыхают многие парни в полку.

— Наблюдайте за воздухом!— напоминаю ей.

Надя пришла к нам из оружейниц, стреляет хорошо, пулемет знает до тонкостей, но в небе ее всегда охватывает какой-то «телячий восторг», как выразился ее первый командир Иван Григорьевич Петухов: она поет всю дорогу. А за песней можно и вражеский самолет проворонить.

Вытираю пот со лба. Главное сделано. Теперь меня больше всего беспокоит погода на нашем аэро-

дроме. Сейчас Сергей, передав радиogramму о выполнении задания, запросит погоду дома.

— Командир, слева сзади два «худых»,— взволнованно сообщает Надя.— Идут за нами.

«Худые»— это «мессершмитты», прозванные так нашими летчиками за тонкую «пчелиную талию».

— Не спускай с них глаз!

По курсу сплошная облачность. Облака висят двумя ярусами, как полки в шкафу. Заберемся сейчас между этими «полками» и поминай как звали. Идем в облаках, а перед глазами опять Одесса, но не такая, какой я увидел ее сегодня с высоты шесть тысяч метров, а другая, оставшаяся в моей памяти с детства. Родился я в селе Чечельник Винницкой области, в четыре года остался сиротой и рос в доме моего одесского дяди, капитана дальнего плавания Иллариона Никитича Сторожука. Он взял меня на воспитание. Это был шумный жизнерадостный человек, рослый и плечистый, как вся наша порода по отцовской линии, добродушный, озорной и, как истый одессит, с большим чувством юмора. Море он любил самозабвенно и считал его панацеей от всех бед.

Пошли как-то мы с ним однажды рачков-креветок наловить для рыбалки и встречаем нашего соседа. Тот начинает жаловаться на нелады с женой.

— А я тебе что говорил?— не дослушав, напоминает дядя.— Я тебе говорил: «Иди в моряки!» С цветами встречать будет, как моя Лукерья. Любовь— она как конфетка: жуешь без передыху— набиваешь оскомину.

Хотел Илларион Никитич сделать и меня моряком. Я с удовольствием слушал его рассказы о дальних странах, красотах южных широт, романтике странствий по морям и океанам, но мечтал только об авиации. Шли бурные тридцатые годы.

Страна восторгалась подвигами наших прославленных летчиков. У нас в классе едва ли не все мальчишки хотели стать авиаторами. На уроках физкультуры и на занятиях в спортивных кружках не было старательнее и трудолюбивее нас, рвущихся в небо. Не помогла дяде и экскурсия на свой красавец-пароход, которую он мне устроил после окончания школы. Я был непреклонен: иду только в авиацию. Если не летчиком, то кем угодно.

И я уехал в Москву в надежде поступить там в летное училище. Москва начинала строить метрополитен. В числе первых комсомольцев-добровольцев был и я, решив, что если хорошо покажу себя на стройке, мне будет дано преимущество при поступлении. Было мне тогда семнадцать лет, но из-за высокого роста и приличного разворота плеч выглядел я вполне сформировавшимся парнем. Медицинскую комиссию прошел без сучка и задоринки, стал кессонщиком на шахте № 12, которую возглавлял инженер, украинец, с чудной фамилией Тягни-Беда. Держался он с нами просто, но никак нельзя было понять, когда он говорит серьезно, а когда шутит. Без него мы не могли и шагу ступить на первых порах. Фамилию инженера для удобства сократили, отбросив первую половину. Стал он у нас просто Беда. В шахте то и дело слышалось: «Где Беда? Кто видел Беду? Надо доложить Бедо...»

— Работа под землей такая же опасная, как в небе или в море, — наставлял он нас, пытливо поглядывая из-под насупленных мохнатых бровей, каждая из которых годилась на добрые усы. — Но уж раз я сам Беда, то никакой другой беды на моем объекте быть не должно. Прошу рубать земельку по всем правилам, хлопцы. У меня чтобы без закидонов!

И строго взыскивал за каждое, даже самое незначительное нарушение техники безопасности.

Мы пробивали тоннель от площади имени Свердлова к площади имени Дзержинского. Было у нас два щита для проходки. Один наш, отечественного производства, другой — английский. Я работал на отечественном в бригаде Николая Соловьева. Этот парень был коренным москвичом, чем немало гордился, и одна из станций метро — «Библиотека имени Ленина» — строилась как раз под его домом.

Однажды наш забой посетил Всесоюзный староста М. И. Калинин. Он пришел запросто, сопровождали его только маркшейдер и председатель нашего шахткома.

— А ну-ка, ребятушки, покажите мне, как вы тут землю-матушку роете? — спросил он, поздоровавшись.

— Да если бы земля была как земля, Михаил Иванович, а то ведь песок-пывун, — отвечал за всех бригадир. — С ним хлопот полон рот.

Завязалась непринужденная беседа. Михаил Иванович пытливо расспрашивал нас обо всем, интересовался, как мы живем, в чем нуждаемся, как идет работа, как проводим свободное время, где учимся.

На плечо ему с потолка капнула вода. Калинин встревоженно поглядел вверх.

— А не зальет тут вас?

Широкое скуластое лицо Николая Соловьева расплылось в улыбке.

— Все наши беды, Михаил Иванович, Тягни-Беда на-гора утянул!

Мы засмеялись.

— Совершенно верно! — слышалось сзади.

Подошел начальник шахты. Ему, наверное, сказали, что Калинин у нас.

— Тягни-Беда,— представился он Михаилу Ивановичу.— Начальник шахты.

Калинин хитровато прищурился, пожимая ему руку.

— У вас тут, товарищ Тягни-Беда, молодец к молодцу собрались. А знаете ли вы как начальник, чем живут эти ребята, о чем они мечтают, к чему стремятся? Жизнь у каждого ведь только начинается.

— Михаил Иванович, я не ошибусь, если скажу, что добрая половина из них, если не больше, рвется в небо,— не задумываясь, отвечает Тягни-Беда.

Калинин удовлетворенно улыбнулся.

— Это же замечательно, товарищи комсомольцы! Только вчера Центральный Комитет ВКП(б) рассмотрел вопрос об укреплении кадрами нашего Воздушного Флота. Будет открыто много новых аэроклубов и летных училищ. Милости просим, как говорится...

Мы будто по команде во все горло дружно гаркнули «Ура!». В шахте наш радостный клич прозвучал очень гулко.

— А пока суд да дело, покажите здесь, на что вы способны,— продолжал он:— У летчика должен быть твердый характер. Да, говорят, и выносливостью он должен обладать завидной...

А вскоре к нам на стройку приехал секретарь ЦК комсомола Александр Косарев. Бывал он у нас и раньше, мы его хорошо знали. Обаятельный, простой, с ярким румянцем во всю щеку. Все его звали просто Саша.

— А меня к вам Михаил Иванович прислал! Попросил первым сообщить радостную весть: ЦК комсомола объявляет призыв в Воздушный Флот ста пятидесяти тысяч комсомольцев. Будем отбирать туда самых боевых ребят.

Так начался мой путь в авиацию. Сначала основан авиационный полк...

Войну я начал на Калининском фронте. Летал бомбить вражеские тылы. Затем — бои под Ростовом-на-Дону и Таганрогом. Тяжелые дни под Воронежем летом 1942 года. С образованием Юго-Западного фронта получил должность начальника авиационной разведки 861-го полка 244-й бомбардировочной дивизии 17-й воздушной армии, которая потом в полном составе перешла в распоряжение 3-го Украинского фронта.

Весну 1944 года я встретил на юге Украины. Под моим началом 9 экипажей воздушных разведчиков. Три ведут тактическую разведку, три — оперативную, три — стратегическую, летая в дальние тылы врага. Насколько воздушная разведка важна, говорить не приходится. Мы каждый раз привозим кассеты пленки, на которой зафиксированы важнейшие узлы обороны противника, аэродромы, железнодорожные станции, строительство инженерных сооружений, передвижение войск и техники по основным коммуникациям и рокадам фронта.

Весна 1944 года. Наш фронт перешел в наступление. Разведчики летают уже над Румынией, Болгарией, Югославией, Венгрией...

Сегодня наш полет протекает на редкость удачно. По путевому времени через несколько минут мы должны «перескочить» линию фронта. Но мне в таких случаях всегда вспоминается наставление моего первого летчика-инструктора: «Полет считай законченным, когда зарулишь на стоянку!»

— Запроси погоду,— еще раз приказываю Сергею Анцупову.

У нас в полку его зовут асом эфира. Не было еще случая, чтобы по его вине в полете оборвалась

связь с землей. При любых атмосферных помехах примет радиogramму и четко передаст свою. К тому же Сергей не только радист, но и воздушный стрелок.

Радиogramмы с нашего аэродрома не радуют. Облачность десять баллов! Это значит — все небо наглухо забито тучами. И что особенно неприятно — высота их всего-навсего сто-сто пятьдесят метров. Видимость — полтора-два километра.

— Свяжись с соседями, — приказываю Анцупову.

Сергей будто разговаривает с наземными радистами не на языке точек и тире, а в микрофонном режиме: буквально через две-три минуты получаю погоду на аэродромах 449-го и 260-го полков нашей дивизии — точно такая же картина, как и у нас в Шевченково. Принимаю решение садиться дома.

Начинаю снижаться. В кабине полумрак. Идем как в густом дыму. Осторожно пробиваю облака. Сквозь рваные хлопья их мелькнула земля. Сразу узнаю знакомые ориентиры. Молодой штурман вывел точно к Шевченково. Вряд ли в такую погоду фашистские летчики отважатся рыскать по нашим тылам, но я все же приказываю Сергею Анцупову и Наде Зайченко усилить наблюдение. Как раз в таких облаках вражеским истребителям очень легко приблизиться к нам незамеченными.

Надя Зайченко, или Зайчик, как у нас ее зовут, перед войной поступила в Винницкий педагогический институт, мечтала учить детей русскому языку и литературе, однако война сделала ее оружейницей. Есть такая должность в авиационных полках. Оружейники подвешивают бомбы, заряжают, чистят, смазывают и ремонтируют пушки и пулеметы. Но Наде хотелось летать. В свободное время

она настойчиво и упорно училась на воздушного стрелка. Замечу, кстати, что летать у нас рвутся все авиационные специалисты: мотористы, прибористы, механики, радиомастера. Забегая вперед, скажу, что после Победы мы потеряли Надю Зайченко из виду. Наш штурман экипажа Юрий Михайлович Страдомский в шестидесятых годах служил в Главном штабе ВВС Советской Армии. И вот что он мне рассказал. Является к нему однажды юный лейтенант и докладывает, что прибыл для дальнейшего прохождения службы после окончания летного училища. Смотрит на него Страдомский и глазам не верит: стоит перед ним Надя Зайченко в парадной офицерской форме! Такая, какой была она в военные годы: смуглолицая, черноокая, с тугими ямочками на румяных щеках. Юрию Михайловичу так и кажется, что откинет она сейчас назад голову и озорно засмеется.

Раскрывает он не без волнения личное дело лейтенанта, читает анкету. Мать — Надежда. Уж не Зайчик ли наш?

— Товарищ лейтенант, а ваша мать в войну не служила в авиации? — спрашивает Страдомский.

— Никак нет, товарищ майор, — удивился лейтенант.

Страдомский еще раз окинул изучающим взглядом летчика. Тот же рисунок рта, что и у Нади, та же улыбка.

— У вашей матери должен быть орден Красной Звезды за сбитый «мессершмитт», медаль «За отвагу»...

Лейтенант отрицательно качает головой.

— Вот что, — встает из-за стола Страдомский, — я вас сегодня не буду отправлять в часть. Завтра явитесь к десяти утра. И я попрошу вас узнать у матери, не служила ли она в 861-м бомбардиро-

вочном авиационном полку. Если служила, то скажите ей, однополчане будут очень рады, если увидят ее на традиционной встрече в день Победы.

— Боюсь, что вы ошиблись, товарищ майор, — откозырял вежливо лейтенант. — Я, во всяком случае, даже представить свою маму в роли воздушного стрелка не могу...

Однако Страдомский не ошибся. Это действительно была она.

— Что же ты, чудачка, сыну-то про свою фронтовую службу ничего не рассказала? — спросил он у Надежды Федоровны. — Ведь воевала...

— Весь народ воевал, — улыбнулась она в ответ.

— Сбила фашистский самолет, орден Красной Звезды получила!

— А затем и летала, чтобы сбить. — Надежда Федоровна погасила улыбку. — Вот видите, и сын у меня авиатор, хотя он ничего не знал о моей боевой юности, командир. Отец спал и видел его геологом, у них в семье это наследственная специальность...

Но все это будет потом. А пока еще весна 1944 года. И мы даже до государственной границы не дошли. Впереди у нас Одесса, Кишинев, София, Белград, Будапешт, Вена. Впереди напряженные воздушные схватки, гибель многих боевых друзей, незабываемые подвиги однополчан в жарких воздушных боях. Еще очень далеко до Берлина...

Над аэродромом в Шевченково попадаем в снежный заряд. С металлическим звоном в плексиглас фонаря кабины лупит жесткая, как битое стекло, крупа. Я скорее угадываю, чем вижу, присыпанные снегом посадочные знаки. Черные посадочные полотнища стали серыми. Мягкий толчок. Летит вода из-под колес во все стороны. Самолет похож сейчас на стремительно несущийся по воде глиссер.

Заруливаю на стоянку. Вместе с механиком самолета старшиной Леонидом Мойсеевичем Абезгаузом нас встречает сам «батя» — командир полка полковник Николай Александрович Никифоров. Нам кажется, что он давно уже ждет: исхлестанное снегом лицо стало багровым, капюшон «канадки» наброшен на фуражку.

— Товарищ полковник, задание выполнено, — докладываю, вскинув руку к виску. — Над Одессой была погода как на заказ.

Идем на командный пункт полка.

— Немедленно готовьте фотопланшеты и разведдонесение, — «батя» посмотрел на часы. — Сам командующий армией генерал Судец звонил два раза, интересовался вашими радиogramмами.

2 Мы, воздушные разведчики, пожалуй, одними из первых узнаем о планах высшего командования, чувствуем близость каждой наступательной операции. Так было и той весной. Только вот не оттянет ли час наступления эта слякоть? За всю войну еще не было такой своенравной весны.

Раскисший грунт на полевых аэродромах затруднял взлет и посадку, а иной раз делал полеты невозможными. Бездорожье задерживало доставку на аэродромы авиабомб и боеприпасов, горюче-смазочных материалов. К тому же летать нам часто приходилось с дальних аэродромов: не всегда удавалось быстро произвести перебазирование, продвинуться вслед за пехотой. Отступая, фашисты приводили в полную негодность свои взлетно-посадочные полосы, взрывали землянки на аэродромах. Да и мы сами основательно обрабатывали их при налетах, блокируя вражеские самолеты. Но столь велико было у каждого из нас желание помочь

наступающим войскам, что мы готовы были преодолеть любые трудности. Никто не жаловался на усталость. Откуда только силы брались?

В последних числах февраля командующего нашей 17-й воздушной армией генерала В. А. Судеца вызвали в Москву. Мы об этом могли бы и не знать, не полети он туда на нашем бомбардировщике и с нашим экипажем. Вернулся командующий через два дня, и по его приказам мы поняли, что очень скоро начнется наступление. Теперь командование все больше стали интересоваться дальние тылы противника.

На другой день после нашего полета в Одессу полк рано утром подняли по тревоге. Выстроились мы поэкипажно у командного пункта полка.

— Сегодня еще затемно гвардейцы генерала Чуйкова перешли в наступление, — торжественно произнес начальник штаба подполковник А. Г. Павлов. — Сталинградцы выбили гитлеровцев с занимаемых ими позиций. В прорыв введена конно-механизированная группа генерала Плиева. Кавалеристы и танкисты смяли резервы противника и блокировали населенный пункт Троицко-Сафонов. Прошу развернуть полетные карты.

Алексей Георгиевич подождал, пока мы приготовимся, и продолжал:

— 11 марта 1944 года Ставка Верховного Главнокомандующего приказала 3-му Украинскому фронту усилить темп преследования противника, овладев переправами на Южном Буге на участке Константиновка — Вознесенск — Новая Одесса, с ходу форсировать реку и захватить плацдармы на ее противоположном берегу, а в дальнейшем освободить Тирасполь, Одессу и продолжать наступление с целью выхода на Прут и Дунай — на государственную границу Советского Союза.

В Советской военной энциклопедии задача 3-му Украинскому фронту сформулирована так: «...Разгромить приморскую группировку противника между реками Южный Буг и Днестр. Освободить северо-западное побережье Черного моря с крупнейшим портом г. Одесса и выйти на государственную границу СССР с Румынией...»¹. «Советские войска к началу наступления превосходили противника: в людях — в 1,3, в орудиях и минометах — в 4, в танках и САУ — в 2,7 раза, но уступали в 1,3 раза в боевых самолетах...»².

17-я воздушная армия получила задачу надежно прикрывать войска фронта от ударов авиации противника, содействовать наземным войскам в прорыве обороны и преследовании отходящих немецко-фашистских войск. Ударами по железнодорожным станциям и порту Одесса препятствовать их эвакуации³.

— Одесса! — радостно вырвалось у стоявшего рядом со мной начальника воздушно-стрелковой службы дивизии майора Прудовского.

— Одесса! — прокатилось по рядам.

Теперь каждый из нас уже не сомневался, что настала очередь освобождения Одессы. В полку у нас было много одесситов. Для них это двойная радость. Сейчас они гонят врага от своих родных мест.

В заключение начальник штаба сказал, что, по данным войсковой, наземной, агентурной, воздушной и партизанской разведок, гитлеровцы располагают на нашем фронте в общей сложности 650 бое-

¹ Советская военная энциклопедия, т. 6. М., Воениздат, 1978, с. 21.

² Там же, с. 22.

³ См.: 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М., Воениздат, 1977, с. 119.

выми самолетами. Базирование их нам хорошо известно. Затем к экипажам с коротким словом обратился заместитель командира полка по политчасти подполковник А. Л. Маркин.

— Сегодня ночью в сложнейших метеорологических условиях прекрасно действовал 449-й ночной бомбардировочный авиационный полк, которым командует подполковник Иван Иванович Малов, — сказал Александр Леонтьевич. — Козлов, Клестер, Коротков, Егоркин, Мясников, Шевкунов, Тюшевский нанесли сокрушительные удары по железнодорожным станциям и ближним тылам противника. За умелые действия командующий фронтом генерал Малиновский объявил благодарность всему личному составу полка. Хорошо поработали на переднем крае и экипажи легкомоторной авиации. А теперь пробил наш час, друзья!

— Ура! — как по команде единой грудью выдохнул весь полк.

Полковник Н. А. Никифоров ставит боевую задачу. Суть ее такова: ночные разведчики 449-го полка засекли живую силу и танки противника на марше в районе станции Александровка. Гитлеровское командование бросает в спешном порядке свои резервы на помощь отступающим войскам. Надо помочь пехоте ударить по колонне фашистов. Где она сейчас — узнают наши воздушные разведчики. Они вылетят в 6. А через 20 минут поднимется весь полк. Поведет его сам командир полка.

Полковник как всегда чисто выбрит, подтянут, бодр. У него прекрасная выправка, бравый вид. Про таких говорят «военная косточка». Все мы знаем «батю» как отважного воздушного бойца, великолепного летчика и тактически грамотного командира. Не далее как вчера преподавал он мне очередной урок.

Мы намечали в штабе дежурный экипаж разведчиков. Выбор пал на старшего лейтенанта Михаила Подорванова, но я заколебался. Вот-вот наступление должно начаться, задание может быть очень ответственным, а у Михаила Подорванова штурманом летает в экипаже лейтенант комсомолец Евграф Муратов, боевого опыта у него маловато.

— Давайте Юрия Страдомского пошлем, — предложил я.

— А ты подумай, какую моральную травму нанесем мы Муратову! — вздохнул «батя». Согласен, опыта у него маловато, нервничает в полете, волнуется. — Он на минуту задумался: — Но, может быть, если он успешно выполнит это задание — почувствует себя увереннее. Так?

— Он будет знать — командование верит ему, надеется на него, — поддержал «батю» подполковник Маркин. — А это всегда окрыляет человека...

Итак, сегодня от умелых действий экипажа коммуниста Михаила Подорванова и в первую очередь от Евграфа Муратова как штурмана в немалой степени будет зависеть успех бомбардировочного удара всего полка. Сам «батя» наметил их в полет. Сумеет ли Муратов найти вражескую колонну, не потеряет ли ориентировку в полете? Мы должны нанести этот массированный удар неожиданно для противника, не дать ему возможности рассредоточиться, подготовить зенитную защиту.

Вместе с разведчиками иду к стоянке, на ходу даю последние указания. Пора запускать моторы.

— Ну, ребята, ни пуха ни пера!

Самолет выруливает на старт, я провожаю его взглядом. Погода уж больно ненадежная. Утром немного прояснилось, и вот опять надвигаются тучи. В воздухе мутной завесой изморось. Разведчикам

придется лететь на очень малой высоте, а это значит собирать осколки зенитных снарядов и даже винтовочные пули...

— По самолетам! — доносится голос «бати» от командного пункта.

Бегу к своей машине.

Мы рады, что полк ведет «батя», чувствуем себя увереннее, когда он с нами в небе. Могу назвать десятки боевых вылетов, когда коммунист-полковник Никифоров под яростным огнем вражеских зенитчиков своим личным примером вдохновлял экипажи действовать самоотверженно, бомбить только наверняка. Так было под Воронежем, Кривым Рогом, Запорожьем, Никоподем... А вот случай, который произошел здесь, на 3-м Украинском фронте. Отбомбившись всем полком, мы возвращались с задания. Вылет был дальний, истребители сопровождения не могли идти с нами по всему маршруту — их ограничивал запас горючего. Проводили сколько можно и должны были встретить на обратном пути в условленное время и в условленном месте. У линии фронта самолет лейтенанта Г. Е. Гущина получил серьезные повреждения. У него отказало рулевое управление, загорелся мотор.

— Иду на вынужденную!

Самолет Гущина «вывалился» из общего строя и резко пошел на снижение. Летчик пытался сбить огонь скоростью.

Полковник Никифоров приказал вести полк майору М. М. Пыркову, своему заместителю по летной части, а сам ринулся вслед за Гущиным. В этот момент недалеко шел воздушный бой между нашими истребителями и «мессершмиттами»: два из них атаковали машину Никифорова, пристроились в хвост. Но голос командира спокоен и уверен.

— «Маленькие», прикройте меня. Иду спасать Гущина, севшего на вынужденную.

Тишина на нашей волне. Затаив дыхание, ждем, что скажет командир. Истребители прикрытия выются над нами. Успеет ли та пара, что кинулась выручать «батю»? Я застыл в ожидании. На лбу выступает испарина.

— Все в порядке! — раздается наконец голос Никифорова. — Экипаж Гущина везу в бомболюках...

Если бы даже было приказано произвести вылет одной эскадрильей, сегодня все равно ее повел бы сам «батя», потому что удачное начало боевых действий в первый день наступления задаст тон всей дальнейшей работе полка.

Я не свожу глаз с циферблата на приборной доске и по времени прикидываю, где сейчас находятся наши разведчики. Связь они должны поддерживать с командиром полка, но приемники радиостанций, установленные в кабинах летчиков, настроены на ту же волну.

Подходим к аэродрому истребителей. Эскадрилья прикрытия уже в воздухе. Она присоединяется к нам, и мы ложимся на заданный курс. Я невольно замираю при каждом шорохе и треске, раздающемся у меня в наушниках шлемофона. Молчат разведчики. Вкрадчивый голос работающего где-то далеко передатчика, сыплющего в эфир морзянку, напоминает мне запечного сверчка в нашей деревенской хате. Как давно это было! Все, что осталось за гранью войны, воспринимается теперь мною по-иному. Мелкие и крупные огорчения, обиды вызывают только улыбку. Все прожитое мной широчайшей полосой разделила на две части война...

...Тихо на нашей волне. Все экипажи предупреждены: ни одного выхода на связь без крайней

необходимости. Нас могут засечь радиостанции подслушивания противника. «Радиомаскировкой» называется на военном языке подобная предосторожность. В эффективности ее мы не однажды убеждались на собственном примере. Кровью заплачено за все ошибки, упущения, небрежность. Но не даром говорится, что за битого двух небитых дают.

О чем бы я ни думал, мысли мои снова и снова возвращаются к воздушным разведчикам. Погода по маршруту еще хуже той, что была при нашем взлете. Облака немилосердно жмут нас к земле. Того и гляди пойдет дождь, а тогда и вовсе видимость ухудшится. Сорок пять минут прошло, как поднялся в воздух экипаж коммуниста Подорванова. Значит, теперь разведчики уже где-то на подходе к большаку у станций Александровка. Если, конечно, не сбились с маршрута.

Пятьдесят минут. Пятьдесят пять... Наконец-то в шлемофоне раздается голос лейтенанта Муратова. По первым словам, когда он еще только произносит наши позывные, угадываю, что полет протекает хорошо, без особых осложнений.

— «Метеор-1», я — «Метеор-12». Севернее три километра от станции Александровка на марше танки и пехота противника. Танков до семидесяти, пехоты около батальона. Погода в моем районе: облачность 10 баллов, высота 600 метров, видимость два-три километра, слабый дождь. Как поняли? Прием.

— Я — «Метеор-1», вас понял, — отвечает Муратову «батя», произнося эти слова своим обычным, почти бесстрастным голосом, но в конце радиogramмы у него все же прорываются живые нотки: — Глядите не спугните добычу! Поворачивайте домой.

— Молодец, Евграф! — радостно срывается у меня с языка.

— Что, командир? — подключается ко мне штурман Никонов.

— Евграфу Муратову душевную благодарность объявил, — улыбаюсь я, чувствуя, как спала с плеч тяжесть.

— Заслуживает! — коротко бросает Никонов.

Этот свое дело знает досконально, натренирован в расчетах, имеет богатый опыт полетов на бомбометание. Однажды под Николаевом нам стало известно, что гитлеровцы собираются по какому-то поводу в сельском клубе. На бомбардирование вылетел старший лейтенант Никонов с летчиком коммунистом Луценко и положил бомбу прямо в печную трубу.

Полк точно выходит в указанный Муратовым квадрат. Район боевых действий наши штурманы успели изучить хорошо. Сваливаемся на фашистов из-за облаков. Подобные операции у нас давно уже отработаны в составе полка. Ведущая группа самолетов наносит удар по голове колонны, создавая пробку, а замыкающие при первом заходе бьют по хвосту, и фашистские машины оказываются в капкане. Почти никакого противодействия зенитчиков. Огонь беспорядочен и жидковат. Танки бросились было в стороны, но тут же все в грязи застели: по бокам дороги картофельное поле, которое непогода превратила в вязкое месиво. Ветер разогнал облака, видимость увеличилась. Мечутся в панике пехотинцы. Их поливают огнем из своих пулеметов наши стрелки. Высота маленькая, я хорошо вижу, что творится сейчас на большаке и возле него. По земле стелется густая волна огня и дыма. Пылает бензин, растекаясь по большаку. Последние бомбы «батя» приказывает сбросить на эшелоны, стоящие в Александровке. Замыкающие самолеты фотографируют результаты бомбометания,

и полк, снова выстроившись по эскадрильям, девятками ложится на обратный курс, не потеряв ни одной машины.

Вскоре после нашего возвращения с боевого задания на краю летного поля у командного пункта появляется не совсем обычный «боевой листок». Центральное место в нем занимает искусно сделанный фотомонтаж из кадров, отснятых экипажами после бомбометания. Фашистский танк, поставленный на дыбы колоссальной силой взрыва, танк с рваной дырой в боку, штабной автобус, буквально перерубленный бомбой пополам, полевая кухня вверх колесами, трупы гитлеровцев на картофельном поле... А под этими снимками четко вывел наш художник моторист комсомолец старшина Виктор Корниенко красивыми буквами: «Наша работа!». И тут же в правом углу «боевого листка» стихотворение нашего полкового поэта Алексея Маркова «Над Александровкой», посвященное полковнику Никифорову.

Да, это наша общая работа. Работа авиационного полка и батальона аэродромного обслуживания (БАО). Работа тех, кто непосредственно выполнил полет, и тех, кто его старательно подготовил: подвез горючее и боеприпасы, подвесил бомбы, зарядил пулеметы и пушки, проверил и наладил приборы, выверил моторы и электрооборудование... Пишу сейчас, а перед моим мысленным взором проходят коммунисты инженеры А. И. Жуков, И. Г. Ищеулов и А. Абакумов, техники М. П. Акимов, Ф. Е. Чача, И. Е. Еремеев, А. М. Салуквадзе, М. П. Дубинин, Ф. И. Заволокин, Н. А. Закрасняный, А. К. Карачинцев, И. К. Луковкин, авиамеханики И. И. Самусь, Л. Н. Сухотин, М. Т. Сухонин, Н. И. Бакуменко, П. П. Рыбас, Л. Я. Волков... Руки их загорели от повседневной работы в жару и сту-

жу под открытым небом, в кожу вьелось масло, железо, лица обветрены, задубели... Поистине не оцением ваш ратный подвиг, друзья боевые!

В первый день весеннего наступления наш полк сделал три боевых вылета, и все они закончились очень удачно, мы потерь не понесли. А когда закончился летный день, первый вопрос, с которым обращались экипажи к поджидавшим их на стоянках техникам и механикам, был один: «Как дела на фронте?» Те устали отвечать и решили повесить большой лист фанеры у КП, на котором было написано: «Наступление развивается успешно!».

С воодушевлением технический состав принимается обихаживать боевые машины, славно поработавшие на победу. До утра на аэродроме кипит напряженная работа — тяжелая и не менее опасная чем в воздухе: в любую минуту могут налететь фашистские бомбардировщики или истребители. Ох, как озлоблено сейчас гитлеровское командование своими неудачами на фронтах! Даже-слякотная весна не принесла фашистам долгожданной передышки.

К утру наши боевые машины будут готовы вновь подняться в небо. А те, кто всю ночь работал, чуть передохнув, снова прибегут на аэродром и в тревожном ожидании начнут прислушиваться, ловя отдаленный рокот моторов, нетерпеливо поглядывать на часы. Сказать о том, что все эти ребята и девушки любили свой самолет, значит ничего не сказать. Они боготворили его! Он был для них живым существом — каждый со своим характером, со своими привычками и даже причудами. Сколько нежных слов находили они для своих любимцев!

Однажды наши бомбардировщики возвращались с задания уже под вечер. Техники и механики пристально вглядывались в небо, и каждый уже «по походке» угадывал, в каком состоянии его машина,

— Моя!— с тревогой и болью вырвалось у техника самолета старшего лейтенанта Георгия Худякова, почувявшего неладное.

Бомбардировщик, пробежав немного по посадочной полосе, вдруг припал на одну ногу, коснулся крылом земли и, тяжело развернувшись, беспомощно повалился набок. Худяков помчался к своей машине. Убедившись, что экипаж невредим, ободряюще кивнул пилотам, затем медленно обошел израненный самолет, обнял стойку колеса и заплакал. А был он человек уже в летах, сам не раз смотрел смерти в лицо, попадая под бомбежки, похоронил многих боевых друзей и никак не склонен был к сентиментальности.

...Попужинав с «наркомовской» стопкой водки, мы стягнули нервное напряжение, и разговор за столами стал более оживленным. На все лады обсуждались перипетии боевого дня, первого дня весеннего наступления. В дверях столовой показался улыбающийся начальник оперативного отделения полка коммунист майор Аким Самойлович Гуркало, неунывающий весельчак-балагур. По обыкновению он появлялся к концу ужина, чтобы «на десерт» угостить нас последними новостями с фронта.

— За день, товарищи, наши продвинулись на 30—40 километров,— начал он приподнятым тоном.— Получена телеграмма от командующего 8-й гвардейской армией генерала Василия Ивановича Чуйкова. Он благодарит нас за помощь, товарищи.

— Даешь Одессу!— вскочил темпераментный кавказец техник лейтенант Фемистокл Ефимович Чача.

— Даешь!— дружно подхватили все.

3 У каждой наступательной операции свой стиль, свои особенности. Одесская была проведена, что называется, на одном дыхании от начала до конца. В дни этого наступления мы особенно зримо ощутили, какой могучей силой стала наша авиация за годы войны. Чтобы помочь пехоте, танкам и кавалерии продвигаться вперед, в небо поднимались одновременно истребители, штурмовики и бомбардировщики, нанося комбинированные удары по врагу.

Меня вызвали в штаб дивизии вместе с начальниками воздушной разведки двух других полков. Мы должны были доложить командиру дивизии полковнику П. В. Недосекину все, что удалось выведать об аэродромах противника. На аэродроме нас встретил начальник воздушной разведки дивизии майор Сергей Гусаров и повел на КП.

Командный пункт находился в сельской школе. На составленных рядом столах и партах расстелена большая карта, испещренная условными знаками. Полковник могуч телосложением, широк в кости. Любимая поговорка, которой он старается следовать во всех случаях жизни: «Поспешай не спеши!» Я ни разу не видел его суетящимся, беспокоемым, торопливым, даже под бомбами врага. И это сосредоточенное спокойствие тотчас передается подчиненным.

В этой школе никогда еще не было так шумно, как сейчас. В каждом классе соседствует несколько отделов, в учительской разместились радиостанция, кладовка превращена в узел связи. Но офицеры штаба словно не слышат ни писка морзянки, ни звонкого перестука аппаратов Бодо, СТ-35 и стрелотни пишущих машинок, ни заливающих на все голоса зуммеров полевых телефонов, ни даже гула моторов связных самолетов, взлетающих прямо

от школы со спортивной площадки. Каждый ушел в свою работу с головой. В поле зрения штаба вся наземная и воздушная обстановка. Руководствуясь положением на фронте, в тесном взаимодействии с командирами общевойсковых соединений, полковник Недосекин ставит задачи своим полкам, эскадрильям и даже отдельным экипажам. Дивизия его — лишь один агрегат большого и чрезвычайно сложного хозяйства, именуемого авиационным корпусом. А корпуса объединены через свои штабы со штабом воздушной армии. И вся эта огромная масса авиационной техники действует четко и взаимосвязанно. Воздушные бойцы вместе с «царицей полей» матушкой пехотой, танкистами, артиллеристами и конниками громят врага, очищая от него родную землю.

Начальник штаба дивизии полковник Безин занимает правый угол класса: стол его как раз напротив стола командира, а в левом углу расположен оперативный отдел, которым руководит подполковник Чабаненко. Он весь угол заставил полевыми телефонами. Отсюда осуществляется связь с командными пунктами авиационных полков.

— Эскадрильи капитанов Ильина, Некрасова, Рогинца и Прошина вернулись в полном составе, — докладывает полковнику Безину его старший помощник майор Косенков. — Прошин со своей эскадрилей бомбардировал автоколонну в районе западнее Очакова. Возникло два очага пожаров. Результаты бомбометания зафиксированы фотосъемкой. Рогинец нанес удар по станции Карпово. На фотопланшете установлено: два станционных здания разрушены, подожжено восемь вагонов, разбит паровоз. Ильин и Некрасов со своими эскадрильями бомбардировали порт Николаев. Потоплены самоходная баржа и два транспорта.

Боевые донесения немедленно передаются в штаб корпуса, а оттуда в штаб воздушной армии.

Обстановка на фронте меняется буквально каждый час. Там, где утром мы обрабатывали аэродромы и скопления гитлеровских войск, уже находятся танкисты и конники Плиева. Генерал В. И. Чуйков перенес свой штаб в Троицко-Сафонов. Освобожден Новый Буг. Командующий 6-й немецкой армией генерал-полковник Холлидт, бросив свой штаб, удрал на вездеходе.

Очень много работы сегодня у начальника связи дивизии майора Белявского. О продвижении наших войск надо немедленно поставить в известность все экипажи, находящиеся на задании, сообщить им погоду, переданную самолетами-разведчиками. Не радуется она. В районе Николаева сплошная облачность, высота ее 200 — 250 метров. Правда, синоптики обещают в скором времени некоторое улучшение.

Начальник штаба полковник Безин на основе решения, принятого командиром дивизии, ставит авиационным полкам уже новые задачи. Суть их сводится к одному: не дать противнику вывезти технику ни по железным дорогам, ни морским путем. Лишить его возможности закрепиться на водных рубежах. Вылет немедленный.

Эскадрильи снова в воздухе! Уже начинают поступать от них короткие радиogramмы. А мы, пристроившись за партами у окна, обрабатываем разведывательные данные по мере поступления фотопланшетов и ждем своего вызова к комдиву. Вся работа штаба проходит у нас на глазах. Я с удовлетворением читаю в докладах помощника начальника штаба: выполнив боевое задание, эскадрильи возвращаются домой без потерь. Молодцы, летчики! Научились летать в сложной погодной обстановке

и бить врага с минимальными потерями. Как правило, наши бомбардировщики и штурмовики уходят теперь на задание только под прикрытием истребителей. Мне невольно вспоминаются горькие дни 1942 года. На Воронежском фронте наш полк потерял как-то в один день восемь боевых машин и 32 человека...

— Капитан Рогинец в районе Очакова атакован четырьмя истребителями Ме-109,— докладывает начальнику оперативного отдела подполковнику Чабаненко начальник связи, получив тревожную радиограмму. Тот связывается со штабом истребительной дивизии. Емкие, короткие фразы. Находящиеся неподалеку от Очакова два «яка» немедленно мчатся на выручку Рогинцу.

В. В. Рогинец — командир эскадрильи нашего полка. Штурманом у него старший лейтенант В. С. Шеремет, стрелком-радистом сегодня полетел начальник связи эскадрильи лейтенант В. К. Захожий, воздушным стрелком старшина К. И. Косенко. Боевой экипаж. Этих парней взять непросто, народ тертый, стреляный. Но очень уж силы не равны: четыре истребителя на одного бомбардировщика...

Томительное ожидание... Мы все волнуемся. Связь прервана. Что же происходит там, у Очакова? Идет неравный бой или бомбардировщик уже догорает на земле, упал в море? Не хочется даже думать об этом, но война есть война. Четыре на одного...

Не выдержав, я иду к рации. Маленькая светловолосая девушка с обильно окропленным веснушками лицом одной рукой прижала к уху наушник в резиновой оправе, а другой тихонько вращает вернер настройки приемника, «шарит» по заданной волне. От напряжения у нее на лбу блестят бисеринки пота.

— Запросите еще раз!— приказывает начальник связи нашего полка майор А. А. Лукьянов.

Движок заводится нажатием кнопки стартера. Девушка кладет руку на телеграфный ключ. Медленно поползла по шкале вверх стрелка прибора, показывающая отдачу передатчика. В эфир снова летят точки—тире, точки—тире... Мы слышим их по контролю работы, и мне кажется, что сами по себе они звучат тревожно, с хриловатым надрывом. Выключив передатчик, девушка прижала наушники обеими руками. И вдруг она резко обернулась к нам. На лице — радость.

— Отвечают!

Карандаш радистки быстро побежал по строчкам аппаратного журнала.

— «Маленькие» чуть припоздали,— читает полковник Безин.— Отбились сами. Один Ме-109 сбит. Продолжаем выполнять задание».

— Молодцы!— восхищенно вырывается у Чабаненко.— Запросите, кто сбил вражеский истребитель.

Ответная радиограмма на этот раз звучит очень коротко: точка—тире, точка—тире.

— Я!—опять поворачивается к нам радистка.

— Флагманский стрелок-радист,— поясняет окружающим Лукьянов.— Лейтенант Владимир Захожий.

В районе Николаева все время кружат наши разведчики, сменяя один другого. Через каждые полчаса в штаб поступают их донесения. Низкая облачность и дым пожаров накрыли город «будто овчинным тулупом», по меткому выражению штурмана подполковника Юнеца. Дым стелется над землей, и чтобы разглядеть, что же делается на позициях гитлеровцев, на дорогах и в порту, разведчикам приходится то и дело залазить под этот

«тулуп», снижаясь на 250—300 метров. Они все время рискуют быть пропоротыми пушечными очередями «эрликонов».

Позвонил командующий воздушной армией генерал Судец.

— Пользуясь плохой погодой, противник, надо думать, подбросит в Николаев подкрепления своим осажденным войскам,— сказал он.— Усильте разведку. Родион Яковлевич Малиновский считает, что многие пожары в городе фашисты устроили не только для того, чтобы причинить нам материальный ущерб...

На земле идет ожесточенное сражение за освобождение Николаева. Пленные говорят, что Николаев и Вознесенск Гитлер объявил «крепостями». Укрепления действительно мощные, как показала фотосъемка. Николаев опоясан шестью обводами инженерных сооружений, и тянутся они «от воды до воды», сомкнув берега Ингула и Южного Буга. Это сложная система окопов полного профиля, траншей и ходов сообщений, у которых расположены основные и запасные огневые позиции артиллерийских и минометных батарей. Толщина оборонительного вала в глубину — 25 километров. Воздушные разведчики начали его изучать задолго до начала Одесской операции. У меня остался в памяти такой случай. На первых снимках, которые сделал старший лейтенант В. Т. Хайнов со штурманом лейтенантом В. П. Луговым, было написано: «...Вывалившись из облаков, мы отчетливо увидели немецкого солдата, развешивавшего белье у орудий. Как ему было знать, что он будет удостоен великой чести? Не один русский генерал останавливал на нем свой взор, изучая сложную систему обороны гитлеровцев на подступах к Николаеву».

— На самолете лейтенанта Бурова и штурмана лейтенанта Шматько отказал левый мотор,— передала радиостанция наведения.— Не слушаются рули управления.

На помощь подбитому бомбардировщику быстро направились истребители, висевшие над линией фронта. Но как его отыскать в условиях такой ограниченной видимости?.. А тут еще одна беда свалилась на воздушных разведчиков: на горящий самолет набросился «Фокке-Вульф-189», а это серьезный соперник. Наши пехотинцы очень метко окрестили его «рамой», потому что снизу форма этого двухфюзеляжного самолета напоминала оконную раму.

Молчит самолет Бурова. Волнуемся: что с ним?

— Живой, живой Федор Алексеевич,— спешит порадовать всех начальник связи Белявский.— Буров поджег из пушек «раму», а стрелок-радист старшина Венжановский добил ее.

— Что, сами радировали? — спрашивает майор Косенков.

— Нет. Сообщила станция наведения. Буров сел на вынужденную в расположении наших войск, пожар ликвидирован. «Рама» упала неподалеку.

Радиограмма воздушных разведчиков летчика лейтенанта Евгения Архипова и штурмана лейтенанта Василия Новожилова взбудоражила весь штаб. Она гласила: «В порт Николаев входят два транспорта и самоходная баржа с войсками».

— Кто в воздухе? — спросил комдив у начальника штаба.

— Полк Забелина и две эскадрильи 861-го.

— Немедленно нацелить всех на порт! Поднять по тревоге оставшуюся одну эскадрилью 861-го и ночной полк Малова. Разведчикам объявите благодарность.

Покончив с неотложными делами, комдив вызывает нас.

— Командующий воздушной армией генерал Судец приказал нанести массированный бомбардировочный удар по аэродромам противника. Докладывайте, что вам известно о местах базирования вражеской авиации и путях наиболее безопасного подхода к ним.

Мы раскрыли свои планшеты, поочередно стали докладывать, подкрепляя слова фотоснимками. Комдив задал нам несколько вопросов и устало посмотрел на часы.

— А ведь пора бы уже и перекусить, товарищи.

Поднявшись из-за стола, он бросил вопросительный взгляд на начальника оперативного отдела.

— Все самолеты вышли на цель, — без слов понял его Чабаненко. — Баржа затонула в порту, на одном из транспортов возник пожар.

— Распорядитесь представить мне снимки контроля бомбометания.

Мы вышли из штаба, и только теперь я вдруг почувствовал, что основательно проголодался.

В столовой опять начались разговоры о событиях сегодняшнего дня, о положении на фронте. Полковник Недосекин был в приподнятом настроении: боевые дела в дивизии шли пока хорошо и без потерь.

— Еще одна приятная новость, товарищи, — объявил, садясь за стол, майор Косенков. — Стрелок-радист старшина Арбузенко из 861-го полка сбил «мессершмитт». Получено подтверждение кавалеристов Плиева.

Василий Арбузенко — из нашего полка, из экипажа лейтенанта Б. И. Плеханова.

— Это уже второй сбитый им самолет за нынешнюю весну, — сказал я.

— Арбузенко... Знакомая фамилия, — раздумчиво произнес полковник Недосекин.

— Вы недавно наградили его медалью «За отвагу», — напомнил я.

— Николаевец?

— Так точно.

— Передайте комполка: представить старшину Арбузенко к награде, — распорядился комдив. — А когда будет освобожден Николаев, пускай даст ему краткосрочный отпуск.

— Слушаюсь! — ответил я, радуясь за Василия.

4 Перед началом весеннего наступления армия была пополнена личным составом и техникой. Мы получили новенькие самолеты. Все они были значительно модифицированы. Як-3, к примеру, теперь обладал повышенной маневренностью и мощным пушечным вооружением. Облегченная конструкция позволила поставить на него 37-мм пушку, стреляющую через втулку винта. Тридцать семь миллиметров! Это же чуть ли не наша прославленная «сорокапятка», сокрушавшая фашистские танки на земле, поднялась в небо. На Як-3 были установлены также пушки калибром 20 мм. Конструкторы поставили их вместо пулеметов. Целая артиллерийская батарея в воздухе! И при всем этом Як-3 остался таким же легким и резвым, каким он был раньше.

Еще в начале 1942 года принял свой первый бой с вражескими истребителями модифицированный ЛаГГ-3. Он превосходил в скорости улучшенный «Мессершмитт-109г» на 40—50 километров в час, что в бою давало большое преимущество. Восторженно встреченные нашими летчиками, новые истребители вскоре появились на фронте с серийным

наименованием Ла-5. Чтобы нейтрализовать их действия, немецкие конструкторы выдали «Фокке-Вульф-190», однако он не смог на равных противоборствовать с Ла-5. К тому же наш истребитель получил форсированный мотор, и в воздухе все чаще зазвучали тревожные голоса гитлеровских наблюдателей, спешивших предупредить своих летчиков о грозящей опасности: «Ахтунг! Ахтунг! Ла-фюнф — ин дер люфт!» («Внимание! Внимание! Ла-5 в воздухе!»).

По достоинству был оценен нашими летчиками и пикирующий бомбардировщик Пе-2. Но я помню, как вначале очень многие из нас отнеслись к нему с прохладцей. Пугала необычно высокая скорость при посадке. У нас даже тогда поговорка такая ходила по бомбардировочным полкам: «На пешке» летать, что тигра целовать, — много страха и никакого удовольствия!». Но очень скоро все почувствовали силу и огневую мощь этого самолета, а главное — исключительную точность бомбометания. Ну, а что касается посадки, то тут, разумеется, определенные навыки были нужны. «Пешка» низких скоростей не любила.

По своим тактико-техническим данным бомбардировщик Пе-2 не уступал многим истребителям, он мог потягаться с ними даже в исполнении фигур высшего пилотажа. На «пешке» летчики крутили «бочки», не теряя высоты. Поразить Пе-2, когда он срывался в пике и развивал бешеную скорость, было нелегко. Попробуйте удержать в прицеле комету! Да и в воздухе подобраться к «пешке» тяжело — пулеметы надежно защищали нос и заднюю полусферу.

Это дало нам возможность использовать Пе-2 не только как пикирующий бомбардировщик, но и как ближний и дальний разведчик.

А с какой теплотой всегда отзывались о штурмовике Ил-2 пехотинцы! Он вместе с ними ходил в атаки: вышибал фашистов из блиндажей, дотов, дзотов, громил артиллерийские батареи, жег танки. Немецкие солдаты боялись его как огня и сколько имен ему напридумали: «Черная смерть», «Русская дубина», «Летающий танк»...

Осенью 1943 года, в начале наступательных операций на Украине, прилетел к штурмовикам командующий 17-й воздушной армией генерал В. А. Судец.

— Товарищи, надо два моста взорвать через Днепр.

— Взорвем! — заверяют его штурмовики. — Дело нехитрое...

— На подходе к мостам у гитлеровцев мощный зенитный заслон.

— Прорвемся!

— Нет, товарищи, тут дело не только в зенитной обороне, — продолжает командующий. — Эти мосты скоро нам понадобятся, взорвать их надо слегка, повредить только береговые опоры.

Замечу, кстати, что не было у нас в воздушной армии человека, который бы не знал своего командующего в лицо. Смело могу это утверждать. Летчики шутили: «Наш генерал не летал разве только на метле да на ковре-самолете!» Службу в авиации Владимир Александрович начал механиком в 1925 году, потом выучился на летчика, воевал с японцами, белофиннами. Нашей армией командует с марта 1943 года. Засиживаться в штабе командующий не любил, его всегда тянуло в полки, которые он сам часто водил на выполнение боевых заданий. Внешне суховатый, скорее, в силу своей постоянной сосредоточенности, непрестанной работы ума, в сущности, человек душевный, заботливый

и внимательный. Но если дело касается нерадивости, расхлябанности, здесь пощады от В. А. Судеца не жди. Здесь выступают на первый план его железная требовательность и твердость командира.

— Только береговые опоры слегка повредить! — повторяет он. — Тут нужна тонкая, я бы сказал, ювелирная работа.

Обсудив положение, решили действовать так: штурмовики пойдут на выполнение задания двумя эшелонами с коротким временным интервалом. Первый мощный огневой удар подавит зенитные батареи врага. Потом нагрянет второй эшелон. Бомбы он возьмет поядренее, с взрывателями замедленного действия, чтобы сбросить с малой высоты наверняка и успеть уйти от своей взрывной волны.

Операция была выполнена блестяще. Правда, за успех пришлось заплатить дорогой ценой: штурмовики потеряли два экипажа. Один из ударов — по железнодорожному мосту в Запорожье — возглавил летчик 1-го авиакорпуса старший лейтенант Унвар Усманов. Вместе со своим воздушным стрелком он погиб в бою. Вторую группу на днепропетровский мост повел заместитель командира полка 6-й дивизии, сам уроженец этого города майор Столяров. В сотне метров от родного дома ему было суждено принять смерть.

Невольно вспоминается один из многочисленных случаев второй мировой войны, когда впустую трагически тысячи тонн тротила. Нашим союзникам надо было разрушить монастырь Монте-Касино в Италии, в котором засели гитлеровцы. Никакой особой прочностью он не обладал. Американцы и англичане решили не просто его разрушить, а показать противнику всю мощь своей авиации, ошеломить его. На уничтожение Монте-Касино было брошено 135 «летающих крепостей» Б-29.

Четыре с лишним полка! Да еще в придачу к ним вылетело три авиационных полка средних бомбардировщиков — 87 самолетов. За день они высыпали на монастырь целый железнодорожный эшелон бомб. И что же? Засевшие в Монте-Касино гитлеровцы не только уцелели. Они набрались нахальства перейти в контратаку! Как видите, бомбить надо уметь. И, как правило, не количество тонн взрывчатки решало успех дела, а боевое мастерство наших летных экипажей, самоотверженность, верность своему воинскому долгу, любовь к Родине, за которую они шли в бой.

Мы учились на фронте воевать неустанно, по крупицам собирая и обобщая опыт своих товарищей. Все новое, рожденное в воздушных схватках с врагом и оправдавшее себя, немедленно становилось достоянием многих.

5 На борьбу с воздушными разведчиками гитлеровцы бросили специальные группы истребителей, которые постоянно кружились возле своих аэродромов, поджидая нас. Чтобы перехитрить врага, каждому экипажу надо было проявить большое мастерство, выдержку, отвагу, сметку.

— Есть серьезный разговор, — сказал мне утром в столовой командир полка. — Заходи немедленно.

Когда я пришел к нему, он сидел над картой боевых действий. Перед ним были разложены последние фотоснимки.

— Вот гляди, дешифровщик насчитал здесь двенадцать Ю-87, — ткнул карандашом Никифоров в один из них. — Надо понимать, это все, что осталось от немецкой эскадры. Но почему же тогда у этого аэродрома фашисты натывали столько зенитных батарей? Что, им больше охранять нечего?

— Слишком щедро для двенадцати бомбардировщиков, — согласился я.

— Значит, одно из двух: либо фашисты хорошо замаскировали здесь свои самолеты, либо ждут прибытия новой техники, — делает вывод полковник Никифоров. — Надо произвести доразведку. Кого пошлем?

«Только бы не Николая Галкина, пусть отдохнет», — подумал я. Мы квартируем с ним в одной землянке. Я пришел вчера позже обычного, засидевшись за оформлением разведдонесений, гляжу — спит Николай сидя. Одна нога разута, на другой — сапог. Очевидно, когда разувался, откинулся к стенке землянки, чтобы дух перевести, и мгновенно заснул.

Вчера старший лейтенант Галкин летал на доразведку в район Одессы. После того как он прошел Измаил, вылетела на задание группа бомбардировщиков 260-го полка, ведомая капитаном Лебедевым.

Первая радиogramма Галкина гласила: «С северной окраины порта Сулин обстрелян зенитной артиллерией. Будьте осторожны, обогните указанный район». Вторая радиogramма: «Все в порядке, продолжаю выполнять задание».

Но едва стрелок-радист старшина В. М. Венжановский успел отстукать ее на ключе, как самолет словно споткнулся: зенитный снаряд угодил в левую плоскость, вырвав большой кусок дюрала. И в ту же минуту осколок другого снаряда рассек трубку маслопровода — стрелка прибора застыла на нуле. Правый мотор надо выключать, а до цели еще 6 минут полета.

Третья радиogramма: «Нас немного царапнуло. Идем по маршруту».

Вырвавшись из-под зенитного огня, разведчик попал в зону обстрела другой батареи. Еще один снаряд угодил в самолет. Его так тряхнуло, будто колеса коснулись земли при грубой посадке, когда летчик «делает козла».

На этот раз повреждение оказалось серьезным: винт мотора заклинило. Застыв неподвижно, он маячил перед глазами как кол. Об этих горьких минутах летчики так и говорят: «Винт встал палкой...» С сильным креном самолет несло к земле. С большим трудом Галкину удалось выровнять его, дав полные обороты «живому» мотору.

Четвертая радиogramма: «Сильный заградительный огонь. Продолжаем выполнять задание».

Скоро Татарка. К ней направляются воздушные разведчики, стараясь ломаным маршрутом сбить с толку гитлеровских наблюдателей. Только бы успеть передать капитану Лебедеву последнее сообщение... Штурман Волошановский берет микрофон: «На южной окраине поселка в квадрате 9734 большое скопление автомашин и тягачей. По шоссе с востока на запад идет колонна автомашин с пушками на прицепе. Насчитал не менее пятидесяти. Видимость хорошая».

— Вас понял, — отзывается капитан Лебедев.

На связь вышла «Палуба» — радиостанция командного пункта полка, следившая за разговором воздушного разведчика с ведущим ударной группы.

— Что у тебя, «Орион-5»? — спрашивает полковник Никифоров. По тону Волошановского «батьа» почувствовал, что у экипажа не все благополучно.

— Крылья маленько пощипали, — отвечает Галкин. — У правого мотора винт заклинило.

— Тяните домой. По дороге встретят «маленькие».

На цели, указанные воздушными разведчиками, комэск Лебедев вывел бомбардировщики, и они

обрушили мощный удар по боевой технике врага. Все наши самолеты благополучно вернулись с задания. Дотянул до своего аэродрома на одном моторе и Галкин. А через час с небольшим, уже на другом бомбардировщике, он снова был в полете. Три боевых вылета сделал вчера этот экипаж...

...Я знаю, командир полка ждет, что я назову фамилию Галкина. А я мучительно перебираю другие фамилии, думая, кем бы его заменить.

Никифоров выжидательно смотрит на меня. Но тут раздается телефонный звонок, «батя» берет трубку.

— Готовьте еще один экипаж, — говорит он мне через минуту. — Генерал Чуйков просит проверить сведения, полученные его разведчиками у населения. По этим сведениям, противник стягивает большие силы к Малеевке, Ново-Сергеевке и Березнеговатому.

— Слушаюсь, — отвечаю я, не в силах подавить тяжелый вздох.

— Видишь, так и так недолго пришлось бы поспать экипажу Галкина, — угадывает командир полка мои мысли.

Я уже давно перестал удивляться его проницательности. Иногда испытываешь такое чувство, будто он знает наперед, что ты собираешься ему сказать.

Выпускаем в полет экипажи: Галкина со штурманом Волошановским, старшего лейтенанта коммуниста Цехмистрова со штурманом комсомольцем лейтенантом Александром Голоперовым. Цехмистрова за его общительный характер у нас зовут просто Саша. Он выше среднего роста, худощав, быстр в движениях, непоседа. В полку очень любят слушать его истории о енакиевских шахтерах. Любимое его присловье: «Мы, шахтеры, умеем

добывать уголек, научились и фашистов отправлять на тот свет...»

Галкин вернулся с задания без особых приключений. Фотоснимки показали, что гитлеровцы начали получать новые самолеты, пополняя разбитую воздушную эскадру бомбардировщиков. А вот Александру Цехмистрову пришлось выдержать тяжкий бой. На втором заходе, когда фотографирование последней дороги, по которой шли войска и техника противника, уже было закончено, воздушных разведчиков неожиданно атаковали два Ме-109. Преследовали чуть ли не до самого аэродрома. Но нашим удалось выйти из этого переплетца целыми и невредимыми.

В этот день экипаж лейтенанта коммуниста В. Т. Хайнова атаковали четыре «мессершмитта». Хайнов немедленно связался с радиостанцией наведения, сообщил, где находится, и попросил помочь. И вот уже две пары Ла-5 взмыли в небо.

У Василия Хайнова дружный, хорошо слетанный экипаж. Штурман лейтенант Луговой — коммунист, мастер бомбовых ударов и ведения воздушной разведки в сложных метеоусловиях. Стрелок-радист старшина Федор Зарицкий и воздушный стрелок старший сержант Александр Буров тоже не первый раз встречаются с фашистскими истребителями. На счету у того и другого около сотни боевых вылетов. Буров сбил два Ме-109, награжден орденом Ленина, Зарицкий «поделил» с друзьями трех ФВ-190, уничтоженных в групповом бою.

Ведя огонь короткими хлесткими очередями, стрелки не подпускали гитлеровцев к хвосту. Один из истребителей, улучив момент, попробовал атаковать спереди, сверху, но едва не угодил под огонь пушек Хайнова и как ошпаренный шарахнулся в сторону.

— Командир, пересекающим курсом идут еще три «месса»! — предупредил Хайнова Луговой.

Семь истребителей на одного бомбардировщика! Гудящим роем закружились фашисты вокруг тяжелой машины, норовя ужалить ее побольней. Огненные струи пуль сверкали перед глазами Зарицкого и Бурова, проносились над пилотской кабиной. Казалось просто чудом, что бомбардировщик еще жив. Следить за истребителями было почти невозможно. Одни заходили в атаку, другие только делали вид, что атакуют, стараясь отвлечь внимание. Большое тело краснотеловой машины уже содрогается от прямых попаданий, как от острой боли. Разлетелся вдребезги плексигласовый фонарь над турелью Зарицкого, тугой струей воздух ворвался в кабины. Александру Бурову показалось сперва, что его друга ветром отбросило от пулемета. Он склонился над ним и увидел кровь, хлынувшую из левого плеча. Правая рука повисла плетью.

— Потерплю! Отбивайся! — с трудом выдавил из себя раненый.

Самолет опять дернулся. Послышался скрежет разорванного осколками металла. Снаряд пробил фюзеляж прямо над головами воздушных стрелков.

— Что там у вас, ребята? — тревожно прозвучал в шлемофоне Бурова голос командира. — Почему не стреляете?

— Федора сильно задело! — отозвался Александр, припав к пулемету.

Теперь ему надо отбиваться за двоих.

Видя, что задние пулеметы молчат, фашисты осмелели. Один из них снизу подобрался уже к самому хвосту. В носу у него сверкнул огонь. И в тот же миг заговорил крупнокалиберный пулемет Бурова. Все пули впились в поджарое тело «мессера». Стрелок ощутил это почти физически. Нос

фашиста заломило назад, как от сокрушительного удара. Откуда-то снизу повалил дым.

— Ага, наелся! — мстительно вскрикнул Буров.

«Мессершмитты», будто по команде, отпрянули назад. Наверное, он сбил командира группы.

— Один кувыркнулся! — сказал радостно Буров летчику.

— Вижу! — ответил Василий. — Что с Зарицким?

— Лежит ничком.

Оторваться от пулемета Бурову нельзя, короткая растерянность у фашистских летчиков прошла, «мессершмитты» опять всей сворой бросились на израненный бомбардировщик, открыв огонь с дальних дистанций. Перекрестие прицела словно кто-то выбил у Бурова из-под глаз. Самолет резко развернуло, как на посадке, когда он задевает землю крылом.

— Мотор! — жгуче пронзила стрелка горькая мысль. Он даже не мог оглянуться: сверху под крутым углом свалился на него фашистский истребитель, сверкнув на солнце кабиной. Это какой-то миг. Но Буров успевает опередить фашиста. Тот не сделал ни одного выстрела — он был уже мертв. Его несла теперь только сила инерции! Вскоре он, войдя в штопор, врезался в землю.

Буров хотел крикнуть командиру, что еще один «месс» испекся, но от сухости из горла вырвался только хрип.

— Ранен, Александр? — испугался Хайнов.

— Пока нет. За Федора боюсь.

Положение воздушного разведчика казалось безнадежным. Василий Тимофеевич с трудом удерживал машину в горизонтальном полете. Ни о каком маневре нечего было и думать: отказал мотор, повреждена гидросистема, перебит тросик руля поворота...

Фашисты все это видят. Они только выжидают момент для нанесения последнего удара. Но они чувствуют, что заднюю полусферу защищают очень опытные и смелые воздушные стрелки и не хотят больше искушать судьбу. Осторожничают, выбирая момент для удара наверняка.

Но где же обещанная землей подмога? Василий Тимофеевич поглядел на бортовые часы. Стоят? Нет, идут! Большая, во весь циферблат, красная секундная стрелка скачет по делениям, отмеряя минуты. Воздушный бой начался всего лишь десять минут тому назад.

— «Орион-7», мы — «Ласточка», спешим к тебе, — раздалось вдруг громко и отчетливо в шлемофоне у Хайнова. Эти слова звонкий молодой голос произнес запаленно, как на бегу.

— Волнуется! — благодарно отметил про себя Хайнов, хотел первым делом приободрить Бурова, но «Ласточка» опять сообщила:

— Мы видим тебя, «Орион», видим! Держись! Сейчас мы их шуганем, от тебя так, что перья посыплутся.

Тем временем фашисты, очевидно, посоветовались и скопом ринулись на почти неуправляемый самолет, который с трудом еще тянул по прямой.

— Конец! — с тоской и болью пронеслось в голове у Бурова.

Он яростно крутился в кабине вместе с турелью, выбирая цель. Чувствовал, что патроны у него на исходе. И вдруг вражеские самолеты все разом, будто ветром их сдуло, кинулись врассыпную, как испуганное воронье.

— Наши! — радостно ахнул Буров, увидев две пары Ла-5, пикировавших на немцев из поднебесья.

Дотянуть домой на подбитом самолете помогли старшему лейтенанту Хайнову опыт и летное ма-

стерство, к которым следует еще прибавить силу воли и самообладание. Покинуть самолет экипаж не мог, даже перевалив через линию фронта: тяжело раненный Зарицкий был не в состоянии выпрыгнуть с парашютом. Мотор сильно грелся, все время работая на форсаже. Чтобы хоть немного остудить его, Василий Тимофеевич время от времени переводил бомбардировщик в планирование, сбавляя обороты. Последние километры шли над самой землей. Буров перевязал раненого друга. Зарицкий потерял много крови и был уже без сознания. Об этом сообщили по радио на командный пункт полка, и машина санитарной части БАО дожидалась у посадочной полосы. Переливание крови Зарицкому сделали прямо на аэродроме.

При виде изрешеченного самолета авиационный механик Илья Тарасов за голову схватился.

— Как же вы добрались, командир?!

— С передыхом! — Хайнов хотел обнять механика, но вдруг почувствовал, что ноги у него стали ватными, и он, виновато улыбнувшись, бессильно скользнул на землю.

6 У командира авиационного корпуса генерала В. И. Аладинского родилась мысль заставить истребители попутно взять на себя функции бомбардировщиков. Для пробы авиационные техники в полевых авиационных мастерских, которые у нас сокращенно именовались ПАРМами, изготовили бомбодержатели и подвесили их под фюзеляжи «яков» и Ла-5. Каждый истребитель взял по четыре «четвертака» — двадцатипятикилограммовые бомбы. Идея эта пришлась по душе заместителю командующего 17-й воздушной армией генералу А. Е. Златоцветову. Человек энергичный, решительный, он

обладал исключительной храбростью. У нас в полках его звали «отчаянный генерал». Златоцветов демонстрировал во время боевых вылетов такое мастерство, что даже бывалые летчики рассказывали об этом с восхищением...

В тот день я только что вернулся из разведывательного полета. Мы искали полевой аэродром гитлеровцев в районе Очакова. Захожу доложить «бате». Он разговаривает с кем-то по телефону.

— А вот он и сам явился,— говорит в трубку и протягивает ее мне.— Заместитель командующего.

— Майор Черниевский слушает.

Поздоровавшись, генерал Златоцветов спрашивает, что нам удалось выяснить в разведывательном полете.

Отвечаю.

— Значит, слетали не зря,— слышится из трубки. — Тогда готовьте фотопланшеты и сами привезите их на штабном По-2. О визуальных наблюдениях расскажете лично. Жду вас в хозяйстве Аладинского.

Когда я прилетел на аэродром, генерал разговаривал с летчиками, среди которых был и корреспондент нашей армейской газеты «Защитник Отечества» капитан Иринарх Ильич Крестовский. Про капитана говорили, что он нюхом чувствует, где происходят важные события, никогда не упустит интересный материал.

Генерал жестом показывает мне на стоянку истребителей. Первое, что бросается в глаза,— это бурные тела бомб, подвешенные под фюзеляжами. С таким несвойственным им грузом «ястребки» выглядят как-то особенно боевито, задиристо.

— Удивить — значит победить, говорил Суворов,— смеется генерал.— Представляете, как бу-

дут ошарашены гитлеровцы, когда вот такие гостинчики с истребителей к ним на головы полетят?

Рассказываю, сколько фашистских самолетов разглядели мы на стоянках полевого аэродрома, показываю фотопланшеты, отмечаю на карте, где расположены зенитные батареи, обстрелявшие нас, откуда, по моему мнению, надо подходить для штурмовки аэродрома.

— Давайте охотничий прием используем,— предлагает командир эскадрильи капитан Николай Федорович Краснов.— На бреющем с подветренной стороны подкрадемся.

Генерал отогнул приподнятый воротник летной куртки, повернулся лицом к ветру.

— Свежий ветерок!

— И дует куда нам надо!— оживленно, в тон ему, продолжил Краснов.— Зайдем к фашистам с тыла. Гул наших моторов они услышат в самый последний момент, когда мы уже будем возле аэродрома.

— Принято!— одобрил план генерал.

Заместитель командующего недаром выбрал эскадрилью капитана Краснова. Об этих ребятах на 3-м Украинском фронте ходили легенды. Только в последних боях за освобождение Запорожья капитан Краснов сбил одиннадцать фашистских самолетов лично и восемь в групповых боях. За ратные подвиги он удостоен звания Героя Советского Союза, награжден многими орденами и медалями. «Сказать, что ты летишь с капитаном Николаем Красновым, это все равно, что сказать: «Без победы на свой аэродром не возвращаюсь!»— писал в газете капитан Крестовский.

— Готовьтесь к вылету!— распрощался с летчиками генерал и направился на командный пункт корпуса.

— Никогда не улетит, пока сам не расспросит о результатах, — сказал мне корреспондент, хорошо знавший генерала.

По-2, на котором меня доставили сюда, улетел с офицером связи в один из полков. Мне ничего не оставалось делать, как ждать его возвращения.

— Пойдем посидим у радиостанции, — предложил я капитану Крестовскому, с трудом выговорив его имя — Иринарх.

Он добродушно засмеялся.

— Я и сам иногда без подготовки не могу осилить его. Как меня только не зовут, знал бы ты! Анархий, Иенархий, Агрархий...

Мощная полевая радиостанция РАФ-5, смонтированная в фургоне грузового автомобиля, стояла в жиденькой лесополосе, заложенной перед войной. Она оказалась как раз на краю аэродрома. Радист выставил в окно динамик, чтобы ему не мешали работать. Как всегда бывает, возле радиостанции сидели свободные от работы авиационные механики, мотористы, оружейники, летчики-«безлошадники».

Мы расположились рядом. Кто-то щелкнул портсигаром, угощая журналиста. Его знали во всех полках воздушной армии и уважали, понимая, насколько важна работа газетчика. Материалы Крестовского отличала деловитость и краткость. И едва ли не в каждом он старался передать хоть крупицу боевого опыта, показать, как и почему добился успеха в бою летчик, штурман или воздушный стрелок, как готовил машину к вылету механик.

Перо у Крестовского бойкое, многие из его статей и репортажей хорошо запоминались, были настолько метки, что делались своеобразными пословицами и поговорками: «Не входи в раж, бей короткими очередями и не мажь!», «Там, где техник Грядкин, — «яковлевы» в порядке!»

Динамик «зафонил», послышалось легкое шипение и зазвучал голос капитана Краснова, немного смазанный расстоянием и атмосферными помехами:

— «Волга», я — «Стрела-2». Подхожу к месту работы. У меня все в норме. Прием.

Разговоры смолкли. Все внимание — на динамике. Ждем. У капитана Крестовского от напряжения вздрагивают чуть полуоткрытые пухлые губы. Он словно нашептывает что-то про себя. Мы с ним давно, что называется, на дружеской ноге. Однажды он мне поведал с горечью, что трижды пытался попасть в летное училище и все тщетно — не смог пройти медкомиссию. Никогда не забуду его первого приезда в наш полк. Прямо с ходу Крестовский начал расспрашивать Никонова о штурмане полка капитане Головенкове.

— Прекрасный товарищ, сердечный, отзывчивый! — с большим пафосом начал Никонов, любивший, как у нас выражались, «потравить». — Но вчера вылетел на задание и забыл в землянке локсодромию. Стыд и позор! Пришлось возвращаться. А нам инструкция строго приписывает: «Носи все с собой!» И старший лейтенант Никонов выразительно похлопал по объемистой штурманской сумке, где в специальных гнездах сидели ветрометр, навигационная линейка, цветные карандаши, резинки, курвиметр...

— Ужасная беспечность! — посочувствовал корреспондент. — Но хоть ортодромия-то была у Павла Петровича с собой?

Никонов изумленно вытаращил на него глаза:

— Волокешь?!

— А как же, обязан по службе!

Ортодромия и локсодромия — штурманские термины. Означают они расстояния между двумя точками на карте — фактическое и пройденное са-

молстом при неизбежном отклонении под воздействием ветра и воздушных течений.

Одним словом, все быстро поняли, что корреспондент с чудным именем Иринарх не лыком шит. К тому же он вскоре сам стал летать довольно часто на боевые задания, заменяя воздушного стрелка.

— «Волга», я — «Стрела-2, приступаю к работе! — торжественно, как мне показалось, доложил капитан Краснов. — «Стрелы» — атака!

Мы представляем, как сейчас восьмерка краснозвездных истребителей стремительно проносится над аэродромом гитлеровцев, и так низко, что ветер от винтов гонит рябь по лужам, не просыхающим после частых и обильных дождей. Заливаются бойкой скороговоркой пулеметы, басовито вторят им пушки. И вот через три секунды, когда машины серебристыми точками уже скрываются вдалеке, начинают грохотать бомбы...

— «Стрелы» — все молодцы! Все! — в радостном азарте гремит в мощном динамике голос Краснова. — Еще разок пройдемся. Живо разворот! Живо, пока они еще не очухались.

— Орел парень! — одобрительно вырывается у пожилого авиационного механика.

В словах его вместе с восклицанием сквозят любовь и гордость. Гордость за своего командира. И только чуть-чуть глубоко запрятанная гордость за себя. Это вполне понятно — ведь машина, в которой носится сейчас над вражеским аэродромом капитан Николай Краснов, до последнего винтика выверена и протупана его руками.

Генерал Златоцветов сам встретил эскадрилью Краснова у стоянки.

— Уничтожено одиннадцать «фоккеров», товарищ генерал, — доложил Николай и широко улыбнулся. — Бомбы — это хорошо!

— А как вы считаете, последователи у вас найдутся? — спросил генерал.

— Да кто же от бомб откажется! — убежденно воскликнул капитан Краснов. — Эти бомбы для нас все равно что гранаты для пехотинца!

По примеру Краснова¹ бомбы стали «цеплять» многие истребители. Родились вместе с этим и новые тактические приемы. Громить самолеты противника на его аэродромах теперь наши истребители вылетали двумя большими группами, эшелонированными по высоте. В ударную группу входили самые опытные летчики. Заметив самолеты противника в воздухе, они быстро сбрасывали бомбы и неслись на перехват, прикрывая товарищей, истреблявших технику врага на стоянках. Бомбы сбрасывались прицельно и с пикирования.

7 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова и конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева глубоко вклинились в оборону гитлеровцев вдоль железной дороги Новый Буг — Николаев. Противник оказался в кольце и лихорадочно заметался в поисках выхода. Мне довелось быть очевидцем напряженных боев, которые разгорелись в районе Ново-Полтавки 12 и 13 марта 1944 года. В эти дни я работал на радиостанции наведения, установленной на командно-наблюдательном пункте В. И. Чуйкова.

Еще затемно По-2 доставил меня к линии фронта. Сели мы на пологом холмике в километре от Ново-Полтавки. Посадочная площадка была обозначена единственным фонарем «летучая мышь»,

¹ Н. В. Краснов погиб смертью героя в 1945 году над Будапештом. Похоронен в Одессе на Аллее Славы. Его именем названа в Одессе улица.

поставленным в ведро, чтобы не заметили немецкие наблюдатели. Летчик По-2 лейтенант М. И. Шамшурин, про которого у нас в дивизии говорили, что он может посадить свой маленький небесный тихоход хоть на печную заслонку, аккуратно приткнул машину возле самого ведра. Я вылез из машины в кромешную тьму и только минуты две-три спустя начал различать кое-что на земле.

— Давайте сюда, а то в грязюке утонете! — слышался чей-то мальчишески звонкий голос.

Встретили меня аккредитованный при штабе армии наш радист старшина Степан Шевчук и автоматчик комендантского взвода, несшего охрану командарма. Один взял ведро, другой фонарь. Помахали мы взлетевшему Шамшурину и направились к деревне. Холодный промозглый ветер дул прямо в лицо. Вся земля была вспорота гусеницами танков, самоходно-артиллерийских установок и автомашин, истоптана сотнями солдатских ног. Под сапогами чавкала густая вязкая грязь. Меня чуть не разуло, и я чертыхнулся, едва устояв.

— А вы поглядели бы, товарищ майор, что на пахоте в поле делается! — сообщил мне автоматчик.

Я только теперь разглядел его лицо: молодое, обветренное, коричневое от постоянного пребывания на воздухе лицо бывшего солдата.

— Сталинградец? — спрашиваю.

— Два месяца там в окопах просидел! — охотно подтвердил парень и закончил: — Вчера разведчики пленных в степи взяли, так мы над ними ухаживали. В грязюке аж по самые уши, как свиньи!

Кирпичное, старинной кладки, здание паровой мельницы, в котором расположился командно-наблюдательный пункт генерала В. И. Чуйкова, возвышалось на западной окраине Ново-Полтавки. Не мельница — крепость. По проему дверей при-

кидываю толщину стен из прокаленного на совесть кирпича под цвет свежей говядины. Далеко не каждый снаряд колупнет. Какой-то купец с дополнительным запасом прочности ставил.

Едва переступив порог, слышу знакомый бас генерала. Попадаю в гулкое просторное помещение, где когда-то принималось зерно на помол. Ящики из-под мин служат стульями, сбитые воедино заменяют столы. С потолка свисают на длинных проводах маленькие лампочки, питаемые аккумуляторами. Окна завешены плащ-палатками или плотно забиты досками.

Василий Иванович Чуйков стоит у карты, лежащей на широченном «хозяйском», как говорят в его штабе, столе. Командарм приземист, коренаст, густые темные волосы с высокого лба зачесаны назад, крупные черты лица, сильные «мужицкие» руки. В зубах потухшая трубка. Я докладываю о своем прибытии.

— Сегодня нам предстоит очень тяжелый денек, майор. — Чуйков ищет кого-то глазами за моей спиной. — Неприятель понимает, что промедление для него смерти подобно и попытается вырваться из окружения. Сержант, где ты там?

— Здесь! — подсказывает к командарму паренек-автоматчик, встретивший меня на «аэродроме».

— Не «здесь», а «я»! — поправляет его ворчливо генерал, раскуривая трубку. — Летчиков берешь на себя. Завтрак, обед и все прочее.

— Есть!

— Слушаюсь! — опять поправляет автоматчика Чуйков и, поворачиваясь к столу, наклоняется над картой. — Мы считаем, что неприятель попытается прорваться вот здесь — на Ново-Полтавку, Баштанку и Бармашово. Детально ознакомит вас с обстановкой и укажет цели генерал Пожарский.

Давая понять, что разговор окончен, командарм кивает мне на прощание и направляется к телефонам, рядом наставленным у его стола на каком-то дощатом сооружении, напоминающем верстак. Я ищу глазами Пожарского. Он разговаривает с группой офицеров в противоположном углу и жестом велит мне подождать его. На командном пункте В. И. Чуйкова я бывал не раз и знаю, что командующий артиллерией Н. М. Пожарский и командарм — большие друзья, вместе идут от Сталинграда. В противоположность плотному, кряжистому В. И. Чуйкову командующий артиллерией узок в плечах, тонок в кости, невысок ростом. В облике его нет ничего генеральского, разве что «командирский» голос — с нотками железа.

— Пойдемте на натуру, майор, как говорят художники, — зовет меня Пожарский. — Ваш коллега уже на месте.

«Коллега» — это представитель 9-го смешанного авиационного корпуса Герой Советского Союза капитан Н. И. Горбунов. Мы должны действовать с ним сообща.

По крутой каменной лестнице поднимаемся на чердак мельницы. Уже рассвело, над землей поднимался серый густой туман, а в небе, низко над нами, плыли облака. Черепичная крыша в нескольких местах разобрана, в проемы между стропилами настороженно выглядывают двуглазые стереотрубы, установленные на треногах. Забравшись выше всех на поперечную перекладину офицер в накинутой на плечи плащ-палатке, высунувшись до плеч, шарит по полям биноклем. Он так увлечен своим делом, что никого не замечает. На широкой плахе, положенной на кирпичи, как на лавке в деревенской хате, борясь со сном, сидят связисты, подперев спинами большую четырехугольную тру-

бу. При виде генерала они зашевелились, хотели встать, но Пожарский, остановив их взмахом руки, прошел мимо.

— Отсель грозить мы будем шведу! — проговорил он, опускаясь на снарядный ящик у дыры в крыше дальнего угла.

Рядом с рацией дремал, уронив голову на грудь, капитан Горбунов. Радист тоже спал. Он проснулся первым и толкнул капитана локтем под бок.

— Генерал!

— Виноват! — вскочил капитан.

— В чем? — улыбнулся Пожарский. — Не вижу. У солдат есть хорошее выражение на этот счет: «добрать». Доспать недоспанное.

Он развернул на коленях свою рабочую карту. Мы расположились по сторонам. Генерал вооружился карандашом, не сняв с него металлического наконечника.

— Плиев сейчас находится вот здесь, на линии Явкино — Бармашово — Грейгово, — он провел наконечником по карте. — Наша 8-я гвардейская стоит на рубеже Красно-Федоровка — Баштанка — Ново-Братское — Андреевка — Ново-Полтавка. По данным разведки, главные силы противника сосредоточиваются для прорыва на Ново-Полтавку. Это — Северная группа. А Южная собирается ударить в районе Березнеговатое — Явкино — Пришиб. В общей сложности гитлеровцы здесь имеют около десяти дивизий...

Пожарский показал нам основные цели, и мы перенесли их на свои карты. Затем он предложил нам взять бинокли и обстоятельно познакомил с линией фронта.

— Мы оставили фашистов без мин и снарядов, — сказал генерал и показал рукой за станцию. — Вон там, у железной дороги, они бросили большой склад

боеприпасов. Здесь даже не сотни — тысячи снарядов. Командарм считает, что именно поэтому противник и выбрал для прорыва Ново-Полтавку. Хотят отобрать у нас свои боеприпасы.

— А нельзя их в дело пустить? — поинтересовался Горбунов.

— Спасибо за добрый совет, — усмехнулся генерал. — Второй уж день «лупим» фашистов из трофейных пушек трофейными снарядами. Мы тут захватили, сорок шесть орудий и тридцать четыре миномета. Да с других участков подвезли. Сегодня вся эта техника будет прикрывать подступы к складу.

Пожарский пошел к телефонам и начал обзванивать артиллерийские полки, давал последние указания, спрашивал, что делает противник. Погода стала выправляться, туман рассеивался, облака поднялись выше. И все оживленнее делалось на нашей волне. Взлетали штурмовики, истребители, бомбардировщики, возвращались домой ночники, приступили к работе воздушные разведчики. Шла будничная боевая работа. Но в воздухе уже чувствовалось тревожно-радостное ожидание каких-то перемен. В готовящемся большом сражении и для нас найдется работа. Мы должны помочь наземным войскам углубить «котел», в котором оказались гитлеровцы, подбросить под него побольше жарких «поленьев». Хорошая половина бомбардировщиков нашей дивизии занаряжена командарму Чуйкову. Мы будем оперативно выполнять его заявки, когда по ходу развернувшегося сражения понадобятся самолеты. Истребителей и штурмовиков подбросит командир 9-го смешанного авиационного корпуса.

— Черниевский! — слышу у себя за спиной.

Оглядываюсь, снимаю наушники. Передо мной полковник Гладкий.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Мои ребята вернулись из ночного поиска. Говорят, что к Ложкино, Малеевке и сюда к нам противник стягивает большие силы. Командующий приказал посмотреть на дорогу сверху.

Раскрываю свой планшет, достаю плановую таблицу полетов разведчиков, гляжу на часы. Сейчас должен возвратиться с задания экипаж старшего лейтенанта Виктора Лесниченко. Вызываю его по рации. В этом мне помогает старшина Степан Шевчук.

— «Планета», я — «Тополь», слышу вас хорошо, — тотчас раздается в наушниках голос штурмана лейтенанта Юрия Осипова. — У нас все в порядке, следуем домой.

Кодом сообщаю ему район, названный полковником Гладким, о результатах наблюдения прошу сообщить мне немедленно. Экипаж знает, что я у Чуйкова.

— Я пойду допрашивать пленных, — говорит полковник. — Что получите от разведчиков, доложите самому командарму.

В. И. Чуйков уже на чердаке, он то всматривается в позиции противника, припав к окулярам стереотрубы, то выслушивает донесения штабных офицеров или разговаривает по телефону с командирами корпусов и дивизий. Он сейчас, как магнит, притягивает к себе все то, чем живет армия. Мы знаем прославленного полководца еще со Сталинграда, где нам довелось поддерживать его войска с воздуха. И мы считали для себя большой честью бить врага вместе с легендарной 62-й¹.

Сколько тревог и волнений сейчас у Василия

¹ Войдя в состав 3-го Украинского фронта, она была переименована в 8-ю гвардейскую.

Ивановича. В ходе наступления его дивизии рассредоточились, выбивая противника из опорных пунктов и блокируя узлы сопротивления. Непролазная грязь и многочисленные «блюдца» — залитые вешними водами низины — постоянно вынуждали маневрировать, терять драгоценные часы. Сплошного фронта окружения не было, резервов мало, боеприпасы приходилось беречь: они застревали по дороге. Патроны и снаряды бойцы подносили на себе, разгружая буксующие машины... Огромную помощь нам оказывали местные жители освобожденных районов. Они на руках переносили боеприпасы, вытаскивали «всем миром» технику, по оси увязшую в жидком месиве, приводили в порядок аэродромы.

Возвращаясь к штабной обстановке. По коротким репликам офицеров догадываюсь, что противник активизируется; очевидно, он готовится к решительным действиям, пытаюсь вырваться из окружения. По-видимому, он собирается нанести несколько отвлекающих ударов одновременно. Надо определить, где будет основной? Командарм считает, что он будет у Ново-Полтавки. А если у гитлеровских генералов совсем другие планы? И все их маневрирование войсками не что иное, как отвлекающие действия, цель которых — ввести нас в заблуждение?..

Я с интересом жду радиogramму наших воздушных разведчиков. По моим подсчетам, экипаж Лесничего уже вышел в заданный квадрат.

Вот она! «В Малеевке танки и штурмовые орудия типа «фердинанд». Замаскированы у домов и под сараями, — сообщает штурман Юрий Осипов. — Насчитал до тридцати единиц. В направлении на Лоцкино пробивается большая колонна автомашин. Застрявшие вытаскивают тягачи на гусе-

ничном ходу. Дежурят у дороги. Под Ново-Полтавкой обстреляли зенитки крупного калибра. В населенных пунктах пехота».

Иду к командарму. Он о чем-то разговаривал с заместителем начальника штаба полковником Белявским. Выслушав меня, Василий Иванович пошутил довольный:

— А еще говорят: «Где начинается авиация, там кончается порядок!»

— Это никак не про нашу воздушную армию! — отпаривал я.

Но Чуйков, уже согнав с лица улыбку, бросил одному из офицеров штаба:

— Горбунова ко мне.

Подошел Горбунов.

— Капитан...

— Майор, товарищ генерал-полковник, — поправил Николай.

— Поздравляю. Майор Горбунов, немедленно нацельте на Малеевку и Лоцкино штурмовики. Пускай пройдутся и здесь, перед Ново-Полтавкой.

— Слушаюсь!

Горбунов уходит к своей радиостанции. Командарм обращается к члену Военного совета генералу Д. Ф. Семенову:

— Сейчас неприятель начнет выдвигать на исходные рубежи атаки танки и штурмовые орудия. — Чуйков поворачивается ко мне. — Пускай ваши бомбовозы подвешивают ПТАБы¹ и тоже вылетают немедленно.

— Но танков еще нет, — заметил генерал Семенов.

— Нет, так будут! — заверил командарм.

Вызываю командный пункт своего полка. Отве-

¹ Противотанковые авиационные бомбы.

чает начальник оперативного отделения Гуркало. Я узнаю его размеренный украинский тенорок. По радио мы стараемся не называть вещи своими именами.

— Хозяину понадобились обещанные волю.

— А что везти?— слышу в ответ.

На ум приходит строчка из стихотворения Шевченко:

— Хрущи над яблоней гудут.

Хрущи — бомбардировщики. А яблоня, как нетрудно догадаться Гуркало, командно-наблюдательный пункт Чуйкова.

— Понятно. Когда выезжать?

— Сразу же, как загрузитесь.

Время от времени я поглядываю в проем, сделанный в крыше, на раскинувшуюся перед нами степь. В этот пасмурный день она кажется унылой, как поздней осенью перед первым снегом. Всюду тускло лоснятся большие лужи, на взгорках четко проступает щетина бурьяна. Линии фронта, какой мы ее привыкли видеть за годы войны, нет и в помине. Она только угадывается по огневым точкам, которые оборудовали наши бойцы на гривках и холмиках. В напоенной до отвала земле окоп не выроешь: тотчас он оплывает, грязь засасывает. Малейшая впадинка залита водой.

На первый взгляд может показаться, что выбрали себе огневые позиции роты и батальоны кому где вздумается: лишь бы нашлось место посуше. А когда приглядишься и вникнешь в систему обороны, то начинаешь понимать, что она хорошо продумана и построена с большим знанием дела. Опорные пункты взаимосвязаны огнем, мертвых пространств, где пуля бессильна, нет, впадины и ложбины простреливаются с флангов. За высотками притаились минометные и артиллерийские бата-

реи, которые при надобности очень быстро могут быть выдвинуты на прямую наводку. Хорошо оборудованы и замаскированы командные и наблюдательные пункты... Одним словом, военному человеку, даже не очень искушенному в вопросах тактики, нетрудно почувствовать, что здесь стоят солдаты, многому научившиеся в сражениях. Стоит советская гвардия. Наши самолеты-разведчики сегодня увезли в «котел» сотни тысяч листовок, в которых говорится, что и 6-ю немецкую армию ждет судьба ее предшественницы, приказавшей долго жить под Сталинградом. Предлагаем во избежание лишнего кровопролития сложить оружие. Гитлеровцы ведь хорошо знают, что имеют дело со сталинградцами.

Прикрепленный к нам для «материального обеспечения» автоматчик из комендантского взвода принес в котелках пшеничную кашу со свиной и чай. Наскоро подкрепились, не снимая наушников.

Едва я успел опростать котелок, как вышел на связь штурман лейтенант Волошановский (экипаж самолета-разведчика Николая Галкина). Он сообщил, что противник выводит из балок и укрытий танки и штурмовые орудия, заметно оживление на огневых позициях артиллеристов.

— Где ваши самолеты?— спросил командарм, выслушав мое донесение.

Мне уже сообщили о времени вылета.

— Будут через двадцать минут.

— Нацеливайте на танки. Любыми путями мы должны оттянуть время атаки.

Все на КП знали, что 23-й танковый корпус по приказу командующего фронтом Малиновского выделил для обороны Ново-Полтавки танковую бригаду. Но она еще не готова вступить в бой. Полковник Белявский хотел поторопить танкистов и даже шагнул было к телефонам, но Чуйков остановил его.

— Время еще есть, не будем их нервировать. От 260-го полка на боевое задание вылетела группа бомбардировщиков, которую повел командир эскадрильи капитан Б. И. Лебедев. За линией фронта ее встретили истребители противника, но сопровождавшие наши бомбардировщики «яки» отогнали их. А тут вдруг неожиданно повалил снег. Сразу стало белым-бело, на земле ничего невозможно разглядеть. Видимость сократилась до ста метров.

Связываюсь с воздушным разведчиком старшим лейтенантом Хайновым. Он ждал бомбардировщики в том самом районе, куда они следовали.

— Как погода?

— Ничего, работать можно.

Очевидно, капитан Лебедев со своей эскадрильей попал в снежный заряд. Лебедев пытается обойти снежный район, слышно, как он уточняет у Хайнова координаты. А вот штурмовикам повезло — эти проскочили буран где-то стороной. Дважды вылетали обе группы на задание — не поздоровилось в тот день вражеским танкам и штурмовым орудиям. Оба вылета оказались очень удачными.

Этот день был знаменательным для командира эскадрильи капитана Бориса Лебедева: ему исполнилось 28 лет. Во второй раз отмечал он свой день рождения в полетах, на боевом задании. Вечером друзья тепло поздравили его и пожелали 29-летие встретить уже в мирной обстановке. Их пожелание почти сбылось — следующий день рождения их комэск отпраздновал накануне Победы, уже в чине майора, будучи кавалером ордена Александра Невского, полученного за Одессу.

Борис родился и вырос в шахтерском городке Харцызске. Замечу, что в нашем полку было много представителей славного шахтерского племени.

Над своим родным городом он впервые поднялся в небо после окончания летного училища. Потом был назначен в бомбардировочный полк.

Забегая вперед, скажу, что Одесская операция оказалась для Лебедева особенно памятной. Он дважды приводил эскадрилью в Одессу, бомбил корабли в порту и скопления вражеских войск. У берегов Черного моря его подбили фашистские истребители, он чуть было не сгорел вместе со своим экипажем. Сейчас Борис Иванович — подполковник в отставке, живет в Одессе, работает на киностудии.

8 Находясь на КП командарма, я особенно зримо и емко увидел и ощутил мощь штурмовиков, по первому зову пришедших на помощь пехоте.

Колонне гитлеровцев удалось просочиться через неплотное кольцо окружения и пробиться к Христофоровке. Подойдя к Ингулу, саперы противника спешно начали возводить переправу. На этот участок мы немедленно бросили штурмовую авиацию. Ил-2 подходили группами с интервалом 10 минут. Только гитлеровцы успевали немного опомниться и начинали собираться возле своих командиров, чтобы снова взяться за переправу, как накатывалась следующая волна штурмовиков и разгоняла их. Наши пехотинцы довершили дело. В этой операции отличились летчики 305-й штурмовой авиационной дивизии майор Карбинский, старшие лейтенанты Чайка, Петров, Фалин и лейтенанты Быков и Минеев.

Наша авиация в ходе ликвидации «котла» громила врага на дорогах, мешала ему сосредоточиваться для прорыва, истребители уничтожали транспортные

самолеты, которыми противник пытался подбрасывать боеприпасы, горючее и продовольствие в «котел», снабжала всем необходимым свою конно-механизированную группу, оторвавшуюся далеко от тылов.

Бой у Ново-Полтавки был очень напряженным, полным драматизма, правда, сохранился он в моей памяти лишь кусками, отдельными эпизодами, потому что я был прикован к радиоприемнику, следил за воздушной обстановкой, наводил на цели наши бомбардировщики. Гитлеровцы начали прорыв при поддержке своей авиации, но господствовали в небе всецело мы, надежно прикрывая пехотинцев, артиллеристов и танкистов. Лишь одиночным вражеским самолетам удавалось пробиться сквозь мощный воздушный заслон к позициям наших войск.

Кое-где противнику удалось потеснить нас, хотя он и нес огромные потери. Он занял Новоселовку, прорвался к Ново-Горожено. Вражеская пехота лезла напролом, видя свое спасение только в том, чтобы вырваться из окружения. Пьяные, отчаявшиеся солдаты и офицеры будто забыли о всякой опасности, шли в «психическую атаку», увязая в грязи. Некоторые пробовали ползти, продвигаясь со скоростью улитки. У фашистов отказывали забитые грязью автоматы и пулеметы, застревали в залитых водой воронках танки и штурмовые орудия.

В разгар боя нас с Горбуновым снова позвал командарм.

— Через двадцать минут танки пойдут в контратаку, — сказал он нам. — Смотрите, товарищи летчики, чтобы фашистские самолеты их не накрыли. Отвечаете мне за них головой.

И вот тут началось... Картина была незабываемая... Маневренные, быстрые Т-34 появились ошеломляюще неожиданно для противника. Выскочив

из-за косогора, они скатились прямо на вражеские батареи, затем ударили во фланг наступавшей немецкой пехоте. Свежий ветерок и проглянувшее к полудню солнце немного закрепили почву. Машины не буксовали. Они неслись по степи, как амфибии, порой совершенно пропадая из глаз во взмывшийся грязной жиже. Танкисты врезались в боевые порядки пехоты, давили ее гусеницами, поливали огнем из пулеметов. А над ревущими яростно танками как ангелы-хранители носились наши «ястребки»...

Сражение под Ново-Полтавкой утихло только к вечеру. Я принял последние донесения от своих разведчиков и направился к полковнику А. П. Гладкому, разведотдел которого располагался в котельной. Мимо мельницы вели пленных. Они шли длинной извивающейся вереницей, хвост которой терялся где-то в степи. Вид у них жалкий, измученный, отрешенный. В глазах страх и полная покорность судьбе. Будь что будет! Многие солдаты, должно быть, убегая от танков или пытаясь выкарабкаться из непролазной грязи, посбрасывали шинели и ранцы, а сейчас ежятся от холода. Идут молча, слышно только тяжелое, будто запаленное дыхание да чавканье грязи под сапогами.

— Вот бы Гитлер сейчас поглядел на свое войско! — сказал Степан Шевчук.

Степан родился в селе Червона Гребля под Одессой. Ему нет еще и восемнадцати. Когда фашисты подходили к селу, мать увезла Степана с двумя малолетними сестренками к родным в Сталинградскую область. Но война докатилась и туда. И Степану довелось пожить «под немцем»: всего натерпелся, чуть в Германию не угнали. Спас снегопад. Немцы погнались расчищать дороги. А тут и наши подоспели. Хотел Степан примкнуть к танкистам,

выбившим гитлеровцев из села, но командир решительно отказал ему. «Для сына полка ты, говорит, великоват, а для бойца годами не вышел. Мой тебе совет: просись в обоз».

В тот день я, как сейчас помню, с заместителем командира эскадрильи старшим лейтенантом И. Г. Петуховым пришли к председателю соседнего колхоза попросить людей для расчистки взлетно-посадочной полосы.

— А кто у вас, дяденьки, летным обозом командует? — спросил паренек, первым вызвавшийся пойти на аэродром.

— Зачем тебе? — удивился я такому вопросу.

Степан выложил все, что посоветовал ему командир танкистов.

— Мне бы дотянуть в обозе у вас до призывного возраста.

— Летного обоза, правда, у нас нет, — вмешался в разговор Петухов, — но есть средства обеспечения полетов. Батальон аэродромного обслуживания.

Степана взяли. Он оказался бойким и оченьмышленным хлопцем. За какой-то месяц научился довольно быстро принимать сигналы азбуки морзе на слух и передавать на ключе. Определили его в роту связи.

— А ведь Степан наверняка к нам в полк метит. Летать хочет! — сказал мне однажды Петухов. — Я его часто с нашими оружиейниками вижу.

— Да он и не скрывает этого, — отвечаю я. — Давно уж об этом просил меня.

Был я для Степана Шевчука уж если не отцом, то старшим братом наверняка...

— Ну что, Степан, иди подзаправься, — говорю ему, наглядевшись на пленных, — а мне надо сперва к начальству заглянуть.

9 — Прощу! — кивнул мне полковник Гладкий, указав на корзину из ивовых прутьев, в каких гитлеровцы привозили на фронт мины. — Присаживайся. — Сейчас я с пленными закончу...

Наши дощатые ящики для тола, поставленные одни на другой, служили столом. За ним сидели переводчик и стенографистка. Сам полковник встал размяться и закурить.

— Займитесь пока вот этим, — протянул он мне знакомую папку трофейного происхождения в которой мы, воздушные разведчики, всегда находили для себя что-нибудь интересное. В нее складывались документы и сведения, полученные от пленных, в которых говорилось о местах базирования авиации противника, складах боепитания, расположении зенитных батарей, номерах воздушных эскадр... Я вынул из планшета блокнот и стал делать пометки. Ввели четырех немцев. Один из них был в форме люфтваффе — верзила с двойным подбородком и широкими залысинами на высоком лбу. Он полез в карман куртки, достал бумажку, развернул ее, разгладил пухлой белой ладонью на столе и положил перед полковником. Это была наша листовка. Я с интересом поглядел на авиатора. Куртка его была расстегнута, на френче красовались Железный солдатский крест и еще несколько наград. Немец перехватил мой взгляд, но не спешил застегнуть куртку. Он что-то спокойно объяснил полковнику, кивнув при этом в сторону нашего бойца, который привел его сюда и сидел теперь у порога просторной котельной, свертывая сигарку.

— Просит отметить во всех документах, что сдался в плен по собственной воле, — перевел старший лейтенант, сидевший рядом с полковником. — Это могут подтвердить ваши солдаты.

— Верно, сам сдался,— слышалось от дверей.— Пробирался в нашу сторону по балочке. Был без оружия. Веселый такой фриц...

— Я, я!— благодарно улыбнулся нашему автоматчику пленный Фриц Кагельштейн.

Фамилию его я хорошо запомнил потому, что писал о нем в нашу армейскую газету «Защитник Отечества».

— Распахните куртку, — приказал ему полковник.

Нимало не смущаясь, пленный распахнул полы.

— Железный крест, штурмовой знак и «Крымский щит» за Севастополь,— перечислил его награды переводчик.

— Нацист?

— Нет, он никогда, говорит, не состоял в партии,— перевел старший лейтенант.— Он авиационный механик. Он делал свое дело и в армии. Он не умеет работать плохо, поэтому его и ценили командиры.

— Спросите, что заставило его сдаться в плен?— попросил полковник.

— О, это очень большой вопрос,— вздохнул Фриц Кагельштейн.— Сложный вопрос. Тяжелый и сложный... В двух словах на него не ответишь. В детстве мои друзья звали меня Хитрый Фриц в отличие от Фрица-коротышки. Хитрый, потому что я всегда хотел думать. Я много думал на фронте и надумал: войну пора убирать...

Именно так нам и перевел его слова старший лейтенант: «Войну пора убирать». Я сделал особый упор на эти слова в своей статье в газету и редакция вынесла их в заголовок: «Фриц Кагельштейн—убрал войну».

Вот что он нам рассказал. Русские умеют воевать. У русских хорошее оружие и прекрасные боевые

самолеты. Фриц Кагельштейн понимает в этом деле толк, он воевал еще в Испании. Там советские истребители И-16 хорошо действовали против новейших «мессершмиттов», которые тогда развивали скорость 470 километров в час. Русские не уступали ни в чем немецким летчикам. Немецкие авиаконструкторы учли этот урок и поставили на Me-109 мотор почти вдвое большей мощности. Скорость истребителя возросла до 570 километров в час. Немецкие летчики вбили себе в голову, что им теперь сам черт не брат. Однако русские конструкторы тоже не дремали. Уже в первые дни войны немецкие асы докладывали своему командованию, что на предельных высотах они встречаются с русским истребителем, у которого прекрасная скорость и мощное вооружение. Потом у русских стали вырывать самолеты новых марок, как огурцы на грядках у хорошей огородницы... Только за неделю весеннего наступления эскадра Фрица Кагельштейна потеряла половину машин. На одном из новейших истребителей Me-109г сгорел под Снигиревкой старший брат Фрица Курт. Средний пал под Смоленском в 1941 году. Кто скрасит старость отца и матери? Кому они передадут свое дело? У них одна из лучших колбасных в Кельне. Войне конца не видно. Она потребует еще много жертв. Но в конечном счете русские возьмут верх...

Таковы были мотивы, побудившие Фрица Кагельштейна сдаться в плен.

В конце нашего разговора пришел капитан Крестовский. Я узнал его не сразу: на нем был маскалат из палаточной ткани, усыпанной темно-зелеными листьями. В таком одеянии обычно отправляются в ночной поиск войсковые разведчики.

— Взят Херсон, товарищи! — объявил он радостно, по-свойски подсаживаясь к столу.

Полковник Гладкий дал знак увести пленного, но Крестовский попросил повременить минуту.

— Мне только уточнить, кто летает у них на Me-109г с черной кошкой на фюзеляже.

И корреспондент по-немецки обратился с этим вопросом к Фрицу.

— Вилли Кумс, — ответил тот. — Хвостовой номер 17.

— Правильно, — кивнул Крестовский. — Этот фашист, товарищи, сбил вчера замечательного парня, друга старшего лейтенанта Горбунова. И он попросил меня разузнать все о «Черной кошке».

Пленный охотно ответил на все вопросы. О да, Вилли Кумс считается очень смелым и опытным летчиком: Майор. Награжден Рыцарским крестом и другими высшими наградами рейха. Имеет золотой знак члена нацистской партии как ветеран ее... Пленного увели.

Забегая вперед, скажу, что судьбе было угодно свести меня с Фрицем Кагельштейном еще раз. Теперь уже в мирные дни, в 1970 году.

В тот весенний день мы с прославленным воздушным разведчиком Николаем Ивановичем Сироткиным были в гостях у следопытов 212-й московской средней школы Тимирязевского района, пионерская дружина которой носит имя нашего боевого друга Героя Советского Союза старшего лейтенанта Г. И. Лашина. К ребятам мы пришли в форме, с орденами. А потом решили пообедать в ресторане «Берлин», где к нам присоединились мои сыновья Евгений и Виктор, тоже летчики.

— Вон тот седой немец что-то все поглядывает сюда, — шепнул мне Виктор. — Уж не смотрели ли вы друг на друга через перекрестие прицела? Мне кажется, он проявляет повышенный интерес к твоей персоне.

В воздушных боях, сын это знает, нам случалось иногда очень близко сходить с фашистскими самолетами. Так близко, что Сироткин однажды нас со смеху уморил, демонстрируя, какие гримасы строил ему гитлеровский летчик.

Немец продолжал поглядывать в мою сторону. Молодой, сидевший с ним, был явно недоволен его поведением, хмурился, что-то сердито выговаривал ему. Лицо седого показалось мне знакомым. Я сказал об этом Николаю Ивановичу.

— Брось! — отмахивается он от меня. — В жизни часто встречаются очень похожие люди. Писатель Паустовский в первую мировую войну в колонне немецких военнопленных увидел даже своего двойника!

— Пленных? — машинально переспросил я, и вдруг вспомнил тот вечер в котельной мельницы в Ново-Полтавке. — Да это же Фриц!

В возбуждении последнее слово я произнес довольно громко.

— Яволь, Фриц Кагельштейн! — живо донеслось от соседнего столика.

Седой немец порывисто вскочил, отодвинул свой стул и решительно шагнул к нам. Молодой последовал за ним.

— Мы просим нас не винить, — начал молодой довольно твердо и четко выговаривая каждое слово, но с типичным немецким акцентом. — Мой отец утверждает, что видел одного из вас на фронте.

— Да, мы встречались, — охотно подтвердил я. — На юге Украины весной 1944 года.

Фриц Кагельштейн, как мне показалось, был искренне рад этой встрече. Он сказал, что приехал из ФРГ в Москву на неделю. Сын его приехал как переводчик с делегацией врачей. Он преподает русский язык в университете.

Мы пригласили их к нашему столу. Сын начал было отказываться, благодарил, извинялся, а отец не стал церемониться, охотно подсел к нам. Фриц вел себя так, словно мы сражались по одну сторону баррикад. Первым делом он попросил меня засвидетельствовать перед сыном, что в плен он взят не в бою, а перешел добровольно.

— Я не дурак,— сказал он по-русски.— Я звал с собой друга. Он отказался. Я звал другого друга. Он тоже отказался. Оба они получили смерть. А я имею внуков!..

И Фриц Кагельштейн торжественно произнес: «За то, чтобы дети наши и внуки встречались не на войне, а, как мы сейчас, за столом!»

А вот сын его вел себя весьма сдержанно, часто одергивал отца, если тот переходил на очень, как ему казалось, уж дружеский тон. Мы не могли этого не заметить. Мой сын Виктор, подполковник, летчик первого класса, начальник политотдела дивизии, спросил молодого Кагельштейна, какими бы он хотел видеть взаимоотношения между нашими странами.

— Хорошими, разумеется, — уклончиво ответил тот.

Молодой Кагельштейн все время выступал в роли переводчика, но не высказывал своих суждений. Была ли это просто осторожность или он посчитал нужным не раскрываться перед нами, трудно сказать. Возможно, опасался испортить себе карьеру. Ведь в ФРГ существуют запреты на профессии. Не хотелось думать, что у Фрица Кагельштейна, горячего пацифиста, сын мог стать неофашистом. Однако вопросы его носили иной характер, чем вопросы отца. Его, видите ли, поразило, что на улицах Москвы очень много детей в военной форме. Дети маршируют у памятников... Мой старший сын Евге-

ний, тоже подполковник, начальник кафедры Высшего свердловского военно-политического танко-артиллерийского училища, ответил ему:

— Это наши пионеры, и никакого отношения к солдатам они не имеют. Мы учим их первой заповеди: жить в мире со всеми народами, бороться за мир. Мы хотим видеть свою смену верной идеалам отцов...

Вот так через четверть века встретился я с Фрицем Кагельштейном. Разумеется, мне приятно было видеть, что война просветила этого старого солдата. А что касается его сына, то я далек от мысли проводить какие-либо параллели. Остается только сожалеть, что ему, видимо, не пошли впрок горькие уроки отца.

10 Вернемся к событиям памятной всем нам весны 1944 года. Поздно вечером 13 марта я улетел из Ново-Полтавки. Утром меня заменит здесь представитель другого полка нашей дивизии.

Вместе со мной на козогоре ждал По-2 капитан Крестовский. Он еще не остыл от напряженного боя, разгоревшегося на подступах к трофейному складу боеприпасов, был весь под впечатлением виденного. С мощным цейсовским биноклем он обосновался на наблюдательном пункте командира артиллерийского дивизиона. Завтра в «Защитнике Отечества» должен быть свежий репортаж с поля боя.

Цепи гитлеровцев все ближе и ближе подкатывались к позициям наших артиллеристов, бивших прямой наводкой. Неожиданно заговорила вражеская батарея тяжелых минометов. Фашисты искусно замаскировали ее в степном обрамке. Мины рвутся у наших огневых, гибнут расчеты. Замолчало одно орудие, второе. За всплесками разрывов,

прикрываясь ими как стальным щитом, ползут гитлеровские автоматчики. Они уже совсем близко. Приготовили гранаты на длинных деревянных ручках...

И вот тут с яростным ревом появляется над полем боя девятка штурмовиков, вызванная по радио майором Н. И. Горбуновым и нацеленная на вражескую батарею. Ил-2 шли так низко над землей, что, казалось, готовы были винтами изрубить атакующих фашистов. Автоматчики уже поднялись для последнего броска и вдруг, как подкошенные, повалились в грязь. Одни прижаты к земле шквальным огнем, другие сражены пулями штурмовиков.

Командир артиллерийского дивизиона майор Павел Степанович Лютков, забыв об опасности, высунулся по пояс из-за бруствера, выискивая биноклем проклятую вражескую минометную батарею. Наши наблюдатели никак не могли ее засечь: мешала вздыбленная взрывами земля. Препраждая путь гитлеровцам к складу боеприпасов, пушки и минометы стояли у нас очень густо: по стволу на каждые три метра.

— Каюк! — вырвалось у командира артдивизиона, и он бессильно рухнул на дно окопа.

К нему подскочил телефонист, начал судорожно ощупывать его грудь.

— Да не мне каюк, а фашистским минометчикам! — устало улыбнулся Лютков.

Уцелевшие вражеские автоматчики, как черви, извивались в исхлестанной снарядами и минами, вязкой, вспучившейся, как расстаявшее тесто, пахоте.

— Надо нам, товарищи, летчиков поблагодарить, — сказал майор Лютков, когда корреспондент, полный впечатлений, засобиравшись домой. — Я собственными глазами видел, как штурмовик с десят-

кой на хвосте разнес «эрэсами» минометную батарею.

На Ил-2 с номером 10 летали младший лейтенант Алексей Шурганов и воздушный стрелок сержант Александр Рыжов из 951-го штурмового авиационного полка.

...Работоспособности капитана Крестовского у нас многие завидовали, восхищались им. Он умудрялся делать заметки в своем блокноте даже в тряском грузовике, писать прямо на аэродроме в стужу, шагать десятки километров по фронтовым рокадам в дождь или жару. К тому же сам постоянно учился, мог по памяти перечислить тактико-технические данные всех вражеских машин, как воздушных, так и наземных, умел так образно рассказывать о воздушных сражениях, что ни у кого не возникало сомнений, что он сам был там вместе с героями своих репортажей и очерков.

Вот и теперь, пока мы с Крестовским вглядывались в небо, ожидая услышать знакомый рокот По-2, журналист развивал свою любимую мысль.

— Любой наш техник, механик, моторист, оружейник, приборист и даже шофер на стартере¹ — это несостоявшиеся летчики, как и ваш покорный слуга. У всех одинаковый настрой души, одинаковая струнка в характере.

Потом он перешел на тему о природе подвига.

— Вот что ты можешь сказать о механике Иване Ивановиче Самусе? Как человеке?

— Старательный, исполнительный, мастер на все руки, — ответил я. — Не любит сидеть без дела...

— Ваш Самусь не далее как вчера вот тут, за разездом, спас боевой самолет. Чуешь? Скоростной бомбардировщик своему полку подарил Иван

¹ Автомашина для зарядки аккумуляторов самолетов.

Иванович! Я уверен, что через неделю-другую кто-то из вас уже будет на нем летать!

— Как!?

— Вытащил из-под самого носа у немцев!

И тут мне припомнилось, что несколько дней назад на нейтральной территории сделал вынужденную посадку экипаж Николая Луценко, возвращаясь с задания.

А дальше события развивались так. Старшина Самусь, узнав о самолете, расспросил экипаж о его состоянии и с разрешения старшего инженера полка А. И. Жукова отправился на передовую. Вместе с ним поехали механик старшина Николай Бакуменко и мотористы Башир-оглы Алибалаев и Вячеслав Хлебцевич.

— Да тут кругом столько мин напихано! — пытались охладить их пыл саперы.

Для начала Иван Иванович угостил их легким табачком (пехота получала только махорку). Затем показал фотоснимки, на которых были зафиксированы результаты боевого налета экипажа Луценко и штурмана Сироткина на переправу гитлеровцев.

— Ого, сколько тут наворочено! — одобрительно загудели саперы, передавая снимки один другому. — Автомашины, пушки...

Одним словом, в помощниках у Ивана Ивановича недостатка не стало. Первым делом осмотрели подступы к месту, где лежал самолет, севший на фюзеляж. Надо думать, что уцелел он лишь потому, что с минами и снарядами у гитлеровцев было очень туго, да и патроны они жалели. Авиаторы вместе с саперами наметили направление, по которому следует вытягивать машину, сняли в этом коридоре мины. Тянуть решили длинным тросом. Один конец за моторную раму прицепили, второй —

к тягачу. Поле, на счастье, оказалось ровным, не очень топким, луговинной. И под утро самолет легко и быстро заскользил к нашим позициям. Немцы слышали гул мотора тягача, когда он уже прошел полпути, всполошились, открыли стрельбу, но били наугад и не очень густо. Никто из наших не пострадал.

— А сегодня на том месте, где стоял самолет, бой шел, — закончил свой рассказ капитан Крестовский. — Что от него бы осталось? А психология этого факта, мил человек, такова, — сделал он свой вывод, возвращаясь к началу разговора, — старшина Самусь — настоящий летчик в душе. Всем сердцем прикипел к авиации. Ты думаешь, он мальчишкой не рвался, как все мы, как я, в небо? Но так уж получилось, механиком стал. И это на всю жизнь.

Корреспондент не ошибся: Самусь своей профессией не изменил. Обслуживает полеты он и сейчас. Фотография его красуется на доске Почета работников Краснодарского аэропорта.

II На моем письменном столе папки фронтовых документов: выписки из журнала боевых действий, письма однополчан, потускневшие с годами любительские фотографии, сохраненные на память снимки контроля бомбометания объектов противника, старые записные книжки, номера армейской газеты «Защитник Отечества»... А у чернильного прибора лежит искусно сделанная трубка с наборным мундштуком из цветного плексигласа. У нас были большие мастера, любовно изготавливавшие эти реликвии военных лет в тягостные дни вынужденного безделья, когда погода срывала полеты. У кого из авиаторов нет таких памятных вещей! На крышке портсигара, к примеру, обяза-

тельно рисовался самолет. Свой, родной, с собственным хвостовым номером, своим цветом коков винта. По этим кокам мы еще издали определяли, какому полку принадлежит машина.

А мне особенно дорога военная подшивка «Защитника». Каждая напечатанная в ней заметка воскрешает в памяти события, ставшие уже историей. Это боевая летопись воздушных боев.

Почему выбор пал на меня, когда в полку подыскивали кандидатуру общественного корреспондента, сказать затрудняюсь. Наверное, потому, что я был редактором полковой стенгазеты, а она у нас считалась лучшей в дивизии, отмечалась несколько раз политотделом, который возглавлял полковник Георгий Иванович Богатилов.

Вот одна из первых моих корреспонденций «Фронтовое братство» начинается словами: «Младший лейтенант Алексей Шурганов и лейтенант Владимир Купцов — побратимы навек». В корреспонденции всего лишь два десятка строчек. Этого требовал формат газеты и обилие материала. Ведь на фронте каждый день рождал новых героев. Вот что напомнила мне эта короткая газетная заметка.

Дело было уже под вечер, мы вернулись с боевого задания, на аэродроме шла обычная работа. Вдруг послышался гул моторов. На посадку заходил Ил-2, а по бокам его неслись два истребителя, будто пытались поддержать под крылья своего израненного собрата. Штурмовик не садился, он падал, быстро теряя высоту. «Яки» пролетели над аэродромом и, видя, что штурмовик с трудом, но все-таки приземлился, прощально помахали крыльями. Вскоре они исчезли из виду.

Все мы побежали к беспомощно застывшему на взлетно-посадочной полосе самолету. Он припал на одну «ногу», продырявленное в нескольких местах

крыло коснулось земли, капот был весь в масле, а концы винта, как всегда бывает, когда самолет «пашет» ими землю при посадке, загнулись назад. На руле высоты, обнажив ребра нервюр, болтались доскутья дюралю...

— Как у черта в зубах побывал! — горестно воскликнул механик Самусь.

Примчалась «санитарка», но помощь врачей, к счастью, никому не понадобилась, летчик и воздушный стрелок не пострадали. Оба они были очень молоды, особенно стрелок. Даже по сравнению с нашими мотористами, недавно приехавшими из школы, он выглядел почти подростком. Подошел «бать», полковник Никифоров. Летчик приложил руку к виску, представился:

— Младший лейтенант Шурганов. Удирал от «мессов»...

— Из 951-го полка? — удивленно вылетело у меня.

— Так точно, товарищ майор.

— Это вы разнесли минометную батарею фашистов под Ново-Полтавкой?

— Не только мы одни, — скромно потупился младший лейтенант. — Эскадрильей ходили.

Полковник Никифоров обошел вокруг избитого самолета.

— Здорово, однако, поклевали вас «мессеры»!

— Им тоже досталось! — совсем по-мальчишески воинственно выпалил воздушный стрелок.

Тут все поглядели в его сторону. Он смутился, без особой на то надобности снял с головы белый подшлемник и вытер лицо. Алексей Шурганов пришел на выручку другу:

— Одного «худого» он сегодня завалил, другой ушел с дымным хвостом.

Полковник Никифоров по-отечески положил руку на плечо воздушного стрелка.

... В таком случае не стыдно и познакомиться.

Сержант Александр Рыжов, — еще больше смутился паренек, комкая в руке подшлемник.

— Давно воюешь, Саша? — совсем не по-командирски спросил полковник, ласково глядя на паренька.

— Нет. Третий месяц только.

— Ну, ступайте в столовую, поешьте. А машину мы вашу подлатаем к утру. Сообщим сейчас в полк, где вы гостите. «Мессер»-то где упал?

— К нашим артиллеристам, товарищ полковник, — ответил младший лейтенант. — У Александра Рыжова на счету еще два «фоккера». Укладывает он их аккуратно, на своей территории. Подтверждения поступают быстро.

— Майор Черниевский, вы со своими делами уже управились? — обратился ко мне командир полка.

— Так точно, — отвечаю.

— Проводите-ка гостей в столовую. А вы, старшина Самусь, займитесь штурмовиком. Помощников даст вам старший инженер Жуков.

— Слушаюсь, — замер по стойке «смирно» Самусь.

— Значит, к утру, Иван Иванович, — опять перешел на строгий тон «батя».

Так у нас уж повелось в полку, что и старшие командиры называли механика Ивана Самуся по имени и отчеству. Это было знаком особого уважения к нему. Ему поручали чаще всего срочную и ответственную работу. Был он человек степенный, рассудительный, «все так и пело в его руках», по выражению капитана Крестовского. Однажды молодой, еще неопытный летчик, прибывший в полк из училища, когда его «вводили в строй», разбил машину. Это получилось у него столь основательно, что бомбардировщик решили списать. Уже со-

брались вокруг него механики и мотористы, позвякивая ключами, только ждали команды, чтобы начать «раскурочивать». Каждый хотел обзавестись деталями, которые всегда нужны, ведь машины воюют, в жарких схватках в небе у них трещат бок, выходят из строя целые узлы, хозяйственный механик должен иметь в своем запасе много всякой всячины.

Подошел Самусь, молча осмотрел покалеченный самолет.

— Будет летать! — твердо заверил старшего инженера полка и командира.

Через две недели бомбардировщик отправился на боевое задание.

Вот поэтому и поручил полковник Никифоров «латать» штурмовик наших гостей Ивану Ивановичу.

Вечер выдался на удивление теплый, тихий и по-весеннему радостный. Никому не хотелось идти в землянки. После ужина на подсохшей поляне в нашем «копай-городке» слышались песни под баян и гитару, веселый говор, шутки и смех. Годы войны, полные опасностей и тревог, совместные полеты на боевое задание, напряженная подготовка к ним сблизили нас, крепко сдружили. Мы жили одной большой дружной семьей, деля поровну радости и горести. И теперь, много лет спустя, не угасла наша фронтовая дружба. Встречаемся мы, как родные, и каждая такая встреча — большой и радостный праздник для всех.

Очень популярным человеком в нашем полку был одессит Владимир Ванькович. Прозвали мы его Мишка-одессит за его любимую песенку про своего земляка, который «никогда» не плачет и не теряет бодрость духа. Владимиру были отпущены от природы в полной мере веселый нрав, добродушие,

срочность и тот неоценимый дар, которым обладают лишь немногие,—зажигать своим горячим темпераментом даже самые флегматичные натуры, поднимать веселой шуткой и песней настроение товарищей. Заместитель командира полка по политической части подполковник А. Л. Маркин про него говорил: «Это мой первый помощник по созданию теплого климата среди личного состава». Музыкальный, обладавший хорошим голосом, Мишка-одессит при случае мог сыграть на обыкновенной расческе, на ложках, пиле и других, выражаясь согласно военной терминологии, «подручных средствах».

А сейчас у Мишки-одессита в руках его любимца-гитара. Заказы сыплются со всех сторон. Кто просит спеть про Костю, который шаланды, полные кефали, в Одессу приводил, кто утесовские «Одесские лиманы, цветущие каштаны»... У всех в эти дни на устах Одесса. В общем, в песнях этому городу здорово повезло. Но Владимир-Мишка начинает свою любимую песню, где говорится, что «на Южном фронте оттепель опять и тает снег в Ростове, Таганроге...». Ему тихонько начинают подпевать те, что сидят рядом. Затем в незатейливый мотив вплетаются все новые и новые голоса. Песня ширится, растет, расправляет крылья и радостно взлетает над окутанным синими вечерними сумерками аэродромом:

Снова нас Одесса встретит как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять...

На почетных местах, разумеется, наши гости — Алексей Шурганов и Александр Рыжов. После песни разговор заходит о летном везении. Стали напоминать, кто сколько раз был серьезно подбит или горел в самолете. Такое у нас в полку случалось

едва ли не с каждым. На войне как на войне, говорят французы. Командир эскадрильи капитан В. В. Рогинец трижды был на волосок от смерти. Последний раз его подбили над целью далеко от линии фронта. Он дотянул до своих и сел прямо в кустарник. Едва экипаж успел отбежать от горящего самолета, как он взорвался. Трижды был ранен в воздушных боях и прославленный мастер полетов И. Г. Петухов, два раза он прилетал домой на одном работающем моторе. А Н. К. Луценко был ранен четыре раза. И поставил в полку своеобразный рекорд — тянул на одном моторе 172 километра...

— А у вас, штурмовиков, говорят, есть такие отчаянги, которые винтами моторов фашистам головы рубят,—с самым серьезным видом обращается Мишка-одессит к Александру Рыжову. — Вот, к примеру, кончился боезапас. Они заходят вдоль атакующих цепей и давай на бредущем молотить...

Раздается хохот. А Владимир-Мишка даже ухом не ведет, только в глазах бегают озорники.

Дружеские подначки, анекдоты, шутки: Множество веселых историй знает Владимир-Мишка. И он не просто рассказывает их, он их проигрывает, изображает все в лицах. А вот по части анекдотов самый серьезный Мишкин соперник начальник воздушно-стрелковой подготовки майор Н. Т. Козлов. Этот известен своим мастерством всей армии. Но у Мишки-одессита его веселые истории рождаются как бы сами собой, импровизированно, причем героем в каждом из них бывает только он сам.

— Что такое находчивость? Сейчас расскажу,—начинает, как всегда, Владимир Ванькович на полном серьезе.—Закончили мы школу, на фронт завтра. Обмыть бы такое событие? Возвращаюсь с бу-

тылочкой в кармане. Навстречу комендант училища. Куда деваться? Я шур в оружейку. Оружейка эта с пятачок. Нет никого. Ищу место для моей бутылочки. Умывальник на глаза попался. Буль-буль-буль. Опростал я мою бутылочку и далеко со всего плеча бросил в окошко, к свалке металлолома. На пороге комендант. Делаю вид, что ищу выколотку в инструменте.

— Где бутылка, курсант Ванькович? — спрашивает комендант.

— Какая бутылка, понятия не имею! — пожимаю я плечами.

Туда-сюда комендант — пусто. А ведь он видел своими глазами: горлышко бутылки у меня из кармана выглядывало.

— Ты же сам, одессит, про меня говорил: «Кто нашего коменданта обведет, тот и дня не проживет!»

— Говорил, — соглашаюсь.

— Но ведь ты же меня провел!

— Провел.

— Ладно, на сколько человек эта бутылка назначена?

— Да на все классное отделение.

— Беру грех на душу, выпейте ее, — разрешает вдруг комендант. — Только где спрятал, показывай.

Я открываю крышку умывальника. Комендант от хохота за живот схватился.

— Никогда бы не подумал!..

В моем пересказе, конечно, эта Мишкина история блекнет. Но тогда...

— Шире круг! — отложив гитару, растянул меха баяна Владимир Ванькович и грянул «казачок».

Первой выбежала в круг Надя Зайченко, выбила дробь у ног Саши Рыжова, вызывая его. Он вскочил, раскинул руки, прошелся по кругу и пустился

лихо вприсядку. Надя плывет лебедушкой, озорно и радостно улыбаясь. Мы все невольно залюбовались ими, подбадриваем восторженными возгласами.

— Шире круг! — вылетел к плясунам комсорг полка, тоже одессит, Сергей Бредихин. И выдал с ходу частушку:

Эй, бей боты, разбивай боты,
«Батины» заботы выдать новы боты!

К Сергею Бредихину присоединилась воздушный стрелок старшина Люба Пахоленко. Она ответила тоже веселой частушкой. Танцоры-прибавлялись, веселье росло. Каждый старался блеснуть замысловатым коленцем. Сергей Яковлевич Анцупов прошелся на руках. Но жарче всех и задорнее плясал наш гость, Саша Рыжов, сибиряк из Красноярского края, белокурый, круглолицый, с густым румянцем во всю щеку. Лицо его так и сияло молодым азартом, радостью жизни. Он будто чувствовал, что пляшет в последний раз...

12 На рассвете старший лейтенант Григорий Онискевич и его ведомый лейтенант Владимир Купцов вылетели на «свободную охоту». Под фюзеляжем у того и у другого было подвешено по паре пятидесятикилограммовых бомб. Теперь истребители Ла-5 без них на задание не ходили. «Гостинец генерала Аладинского» — говорили про эти бомбы в воздушной армии.

Прошли километров тридцать вдоль железной дороги Котовск — Одесса. Эшелонов противника не видать. Теперь гитлеровцы боялись пользоваться железнодорожным транспортом в дневное время. Только в ночь на 16 марта бомбардировщики 449-го

полка И. И. Малова, Е. А. Мясникова, А. К. Шевкунова, Н. В. Козлова, Н. К. Короткова, М. Л. Кле-тер и Д. С. Егоркина уничтожили пять эшелонов с техникой.

Неподалеку от села Татарка справа по курсу истребителей тянулась короткая железнодорожная ветка, и один конец ее терялся в низкорослом кустарнике. Там что-то чернело на земле, наспех замаскированное ветками.

— Бронепоезд! — радостно воскликнул Григорий Онискевич.

Но почему тогда молчат его зенитные пулеметы и пушки?

Раздумывать долго некогда — гитлеровцы наверняка вызвали свои истребители со станции Карпово.

— Он будто неживой! — озадаченно пробормотал Владимир Купцов.

Сколько и мы, и гитлеровцы, чтобы ввести друг друга в заблуждение, строим ложных аэродромов с макетами самолетов, с капонирами для их защиты от нападения с воздуха, с расчищенными на траве или снегу дорожками...

— Обидно будет, если на мякине проведут, — все не мог решиться Григорий.

— А если настоящий бронепоезд провороним? — размышлял Владимир. — Давай рискнем!

— Эх, была не была! — сдался ведущий и командовал: — Сброс с первого захода!

Только Онискевич успел положить свою машину в пикирование, как бронепоезд ошетинился огненными стрелами: разом заработали все пулеметы.

— Живой! — обрадовался Купцов.

«Это был первый в моей фронтовой жизни случай, когда я обрадовался зенитному огню», — скажет он после боя Крестовскому.

Сквозь ветки деревьев и маскировочную сетку все отчетливее проступают темно-зеленые бока бронепоезда. Онискевич видит уже заклепки на плитах, сварные швы.

Летят в цель бомбы. Теперь скорее вырваться из-под огня зениток. Григорий взмыл вверх и огляделся. Самолетов противника не видать. А вражеский бронепоезд заволокло густым черным дымом. «Шашки, что ли, зажгли?» — подумал ведущий. Ведь фашисты могли запалить эти самые шашки и под фанерными щитами. Наши «охотники» сейчас передадут о бронепоезде своему командованию по радио, прилетят штурмовики или бомбардировщики, израсходуют по деревяшкам свой боезапас, а на них в этот момент из засады накинутся «мессершмитты» и «фокке-вульфы»...

Но вроде бы здорово били зенитные пулеметы и пушки. Для «приманки» уж больно щедро их здесь напихали.

Вдруг на земле мгновенно назрел и прорвался огромный красный пузырь. Тут уж сомнений не было — живой!

Онискевич передал радиogramму генералу В. И. Аладинскому.

— Хорошую шучку подсекли Онискевич и Купцов, — удовлетворенно сказал генерал. — Только бы не отдышались...

И он немедленно поднял в воздух эскадрилью штурмовиков. В нее вошли и наши нечаянные гости с неба младший лейтенант Алексей Шурганов и сержант Александр Рыжов. Несколько дней тому назад Алексея Шурганова повысили в воинском звании, наградили орденом Красного Знамени. Александр Рыжов за сбитые самолеты получил орден Ленина.

День 17 марта запомнился многим летчикам 17-й воздушной армии не только совпадением цифр:

погода установилась на удивление. Редкостная по той весне погода. Солнечный, ясный и тихий денек. Тепло как летом.

Григорий Онискевич и Владимир Купцов должны были прикрывать штурмовики. Те получили задание проутюжить вражеские окопы, пройти у них по ближним тылам по маршруту Шомполы — Свердлово — Визирка — Коблево. Наши войска наткнулись на участке Короев поселок — Тузлы на яростное сопротивление противника. Имея численное преимущество, фашисты здесь кое-где даже потеснили нашу пехоту. А воздушные разведчики Николай Сироткин и Николай Луценко обнаружили утром в засаде неподалеку от линии фронта танки: противник явно готовился перейти в контрнаступление. Командарм 5-й ударной армии генерал В. Д. Цветаев затребовал авиацию.

Танки гитлеровцев скопом ринулись из степной балки, когда штурмовики показались над полем боя. «Может быть, «черная смерть» вспугнула их», — подумал лейтенант Владимир Купцов. Рация его была настроена на ту же волну, на которой работали и «Ромбы» — Ил-2.

— Разомкнуться, — услышал он голос командира группы капитана Бортникова. — Прикрыть створки масляных радиаторов. Атака! Бьем танки!

Владимиру Купцову с высоты две тысячи метров они казались почти квадратными коробками. Даже можно было разглядеть на бортах черные кресты в белых обводах.

Не успев рассредоточиться, танки ползли кучей, и навстречу им неслись Ил-2. Если бы не тени самолетов, скользящие по земле, то можно было подумать, что штурмовики тоже бегут, только значительно быстрее, настолько маленькая у них высота полета.

И вот вокруг танков словно выросли белые кочаны капусты. Это рвались ПТАБы. Владимир Купцов засмеялся. Ему казалось, что вражеские машины бьются своими широкими лбами об эти огромные кочаны, очень твердые, жесткие. Одни танки после удара поднимались на дыбы, другие валились на бок или пятились назад, третьи крутились на месте, потеряв управление...

— Пожаловали «фоккеры»! — прозвучал в шлемофоне Владимира Купцова голос командира ударной группы истребителей капитана Иванова. — Встречаем лобовой атакой.

Штурмовики между тем сделали боевой разворот и снова кинулись на танки. Гитлеровцы хлестали по ним из всех видов оружия. Огненная паутина разноцветных трасс висела над полем боя. Она была настолько густой, что, казалось, воробью и тому не пролететь. Но Ил-2 пронеслись как заговоренные, не выронив ни одной машины из своего строя, и, победно сверкнув на солнце фонарями кабин, вновь разворачивались с набором высоты.

Немецкие истребители разделились на две группы. Одна кинулась прикрывать свои танки, другая отгонять наших Ла-5 и «яков».

— «Ромбы» — все в левый круг! — предостерегающе раздалось в эфире. Это голос командира группы Ил-2 капитана Бортникова.

— Спокойно, ребята, мы вас в обиду не дадим! — убежденно и твердо пообещал капитан Иванов, уже вступивший в бой с вражескими истребителями.

Беда пришла позднее, когда возвращались домой.

— «Ромб-1», я — «Ромб-10», — прозвучал тревожный голос лейтенанта Алексея Шурганова. — Подбит, выхожу из строя.

«Зенитки зацепили!» — пронеслось в голове Владимира Купцова.

— Онискевич и Купцов, следите за ним, — распорядился капитан Иванов. — Домой ведите.

Земля! Алексея Шурганова швырнуло вперед, но привязные ремни, впившиеся в плечи, не допустили к приборной доске. Голова так дернулась, что от острой боли хрустнуло в шее, заломило виски. Но Алексей понял, что он цел. А вот что с Сашей? Саша не ответил ему еще в воздухе, когда стали падать.

«Может, кабель переговорного устройства перебило», — успокаивал себя Алексей, отстегивая торопливо ремни «подвески» парашюта.

Превозмогая боль, он с трудом выбрался из кабины на центроплан. Звенящая тишина в ушах.

— Саша! — крикнул воздушному стрелку.

Тот не отозвался.

Километрах в пяти на взгорке виднелось село. Там, наверняка немцы. Они не могли не заметить падающий самолет. А в поле — ни души.

— Саша! — еще раз позвал он Рыжова.

Молчит. Или тяжело ранен или убит. Фонарь кабины его разнесло осколками.

— Саша!

Александр лежал ничком, уткнувшись окровавленной головой в пулемет. Алексей коснулся его щеки и понял, что он мертв. Смерть наступила мгновенно, большой осколок впился в висок.

— Вот и отлетались мы с тобой, Сашок! — горестно проговорил Шурганов, понимая всем существом своим, что это конец.

Он оглянулся. По дороге, спускающейся с пригорка, уже мчался транспортер. Направлялся он, как нетрудно было догадаться, к самолету. Надо было торопиться. Алексей нагнулся и вынул из кабины воздушного стрелка автомат.

— Прости, Сашок, схоронить не могу.

Алексей бережно поправил шлем на голове боевого друга. Документы они с собой не брали, орден тоже оставляли дома. Так было и на этот раз.

С самолета лейтенант искал глазами место, где ему залечь и встретить гитлеровцев огнем. Автомат был с полным диском патронов. На поясе у Алексея висел еще пистолет «ТТ».

Впереди по курсу, которым летел штурмовик, пытаясь перескочить через линию фронта, тянулся маленький взлобок, похожий на засыпанный песком барак. До него было метров двести. Хорошо бы у него на крыше затаиться, подумал Алексей. Но едва ли он успеет: бронетранспортер катился очень резво.

Спрыгнув с крыла самолета, лейтенант подбежал к носу, необычно низко повисшему над бурой прошлогодней травой. Самолет грузно сел на живот. Казалось, что он провалился колесами в яму и замер.

— Прощай, друг! — Алексей открыл краник под капотом мотора.

Упруго ударила розоватая струйка бензина, маслянисто заблестели обваренные им сухие былинки. Темное пятно стало быстро расплываться вокруг, влажная земля не принимала бензин. Алексей достал из кармана куртки коробку, вынул спичку, завернул в газету комок земли, но прежде чем чиркнуть спичкою, оглянулся. Бронетранспортер был еще далеко. Очевидно, там плохая дорога, мелькнуло в голове у Алексея.

Впереди начали глухо ухать разрывы оружейных снарядов.

— Наши! — подумал он.

Выстрелов он не слышал, долетали только разрывы. Значит, бьет наша артиллерия. Обидно, что не дотянули, лететь оставалось всего ничего.

Алексея Шурганова летчиком сделала война, как и многих его сверстников, закончивших среднюю школу в 1942 году. Он хотел стать инженером-путицем. Это была фамильная профессия. В семье Шургановых гордились ею. Дед Алексей молодым инженером строил с прославленным инженером писателем Гариным-Михайловским мост через Обь для Транссибирской магистрали, отец прокладывал Турксиб. Алексей еще в пятом классе мечтал строить мосты и тоннели. Но война все перевернула. Летное училище... Здесь Алексей Шурганов полюбил небо, и на фронте уже стал задумываться: не изменить ли ему семейным традициям. О том, что он может в любой день не вернуться с задания, размышлять не хотелось. Гнал он от себя эти мысли. А вот сейчас смерть зримо встала перед ним. Никакой надежды. Смерть приближается к нему вон в том бронетранспортере, который уже свернул с дороги и мчится сюда напрямик.

Алексей повесил на грудь автомат, чтобы высвободить руки, зажег спичку, отошел немного от самолета и бросил разгоревшийся комок газеты под мотор, на облитую бензином траву. Послышался легкий хлопок. Белое пламя в один миг охватило полмашины.

— Прости, Сашок! — сказал он сквозь набежавшие слезы.

Надо было спешить к тому взлобку — огневому рубежу, где задумал дать врагу последний бой лейтенант Шурганов. Он резко повернулся, снял с груди автомат, расстегнул кобуру пистолета. И вдруг в этот момент до него явственно долетел гул мотора самолета. Еще не видя его, Алексей по слуху определил, что он наш. А когда вскинул голову, то даже вскрикнул, не веря своим глазам: краснозвездный истребитель выпустил шасси и за-

ходил на посадку. Носом он метил прямо на Шурганова, застывшего возле горящего штурмовика. Все это было настолько неожиданно, что Алексей даже виски себе потер кулаками: не галлюцинация ли?..

«Ястребок» мягко коснулся колесами земли, запрыгал на кочках, гася скорость. Не ожидая, пока он остановится, Шурганов метнулся к нему.

А бронетранспортер уже совсем близко... Сидевшие в нем гитлеровцы застрочили с ходу по истребителю. Но тут случилось второе чудо: откуда ни возьмись появился другой краснозвездный самолет и пошел на бреющем к бронетранспортеру, поливая его огнем.

Алексей Шурганов, не чуя под собой ног, задышался от быстрого бега. Краем глаза он видел, что второй истребитель, штурмовавший бронетранспортер, не промахнулся. Уцелевшие автоматчики горюхом посыпались из него и залегли. Их начал поливать огнем и тот, что приземлился и к которому бежал сейчас Алексей. Потом его снова сменил, сделав разворот в небе, напарник.

— Алёха! — скорее угадал, чем расслышал за гулом работающего на малых оборотах мотора лейтенант Шурганов.

Откинув плексигласовый фонарь, из кабины высунулся лейтенант Владимир Купцов. Они хорошо знали друг друга, стояли на одном аэродроме и воевали в одном соединении, хотя и летали один на истребителе, другой на штурмовике.

— Уместимся? — подбегая, спросил Алексей, запыленно дыша.

— В тесноте да не в обиде! — бросил Владимир Купцов, радуясь радости спасенного им товарища. — А что со стрелком?

— Саша погиб... Зенитка насмерть...

Машина с натужным ревом тяжело оторвалась от земли.

— Эх, Сашок, Сашок!.. — билось в голове Алексея. Мысль о невозвратимой потере притупила даже радость от чуда собственного спасения.

...Как хотел Саша после войны вернуться к себе в Сибирь, где его ждали родители, как мечтал показать своему другу-степняку тайгу!

— Красота-то у нас, Леша, какая! — говорил он. — Ты себе представить не можешь! Уйдешь на неделю в тайгу шишковать. Трава в рост человека, дух медвяный, птицы кругом заливаются, зверья всякого! Медведь пробирается через малинник, грузди, рыжики хоть косой коси. Не ценил я это до войны. Слышишь, Леша, вернемся домой, в первый же год ко мне приезжай. Не пожалеешь!

Он мечтал вслух, этот красивый 19-летний парень богатырского роста, с пылающим во всю щеку румянцем, которому позавидовала бы каждая девушка. Два года не вылезал из кабины самолета этот мечтатель, строивший в школе фантастические модели космических кораблей, бессменный левый крайний школьной футбольной команды.

Только вчера послал он матери письмо. И вот его уже нет, а фронтовой треугольничек будет идти к ней как свет погасшей звезды, которая еще долго светит людям. И в далеком сибирском селе мать, не ведая, что сына уже нет в живых, в последний раз прочтет живые строчки сыновнего письма и в последний раз они согреют ее сердце.

13 Развивая наступление, войска 3-го Украинского фронта 18 марта вышли на Южный Буг. Противник уже смирился с мыслью о потере Николаева, но он стремился создать здесь пред-

мостное укрепление, чтобы вывести свои войска из города, спасти технику. День ото дня бои делались все ожесточеннее. Гитлер издал приказ: летчикам, сражающимся в Крыму и на юге Украины, выплачивать тройной оклад, солдатам, отличившимся в боях, вручать офицерские железные кресты. Николаев и Вознесенск, как уже упоминалось, были объявлены крепостями. Значит, удерживать их полагалось до последнего солдата.

В эти дни наша дивизия чаще всего летала по вызову командарма Чуйкова, поддерживая его войска. Сталинградцы, пройдя за неделю с боями по тяжелейшим весенним дорогам более ста километров, начали форсировать Южный Буг. Сверху мы видели, как переправлялась пехота. В этом безлесном районе найти бревна или доски для плотов очень трудно. В дело пускали все, что может держаться на воде. Солдаты плыли на железных бочках, вязанках камыша или соломы, на снятых с петель дверях или воротах, на плетнях... Наша задача — поддерживать и прикрывать с воздуха пехоту — в эти дни особенно возросла, потому что танки и пушки пока не удавалось переправить — отстали понтоны. Грузовики вязли на каждом километре. Шоферы говорили, что такая дорожка до смерти не забудется.

Форсировав Южный Буг, наши войска захватили плацдармы на участках Константиновка — Вознесенск — Новая Одесса. Гитлеровское командование пыталось заслониться мощными арьергардами, чтобы отвести основные силы и занять оборону на промежуточных рубежах.

Линия фронта находилась в постоянном движении, и роль воздушных разведчиков теперь возросла еще более. Все наши экипажи трудились «не покладая крыльев» днем и ночью. Особенно зорко

мы следили за противником с наступлением темноты, так как переброску своих войск он делал только ночью. Да и днем мы «висели» над гитлеровцами беспрестанно, видели каждый их шаг. Наши воздушные разведчики, понимая, какая на них лежит ответственность, вылетали на задание в такую погоду, когда противник даже мысли не мог допустить о том, что могут появиться советские самолеты. Экипаж командира эскадрильи Дмитрия Егоркина из 449-го полка повесил САБы—светящиеся авиационные бомбы и произвел около сотни фотоснимков, прежде чем по нему ударили вражеские зенитчики.

Однажды звено разведчиков возвращалось на свой аэродром. Но он вдруг исчез из видимости. Предутренний туман так накрыл землю, что, казалось, молочно-белые реки вышли из берегов и залили все вокруг. Ни малейшего просвета. Мощный прожектор, освещавший посадочную полосу, даже с высоты тридцати метров едва угадывался, проступая тусклым белым пятном. На соседних аэродромах картина была точно такая же. Видимость 10—15 метров... В баках кончалось горючее. Командир 449-го полка подполковник И. И. Малов приказал экипажу выброситься на парашютах.

Но в таком случае пропадет вся работа, проделанная разведчиками. Фотопленку ждут в штабе фронта. На ней точная картина укреплений, расположение дотов, дзотов, артиллерийских и минометных батарей противника. И потом это человеческие жизни. Каждая минута, ускоряющая наше продвижение,— это жизни наших людей, которые надо сберечь.

— Попробую сесть!— твердо заявил комэск.

— Это немыслимо! — кричал ему в шлемофон подполковник.— В трех шагах ничего не видать.

Но в душе он и не ждал иного ответа.

— Сяду, «батя»!

— Тогда прикажи экипажу оставить самолет!

— Прикажу.

Шансов сесть в такую погоду почти не было. Ведь тогда мы не располагали такими совершенными приборами, которыми оснащена авиация теперь. Да и посадочные полосы на полевых аэродромах с травяным покрытием, скрепленные стальными решетчатыми плитами, оставляли желать много лучшего.

Стрелок-радист сержант Василий Болотов запросил погоду на нашем аэродроме. Ему ответили, что видимость достигла 30 метров по горизонту. Заметно улучшение погоды, туман стал рассеиваться. Командир принимает решение идти к нам, хотя горючего в баках почти нет.

— Мягкой посадки тебе, старший лейтенант!— напутствовал командира подполковник Малов.

Штурман лейтенант О. Бердник точно вывел самолет в Шевченково. Утренний ветерок к этому времени немного потрепал туман, кое-где стала смутно проступать земля. Но бензин уже кончился. Шли на малой высоте, прыгать с парашютами нельзя: купол не сможет заполниться воздухом.

— Спокойно, друзья, садимся, — объявил экипажу командир.

Спланировав, Егоркин блестяще посадил самолет. Пленку с разведывательным донесением немедленно отправили в штаб фронта.

Мы постоянно чувствовали свое моральное превосходство над врагом, рожденное правотой нашего дела, священным долгом каждого из нас освободить свою Родину от фашистских оккупантов; а это придавало нам силы. Чувство величайшей ответственности всех и каждого за судьбу своего

Отечества, чувство фронтового братства рождали массовый героизм и самопожертвование.

Запомнился мне один разговор с пленными под Воронежем. Неподалеку от нашего аэродрома мы сбили несколько фашистских истребителей, числа не помню. Местные жители выловили в лесах гитлеровцев и привели к нам. Командир полка Герой Советского Союза майор С. И. Миронов спросил у пленнх:

— Чем вы можете объяснить свое решение сдаться?

Гитлеровцы переглянулись. Никто не решался ответить. Тогда Миронов обратился к старшему по званию, который привел группу.

— Нам просто не повезло, не было другого выхода,— угрюмо пробубнил тот.

— Сколько вы потеряли самолетов вчера? — продолжал Миронов.

— На подобные вопросы отвечать отказываюсь,— последовал надменный ответ.

— Мы выполним свой долг перед великой Германией до конца! — истерически выкрикнул штурман флагмана.

Майор усмехнулся.

— Храбрость мы привыкли уважать. Однако чем же вы, к примеру, объясните вчерашний случай. При встрече с нами пилоты вашей эскадры высыпали бомбы в районе расположения своих войск. А до нашего переднего края им оставалось еще каких-нибудь пять-шесть километров.

Гитлеровцы молчали.

— Может быть, кто-нибудь из вас припомнит нечто подобное в действиях советских летчиков? — окинул взглядом пленнх майор Миронов.

Ответа не последовало.

Командир эскадрильи 153-го истребительного

авиационного полка Герой Советского Союза майор Н. Ф. Макаренко, который был тут же, попросил разрешения поговорить со «своим» пилотом, который один остался в живых из двух экипажей Ме-109, сбитых Макаренко в бою.

— Вам приходилось видеть в воздушных боях, чтобы кто-нибудь из ваших истребителей, израсходовав боекомплект, пошел на таран? — спросил Николай Федорович у него.

— Найд, — ответил тот не задумываясь. — Это большой риск. Немецкий летчик должен беречь себя для грядущих боев во имя великой Германии.

— Но такое суждение может граничить с трусостью, — заметил Макаренко. — Вы не раз сходились с русскими летчиками на встречных курсах. Кто сворачивал первым?

— Чаще всего я, — признался немец.

— Почему? Вы же не считаете себя трусом?

— Не трусом, но не дураком.

— Как вас прикажете понимать?

— Русский летчик идет на все, потому что ему нечего терять.

— Вот как! А жизнь?

— Он сознает, что в конечном счете все равно обречен, так как Германия победит. Я же теряю нашу победу.

Выжить! Германия все равно выиграет войну! Такова была логика фашистов в 1942 году. Но теперь она кардинально изменилась. Не от хорошей жизни весной 1944 года Гитлер вынужден был дать особую директиву, в которой категорически запретил своим летчикам выходить из боя при любых обстоятельствах, если есть горючее и не израсходован боекомплект. С каждым месяцем все больше и больше ощущался упадок моральных и физических сил у врага.

— Позвольте один вопрос, — разговорился неожиданно немецкий летчик, узнав, что его сбил Макаренко. — На форсаже вы шли, как мне показалось, с невероятной скоростью. Какова мощь вашего мотора?

— Вам бы лучше поинтересоваться форсажем наших сердец! — улыбнулся Макаренко.

Немец хорошо понял его.

— Вы коммунист? Большевик?

— Война сделала коммунистом. Июнь 1941 года, — уточнил Макаренко.

«Прошу считать меня коммунистом», — писали мы, вылетая на боевое задание. Эти слова родились не в дни наших славных побед, а в горькие дни временного отступления, когда решался вопрос жизни и смерти нашего государства. Кто из нас не помнит партийного собрания, на котором товарищи по оружию решали вопрос: достоин ли ты быть коммунистом. Кто не помнит своего первого комиссара? У нас в полку комиссаром был подполковник Алексей Федорович Поликарпов, боевой летчик и партийный руководитель. Поздравив меня с приемом в партию, он сказал:

— У тебя есть теперь великое право — первым вылететь на самое опасное и ответственное задание, первым умереть за Родину, если потребуют обстоятельства.

Первым умереть за Родину. Это была единственная привилегия члена партии перед беспартийными товарищами. «Коммунист, будь примером в бою, веди за собой свое подразделение!» — этот призыв стоял в повестке дня каждого партийного собрания на фронте, с первых боев до последних.

Коммунисты и комсомольцы 17-й воздушной армии в борьбе с врагами проявили высокие моральные качества и мастерство, безграничную пре-

данность Родине. Только советские летчики способны были на такой героизм и такие подвиги. В первом, наиболее тяжелом периоде войны, воздушные соколы применили более 300 огненных и 400 воздушных таранов. Командир эскадрильи 175-го штурмового полка старший лейтенант А. П. Долгов направил свой горящий самолет на вражеские автомашины с боеприпасами и горючим, летчик 955-го полка Г. И. Гусев бросил подбитый штурмовик на танки противника, заместитель командира эскадрильи 95-го полка младший лейтенант Н. А. Томайкин перед вылетом на боевое задание сказал на партсобрании: «Если меня подбьют над целью и я не смогу уйти, то поступлю так же, как поступили Гастелло и Нуркен Абдиров, как поступили многие другие советские патриоты». Через несколько недель младший лейтенант Томайкин попал под сильный зенитный огонь, штурмуя вражескую автоколонну на марше. Самолет загорелся. И тогда на глазах своих боевых друзей Томайкин со словами «умираю за Родину!» врезался в автомашины гитлеровцев.

14 Очень тяжелые бои разгорелись за Вознесенск на Южном Буге. И хотя «крепость», как объявил ее Гитлер, пала через три дня, стояла она нам большой крови. С падением Вознесенска фашисты теряли возможность вывести свои войска за водный рубеж.

Днем и ночью висели над Вознесенском наши штурмовики и бомбардировщики, срывая переброску войск и техники противника. Нас надежно прикрывали истребители. Отступление гитлеровцев носило беспорядочный характер, иногда превращалось в бегство.

Со взятием города развернулись ожесточенные бои на плацдармах. Из Одессы гитлеровцы подбрасывали на подмогу свежие части. Перед нами была поставлена задача обеспечить защиту плацдармов с воздуха, громить резервы врага на дорогах.

Я прилетел на аэродром к истребителям, чтобы согласовать взаимодействие с ними. Завтра большая группа бомбардировщиков вылетает с эскадрилей старшего лейтенанта Н. И. Горбунова. Он только что вернулся с боевого задания и, не успев еще остыть, на стоянке самолетов рассказывает о новой встрече с немецким асом — «Черной кошкой». Несколько дней тому назад Вилли Кумс сбил еще один наш истребитель, летчик погиб. Это была уже вторая потеря. Первым был друг Николая Ивановича, с которым он вместе закончил летное училище.

Сегодняшний утренний вылет эскадрильи тоже стоил нам жизни молодого летчика лейтенанта Ивана Прокопенко, успевшего сделать всего несколько вылетов.

Четверка Ла-5, которую вел Горбунов, столкнулась с двенадцатью Ме-109. Среди них опять была «Черная кошка» — Ме-109г. Мы его прозвали «Густавом». Завязался жестокий воздушный бой. Трех фашистов наши сбили, четвертый задымился и ушел обратно. Вилли Кумс «подловил» Ивана Прокопенко на выходе из пикирования. Бой проходил на вертикалях, «карусель» заняла все небо. «Черная кошка» пронесся через «ось» этой карусели, и Ла-5 вспыхнул, сраженный пушечной очередью. Как не гонялся Горбунов за «Черной кошкой», тот ускользнул почти из рук. Старшему лейтенанту никак не удавалось приблизиться к нему на дистанцию убийного огня, а очереди издали не дости-

гали цели. Это была уже седьмая встреча Горбунова с Вилли Кумсом.

После обеда, возвращаясь с задания, все еще во власти горечи утраты и желания отомстить за товарища, четверка Горбунова повстречала две пары «мессершмиттов». Они тоже шли домой.

— Бензин у нас еще был, — возбужденно рассказывал Николай Иванович, — а вот боекомплекта — на доньшке. Но я все же решил попытаться счастья. Вдруг, думаю, «Черная кошка» тут. Мы погнались за «мессерами». А у них, наверное, тоже боеприпасы поистратились или с бензином поджигало. Решили боя не принимать, дают «деру». Мы догоняем.

Николай Иванович показывает руками для наглядности, как разворачивались события. Правая рука его изображает себя, левая — противника.

— Гляжу — точно, «Черная кошка». Ну, думаю, Вилли Кумс, отлетался. Сейчас я тебя достану! Делаю полупереворот вправо и на него.

Левая рука Николая Ивановича с тесно прижатыми пальцами стремительно взлетает вверх. Это «Черная кошка». За левой неотступно следует правая. Это истребитель Горбунова.

— Он меня будто учить собрался: «горка», «разворот», «полубочка». Я за ним, он от меня. Только поймаю в прицел, хочу нажать на гашетку, а его в этот миг будто кто шилом в мягкое место — рванет в сторону. В общем, помахала мне хвостом «Черная кошка», — зло заканчивает Горбунов. — Вот сволочь. Так я ни разу в него и не выстрелил. А вот морду его сегодня разглядел хорошо. Сытый немец, откормленный, на щеке рваный шрам от виска к подбородку. Битый, видать!

— Добьем! — вырывается у кого-то из слушателей.

— Нет, это мой!— упрямо выдыхает старший лейтенант.— Дня три назад письмо получил от родителей моего друга. Спрашивают, жива ли еще эта зараза. Что я им должен ответить: «Еще двоих наших парней в гроб загнала?»

Мы пошли с Николаем Ивановичем на командный пункт полка, договорились о том, как будем действовать завтра, уточнили время и место встречи, обговорили и записали позывные. Меня ждал По-2, чтобы доставить в свой полк. Горбунов проводил до стоянки.

— А что если мне попросить генерала Толстикова разрешения на личную встречу с этой проклятой «Черной кошкой»?— вдруг спрашивает Николай Иванович.

Очевидно, эта мысль у него только что родилась.

— Не разрешит,— неуверенно сказал я.

— Да ты сперва послушай!— с азартом воскликнул Горбунов.— Прилечу я к ним на аэродром сведомым, вызову Вилли Кумса по радио. На какой волне они работают, мы знаем. Вызову и скажу: выходи один на один, если не трусишь, Вилли Кумс.

Я расхохотался.

— Это как в старинных романах получается. Вызываю на дуэль!

— Верно, не разрешат,— сник собеседник.— Скажет, не об этом надо думать, товарищ старший лейтенант. Что у нас получится, если каждый начнет за «своим» гитлеровцем гоняться...

— Вот, вот,— поддакнул я.— У тебя «Черная кошка» в печенках сидит, а твой товарищ в другой эскадрилье зуб давно уж грызет на «бубнового туза»... Бейте всех подряд, больше толку будет.

— Все равно я его собью!— сжал кулаки Горбунов,— и фотографию обгорелой «Черной кошки» с великим удовольствием pošлю родителям друга.

— Все будет зависеть от того, встретишься ли ты с Вилли Кумсом,— начал было я, но Николай Иванович запальчиво перебил меня.

— Встречусь! Завтра с вами слетаю и опять попрошусь на «свободную охоту». Каждый день буду проситься.

Сколько лет прошло, а я его всегда вижу таким, каким он был в ту пору. Горячий, увлекающийся, с простым русским лицом, с зачесанными назад мягкими русыми волосами, по виду похож на сельского учителя. Военная форма сидела на нем мешковато, пряжка ремня все время сползала куда-то вбок, на животе появлялись складки гимнастерки, которым положено быть только на спине. Но это не мешало ему быть великолепным летчиком-истребителем. Слава о нем гремела по всей нашей воздушной армии.

В этих боях вновь отличился наш прославленный летчик-истребитель коммунист Герой Советского Союза Амет Хан-Султан. Над станцией Мардаровка, ведя шестерку машин, он встретил большую группу фашистских самолетов — сорок «юнкерсов» и шестнадцать «фокке-вульфов». Пятьдесят шесть против шести! По девять с гаком на брата! Едва ли у кого-либо из самых оголтелых фашистов хватило бы духу принять бой при таком соотношении сил.

— Атака!— скомандовал своим ведомым командир эскадрильи.— Боевой порядок — фронт пар! И первым ринулся на врага.

Выйдя на огневую дистанцию, Амет Хан-Султан первой же пушечной очередью зажег флагмана, и тот врезался в землю недалеко от железнодорожной станции. Второго фашиста сбил Иван Борисов, тот самый, что не допустил бомбардировщики противника к переправе через Южный Буг. Потеряв в первую же минуту два самолета, один из которых

вел командир группы, гитлеровские летчики дрогнули, растерялись, потрясенные такой невиданной дерзостью. Они, очевидно, решили, что это лишь часть советских самолетов, передовой отряд. Основные силы где-то рядом, на подходе. Иначе бы русские не осмелились атаковать такую армаду шестеркой истребителей...

— Натиск, главное натиск! — наставлял своих летчиков Амет Хан-Султан, вертась в самой гуще схватки.

Он навязывал бой противнику на крутых виражах и вертикалях. В таком бою наши более маневренные машины имели большое преимущество. Выходя из атаки, каждый летчик старался немедленно прикрыть заднюю полусферу своего товарища. Этот маневр в эскадрилье Амет Хан-Султана был отработан до автоматизма. Летчики понимали друг друга по первому знаку: недаром их считали в нашей армии самыми слетанными парами. Вот, поворачивая от несущегося ему навстречу красноезвездного истребителя, «фокке-вульф» на секунду подставил свой живот и мгновенно был вспорот пушечной очередью. Взорвавшись в воздухе, вражеский самолет развалился на части. Вторая победа Амет Хан-Султана в этом бою! Не успели еще обломки «фоккера» долететь до земли, как Павел Головачев всадил очередь из пушек в лобастую голову третьего истребителя.

В этот день Амет Хан-Султан одержал и третью победу: вместе со своим ведомым Иваном Борисовым он сбил над линией фронта «Юнкерс-87», намеревавшийся сбросить бомбы на нашу батарею.

Вскоре газета «Защитник Отечества» сообщила: «Под командованием Героя Советского Союза Амет Хан-Султана эскадрилья только за неделю наступления уничтожила 32 фашистских самолета. Че-

тыре из них сбил лично командир эскадрильи: два в районе Николаева и два в районе Одессы. Получено подтверждение наземных войск. Много раз в дни наступления истребители этой эскадрильи действовали совместно с Ил-2. Истребители и штурмовики наносили мощные удары по фашистским танкам. За это время в районе Николаева, Очакова и Одессы сам командир лично уничтожил 20 автомашин, 15 повозок, 5 вагонов, 5 цистерн с горючим, десятки вражеских солдат и офицеров».

Впоследствии за мужество и отвагу Амет Хан-Султан¹ был удостоен второй Звезды Героя Советского Союза.

А вот передо мной оперативные данные о боевых вылетах прославленного летчика-штурмовика, тоже командира эскадрильи, капитана Н. Н. Дьяконова. Он стал Героем Советского Союза в ту памятную весну 1944 года,

Даже коротких выписок будет достаточно, чтобы представить себе все величие подвига, совершенного Никитой Дьяконовым и его боевыми друзьями в те дни. Замечу, кстати, что к началу 1944 года на счету командира эскадрильи было уже сто с лишним боевых вылетов. Товарищи с гордостью говорили о нем: «Наш Никита не уйдет от цели, пока не поразит. Бывает, что пять-шесть раз зайдет, примериваясь, но ударит только наверняка. И никакой огонь зениток его не остановит: найдет способ вернуться от них».

Вот данные журнала боевых действий 672-го штурмового авиационного полка.

«3 февраля 1944 года группа из восьми Ил-2 (ведущий Н. Н. Дьяконов) атаковала эшелон с

¹ После войны Амет Хан-Султан был летчиком-истребителем. Погиб при исполнении служебных обязанностей. На родине героя ему установлен памятник.

живой силой противника в районе Апостолово. Метко сброшенными бомбами эшелон разорван на три части. Заходя в третий раз в атаку и расстреливая из пушек и пулеметов пехоту противника, Дьяконов заметил в воздухе Ме-109, идущие на сближение с группой Ил-2. Он быстро построил свою группу в оборонительный круг и принял бой с истребителями противника. В этом бою Дьяконов подбил один Ме-109 и без потерь привел свою группу на аэродром».

«6 февраля Дьяконов шестеркой Ил-2 произвел штурмовку автомашин, уходящих из Никополя на запад. Колонна до 500 автомашин была сильно прикрыта зенитным огнем. Дьяконов со своей группой сделал на эту цель четыре вылета, задержав колонну на 10 часов, тем самым не дал возможность гитлеровцам вывезти технику...»

«7 марта. Вылет совместно со штурмовиками 951-го полка. Нашу группу возглавляет Н. Н. Дьяконов, группу 951-го полка — старший лейтенант А. Кобелев. Задача: нанести штурмовой удар по отступающей колонне гитлеровцев в районе Троицко-Сафоново. Над целью штурмовики построились в круг и по сигналу Дьяконова приступили к штурмовке. Немцы не оказали ни малейшего сопротивления. В колонне не было зениток. Это позволило нашим самолетам в течение 35 минут висеть над целью. Сбросив все бомбы, летчики спустились до бреющего полета и пушечно-пулеметным огнем расстреливали фашистов, поджигали автомашины».

— Хорошо поработали! — восторженно сказал в тот день после боевого вылета Дьяконов корреспонденту газеты «Защитник Отечества». — Я за всю войну такую «добычу» еще не встречал. У врага зениток не было, мы буквально рубили его вин-

тами. Каждая бомба точно шла в цель. Что ни очередь — горит машина.

15 Мои однополчане при встречах часто вспоминают освобождение Николаева. В летных книжках у каждого экипажа значится: район боевых действий — Николаев. Вспоминаем наши вылеты к Очакову, Раздельной, Татарке, Одессе. Помним свои маршруты до сих пор. Иной деревушки уже давно нет, она влилась в другую, а в нашей памяти живет.

Разве забудет кто-либо из экипажа лейтенанта Михаила Прохоровича Роя этот боевой вылет? Западнее Карпово самолет вынырнул из облаков, как было задумано, и обрушил свой смертоносный груз на колонну гитлеровцев, о которой сообщили воздушные разведчики. Штурману лейтенанту Александру Сорокину трудно было промахнуться: бомбы он сбросил с высоты 600 метров. Воздушный стрелок Алексей Воробьев и стрелок-радист Анатолий Конон разили гитлеровцев из пулеметов в тот момент, когда Михаил Рой снизился до 300 метров. Отчаянно оборонялись вражеские зенитчики, пехота била по самолету из винтовок. Попасть в такую громаду, летящую на малой высоте, им не составляло большого труда.

От разрывов снарядов машину трясло как в лихорадке, осколки со скрежетом рвали податливый дюраль. По фюзеляжу будто железными прутьями кто-то хлестал со всех сторон. Осколки перебили трос руля высоты, повредили маслосистему, отказал правый мотор: очевидно, перестало поступать горючее. Переключив тумблер самолетного переговорного устройства на стрелка-радиста, командир корабля услышал только хриплый стон: старшина

Конон был ранен. Сержант Воробьев в это время пытался руками удержать концы перебитого троса руля управления, но у него не хватило сил. Тогда он сбросил сапоги, зубами разорвал портянку и соединил ею трос. Потом кинулся к потерявшему сознание Анатолию Конону, наложил жгуты, чтобы остановить кровь, — у старшины была перебита осколком рука и прострелена голень ноги.

Перевалив через линию фронта, Михаил Рой посадил израненную машину на аэродром истребителей.

Экипаж лейтенанта Николая Алексеевича Короткова получил задание нанести удар по отходящему из Николаева противнику. Штурманом с ним летел одессит лейтенант Михаил Леонидович Симинов, стрелком-радистом сержант Федор Гудков, воздушным стрелком сержант Иван Кудряшов. Полет был ночной, погода скверная — низкая облачность, ветер с изморосью. Однако это не мешало Симинову вывести самолет точно в заданный квадрат.

Внизу забитая отступающим противником дорога, зенитки бьют со всех сторон. Выходя из атаки, бомбардировщик словно боком задел за столб: его резко швырнуло в сторону, раздался оглушительный треск. Снаряд угодил прямо в кабину летчика, перебил управление руля поворота и застрял под сиденьем.

— Повезло! — зло буркнул Николай Коротков, с трудом выравнивая машину, валившуюся на крыло.

В это время осколок снаряда рубанул по плексигласу фонаря кабины стрелка-радиста. С крутым креном самолет повалился в ночную темень. Федор Гудков глянул вниз и обомлел: по всей дороге, которая чуть угадывалась под ними, словно вороха

горящей соломы ветром вздуло, взметнув тучи искр. Это гитлеровцы били по самолету из винтовок и автоматов трассирующими, помогая своим зенитчикам. Пули прошивали фюзеляж, по левому мотору ударили осколки крупнокалиберного снаряда. Из-под капота красной пеной выплеснулось пламя, свываясь в темноту ночи...

Огненной кометой пронесся бомбардировщик прямо над головами наших пехотинцев и сел на фюзеляж. На командире экипажа Николае Алексеевиче Короткове уже горел комбинезон. Подбежавшие бойцы схватили летчика в охапку и окунули в воронку, залитую водой. Другие в это время помогали экипажу тушить самолет.

А иногда бывало и так у нас, что трагическое и смешное уживались вместе. Воздушные разведчики Николай Галкин и его штурман лейтенант Владимир Волошановский доложили, что на южной окраине Абомеликово остановилась большая воинская часть противника. Много бронетранспортеров, артиллерии и другой техники. Полковник Никифоров поднял по тревоге весь полк.

Вскоре после взлета штурман Петр Кривonos бросил взгляд вниз и ахнул: вокруг стойки переднего колеса обвился желтобровый уж. Он с любопытством уставился на Кривоносу в открытый люк своими острыми глазками и, судя по всему, не испытывал ни малейшего страха.

Лейтенант Василий Григорьев стал убирать шасси, и храбрый уж скрылся за дверцами. Кривonos, как бы между прочим, доложил своему командиру:

— А у нас на борту пятый ялен экипажа.

— Что за глупости? — будучи не расположенным к шуткам, оборвал его Григорьев.

— Я на полном серьезе, командир! — кусал нижнюю губу, чтобы не расхохотаться, штурман.

— Брось дурака валять! — отмахнулся командир. Через несколько минут Кривонос почувствовал воздушного путешественника уже под своим сиденьем. Уж ворочался, должно быть пытаюсь устроиться поудобнее в необычном для него гудящем месте, но это никак ему не удавалось.

«А что если это не уж, а ядовитая змея?» — тревожно пронеслось в голове штурмана. От этой мысли он невольно поежился. Стоило только штурману чуть пошевелиться, как беспокойный пассажир тотчас немного высовывал голову в отверстие и настороженно крутил ею, будто к чему-то прислушивался и приглядывался. Кривонос присмотрелся к нему внимательнее и облегченно вздохнул. Уж!

Кто из мальчишек, живущих в сельской местности, не водил дружбу с ними. «Безобидные твари!» — говорила про них бабушка Петра Ивановича, а ему тогда очень не нравилось это определение. Бабушка будто ругала ужей. «Твари» никак не шло к доверчивым и даже послушным ужам, не лишенным сообразительности.

Тепло стало на душе Петра Ивановича от нахлынувших воспоминаний детства. Бабушка еще жива, приветы ему в каждом письме шлет, а вместе с ними наказы: быть поосторожнее с бомбами. Она знает, что ему приходится бомбить врага, мать ей рассказывала.

«Надо будет ей про ужа написать, вот вернусь с задания и обязательно напишу, как уж с нами на боевое задание летал».

Еще вспомнилось, как бабушка, трогательно смешная и добрая, вдруг негодуя замахала руками, когда он объявил, что хочет стать летчиком.

— Мать с отцом в твои годы тележного скрипа боялись, а ты что надумал, неслух? Выкинь это прочь из головы, выкинь!

... На горизонте показалась длинная колонна автомашин. Шли они очень скученно, очевидно, приходилось поспешать. Ведущий повел девятки на цель под углом десять градусов к движущимся автомашинам.

— Прицеливание каждому звену в отдельности, — прозвучала команда флагштурмана Павла Головенкова.

Петр Кривонос сбросил бомбы, и тут же стрелок-радист сержант Алексей Гапышко, добродушный хлопец из-под Полтавы, поспешил обрадовать его и командира экипажа:

— Хорошо легли! Две машины полетели вверх тормашками, третья загорелась.

Не успели порадоваться, как воздушный стрелок сержант Казаков тревожно предупредил:

— Командир, «мессершмитт!» — голос у стрелка немного сорвался, очевидно, он заметил вражеский самолет очень близко совсем неожиданно.

Me-109 пикировал сверху прямо на них. Все решали даже не секунды, а доли секунды. Под фюзеляжем еще шесть бомб, самолет на боевом курсе. Григорьев резко развернул самолет прямо в лоб фашисту. Бомбардировщик задрожал будто от злости, выпуская быстрыми очередями снаряды. Гитлеровский летчик никак не ожидал такой прыти от тяжелого бомбардировщика. Он даже не успел огрызнуться огнем. Первая же очередь снарядов угодила в спину «мессершмитта» и распорол его на две части.

— А вот теперь можно и бомбы сбросить, — выдохнул командир экипажа.

Бомбардировщик развернулся и снова лег на боевой курс. Немцы на дороге уже успели оправиться от растерянности, вызванной внезапностью налета, и открыли стрельбу. Снаряды стали рваться рядом

с самолетом. Осколки перебили бензопроводы, сильно повредили правую плоскость. Теперь выход только один: падать с большой скоростью. Резкий спуск не даст загореться бензину.

Из облаков вылетели с крутым планированием в сторону моря. Линия фронта, к счастью, была недалеко. Штурман Кривонос быстро сориентировался или, как говорят летчики, «привязал карту к местности».

Приземлились удачно близ Кодымы, в расположении наших войск. Дома! Только тут штурман вспомнил про ужа и заглянул под сиденье.

— Спит бродяга! — засмеялся он.

Свернувшись в клубок, уж спал как ни в чем не бывало.

В минуты, когда чудом удалось избежать смерти, люди ведут себя по-разному. У одних наступает резкий упадок сил, других, наоборот, захлестывает буйное веселье и они готовы пуститься в пляс от обуревающей их радости, начинают дурачиться и пытаются неумело шутить над собой и друзьями, у четвертых вдруг блеснет в глазах непрошенная слезинка... А в экипаже Григорьева вдруг проснулась неистовая нежность к летавшему с ними в бой ужу. Они буквально стали рвать его друг у друга из рук. Каждому хотелось подержать его на ладонях, нежно погладить, сказать ласковые слова.

— Ты же, дурачок, запросто мог разбиться! — покачал головой, глядя на ужа, лейтенант Григорьев.

— Не скажи! — решительно запротестовал Кривонос. — Он же знал, к кому садиться...

27 марта 1944 года большой группе бомбардировщиков нашей дивизии было приказано поддерживать с воздуха войска генерал-лейтенанта А. А. Гречкина на подступах к Николаеву. Над расположе-

нием войск противника нас атаковало шесть Ме-109. Первым заметил их стрелок-радист старшина Иван Патрикеев из 449-го полка. Доложил командиру группы капитану Евгению Мясникову, тот в это время как раз заходил на бомбометание.

— Отбивайтесь! — приказал капитан воздушным стрелкам. — Ложусь на боевой курс.

И вся группа, несмотря на огонь вражеских истребителей, не свернула с боевого курса. Отбомбились удачно. Но «мессершмитты» не отставали. И, как часто бывает в таких случаях, весь огонь они сосредоточили на флагманской машине. Воздушным стрелкам все труднее приходилось их сдерживать. Одному из фашистов удалось выпустить прицельную очередь из пушек. Задымил правый мотор. Это подействовало на фашистов, как запах крови на хищников, преследующих добычу. Еще один «мессер» лезет снизу, выставив тонкий нос. Патрикеев прожигает его очередью из крупнокалиберного пулемета. Сорвавшись в штопор, Ме-109 летит на землю у Терновки.

Затем загорелся еще один фашист, которого прошил воздушный стрелок сержант Коновалов. А вот кто подбил третьего, сказать трудно — по нему вели огонь сразу несколько воздушных стрелков и стрелков-радиостов. В этом полете они еще повредили два вражеских истребителя, которым, к сожалению, удалось скрыться.

За геройство и мужество, проявленные в боях за освобождение Николаева, стрелок-радист старшина коммунист Иван Патрикеев был награжден орденом Славы третьей степени. Он живет по-прежнему в своем родном городе Грозном, работает на одном из предприятий. Это уважаемый всеми человек, очень скромный, всегда готовый прийти на помощь товарищам. Люди знают, что он участник

Великой Отечественной войны, но больше о себе Иван Егорович — ни слова. Воевал-де, как все, труса не праздновал. А он настоящий герой, проявивший в воздушных боях большое мужество. Вместе со своим командиром экипажа капитаном Е. А. Мясниковым, ставшим в конце войны Героем Советского Союза, И. Е. Патрикеев летал в небе над Одессой, Бухарестом, Софией, Белградом, Будапештом, Веной.

16 Радостное сообщение об освобождении Николаева принес нам утром начальник оперативного отделения полка А. С. Гуркало.

— Старшина Арбузенко! — позвал майор Гуркало, подойдя к нам.

— Я! — подлетел к нему и замер по стойке «смирно» стрелок-радист.

— Идите в штаб и оформляйте отпускные документы, — торжественно произнес майор.

— Ура! — дружно закричали мы.

Я уже говорил выше, что командир дивизии полковник Недосекин обещал дать краткосрочный отпуск старшине Арбузенко, отличившемуся в боях за освобождение своего родного города.

Николаев был взят ночью 28 марта. Утром 29-го прилетел к нам начальник политотдела дивизии полковник Г. И. Богатиков и собрал весь личный состав на митинг. Через двадцать минут мы должны были вылететь на боевое задание. Все говорили очень коротко, поэтому речь каждого была похожа на клятву.

Сразу же после митинга прозвучала короткая, привычная команда:

— По машинам!

Мы идем на стоянки своих бомбардировщиков,

а Арбузенко, замечая, чувствует себя не совсем удобно перед товарищами: не очень подходящее время для отпусков. Первым почувствовал его состояние Мишка-одессит. Машина его в ремонте, и он сегодня заменит в экипаже Арбузенко.

— Вася, убей меня бог, но мне кажется, что ты думаешь, мы без тебя не справимся, — обнимает он за плечи друга.

— Брось ты, Мишка! — отстранился от него Абурзенко.

— Ох и темен же ты, как наши катакомбы!

А вокруг уже кучкой стрелки-радисты, воздушные стрелки, механики, мотористы, прибористы, оружейники наострили уши. Все ждут от Мишки-одессита очередную «хохмочку».

— Вася, ты зря переживаешь, я справлюсь, — продолжает он уверять друга с самым серьезным и даже обиженным видом. — Я очень способный. Моя мама заметила это, когда мне было всего четыре годика. Собрался я погулять. Она спрашивает: «Ты зачем калоши надел, ведь на улице грязи нет?» А мне жаль с новыми калошами расставаться. Я маме отвечаю: «Нет, так я найду!» Мама обрадовалась, кричит отцу: «Ты слышал? Наш сын не будет белоручкой!»

Мишка-одессит обводит глазами смеющихся ребят.

— Кто скажет, что моя мама ошиблась?

— Никто! — хором звучит в ответ.

— Так что поезжай спокойно, Вася, твой пулемет попал в надежные руки.

Старшина Василий Арбузенко прощается с друзьями и уходит к большаку ловить попутку. Все с тревожным волнением глядят ему вслед. Парень, уходя в армию, оставил в Николаеве отца и мать. Что с ними? Живы ли они?..

Наши уже у села Нечаянного и на подступах к населенным пунктам Ломбертово и Зеленое. Мы должны всемерно способствовать наступающим войскам, не давать врагу закрепиться, обнаруживать всякое его движение на дорогах. И, конечно, видеть, что делается у него в тылу.

Начальник воздушной разведки армии подполковник Арефьев приказал мне срочно отправить экипаж на фотосъемку района Тирасполя. Полетит дежурный экипаж старшего лейтенанта Фесенко со штурманом лейтенантом Леонтьевым. Выпускаем, несмотря на ненастную погоду.

У И. М. Фесенко дружный, слетанный экипаж. Ветераны дивизии. Штурман лейтенант Борис Леонтьев, стрелок-радист старшина Владимир Барашкин, воздушный стрелок старшина Иван Лямин. Воюют ребята с 1942 года. Правда, всякое бывало. Однажды по вине штурмана Леонтьева, потерявшего ориентировку, чуть было не пришлось сделать вынужденную посадку у самой линии фронта: кончился бензин в баках. Едва-едва дотащились до ближайшего аэродрома истребителей. Штурман был на время отстранен от полетов. Попало и командиру, разумеется. Горький урок пошел на пользу: промахов больше не было. Эти ребята уже выполнили десятки ответственных заданий по воздушной разведке и по бомбометанию. Фесенко поджег из пушек и пулеметов четыре вражеских самолета, а штурман Леонтьев точно сбросил бомбы на эшелон с нефтеналивными цистернами, шедший из Тирасполя в Кишинев. На счету у этого экипажа уже восемь автомашин и зенитная батарея, уничтоженная западнее Овидиополя, удачная фотосъемка вражеских позиций на Днестре.

Был случай, когда при заходе на бомбометание зенитный снаряд напрочь отсек консоль у правого

крыла самолета. Фесенко пришлось идти с большим креном, однако он не покидал строй девятки и прицельно сбросил все бомбы.

Подпольщики сообщили, что на станции Карпово у немцев находятся большие склады боеприпасов. На воздушную разведку вылетел экипаж Фесенко. Станция хорошо охранялась зенитчиками. К тому же над ней постоянно кружили истребители. Погода благоприятствовала полету, воздушный разведчик подошел к Карпово на высоте 8000 метров. Это была большая высота, если учесть потолок самолетов того времени.

— Снаряды разгружают или бомбы, — сказал Борис Леонтьев. — Вот они, склады, это точно.

В этот день на станцию только что прибыл железнодорожный состав, и сверху было видно, как по бронетранспортерам из вагонов плыли тяжелые туши бомб. Разведчики немедленно сообщили об этом на командный пункт полка. Через несколько минут капитан Рогинец со штурманом Шереметом подняли свою эскадрилью и помогли гитлеровцам «опростать» вагоны. Налет был комбинированным, нам помогали штурмовики, прикрывали истребители.

Отправляю я воздушных разведчиков на задание и начинаются волнения, вызванные томительными минутами ожидания. Маршрут полета всегда разрабатываем вчетвером: командир экипажа, штурман, начальник оперативного отделения и я как начальник воздушной разведки. Стараемся проложить его в стороне от крупных населенных пунктов, которые наверняка начинены гарнизонами гитлеровцев, охраняются зенитками. Но и петлять особенно нельзя — это затянет полет, и разведка может обесцениться. Работы у меня хватает: из походной фотолаборатории все время поступают

фотоснимки, после дешифрования надо составлять подробные донесения штабу. Но мысли мои снова и снова возвращаются к ушедшим экипажам. Сейчас у меня душа болит за Фесенко.

Иван Михайлович Фесенко родился в деревне, с детства он полюбил животных. Особенно лошадей. Когда наш аэродром находился близ Кремидовки, Иван очень близко сошелся с председателем соседнего колхоза. Председатель приезжал к нам на красивой светло-саврасой лошади, которую местным жителям каким-то образом удалось спрятать при отступлении немцев. Если Фесенко был на аэродроме, он неизменно подходил к своему любимому Серко (так звали лошадь). Он по-братски делил с ним то свой стартовый обед, то плитку шоколада. Почувствовав ласку, Серко потянулся к Ивану с первой же встречи. Если во время приезда председателя Фесенко был на задании, Серко начинал искать его, призывно ржал, нервничал. Угощение от других принимал неохотно, с таким видом, будто одолжение делал.

Однажды мы в капонири, приспособленном под тир, упражнялись в стрельбе из пистолета. Штурман Борис Леонтьев никак не мог попасть в цель. Товарищи начали над ним подшучивать.

— Мушка, наверное, сбита, — обескураженно бормотал Борис.

Фесенко в это время угощал своего любимца.

— Серко, давай-ка мы с тобой покажем класс.

С этими словами Иван Михайлович взял у Леонтьева его пистолет, сел на лошадь, отъехал метров на сто пятьдесят, повернул ее к капониру, на скаку встал на спину Серко и выстрелил: раз, другой... И обе пули попали в цель.

— Ты что, в цирке до армии работал? — поразились мы.

Иван Михайлович рассказал, что мальчишкой любил гонять лошадей в ночное, а конюхом в колхозе работал старый буденновец, вот он и обучил ребят джигитовке.

— В кавалерию надо было бы мне идти, ребята, — закончил Фесенко, польщенный всеобщим вниманием.

— Чего вздыхаешь? — сказал председатель колхоза. — Ты вон какую конягу взнуздал! — И он показал кнутовищем на бомбардировщик.

— Целый табун лошадей! — улыбнулся Иван Михайлович. — Тысяча сто лошадиных сил в каждом моторе.

«...Задание выполнил, все в порядке. Возвращаюсь», — радировал стрелок-радист экипажа Фесенко старшина Владимир Барабашкин. Вот теперь отлегло от сердца.

Не успели еще вернуться воздушные разведчики, как я получил новое задание: осмотреть станцию Раздельная. У меня уже наготове экипаж старшего лейтенанта коммуниста Александра Цехмистрова. Штурманом у него лейтенант комсомолец Александр Голоперов, стрелок-радист коммунист старшина Вацлав Венжановский, воздушный стрелок младший сержант Михаил Морозов.

— Чур, не гореть, товарищ старший лейтенант! — шутит техник по вооружению эскадрильи техник-лейтенант Юрий Главдецкий.

Машинально Цехмистров коснулся рукой едва зажившего рубца на щеке у левого уха, вспомнил что-то и шутливо прикрикнул на Главдецкого:

— Не ворожи!

Моторы опробованы. Экипаж направляется к машине.

— Чистого неба и мягкой посадки! — поднимает руку Главдецкий.

У Цехмистрова на счету уже 27 вылетов. Я, пожалуй, не назову никого из наших разведчиков, кому бы привелось побывать в таких передрягах, как Александру. 5 июля 1942 года под Воронежем мы летали бомбить вражеские танки. У деревни Хохол к нашей группе прорвались «мессершмитты». Цехмистров шел левым крайним ведомым, и весь шквал пушечно-пулеметного огня обрушился на него. Стрелки Венжановский и Морозов отбивались изо всех сил, но фашисты атаквали все яростнее. Одному из них удалось зажечь левый мотор, пламя встречным потоком воздуха перенесло на крыло. Отбиться от вражеских истребителей Цехмистрову помогли другие экипажи, но как тянуть до дома на горящем самолете, у которого и второй мотор уже начал давать перебой?..

— Буду тянуть до первой подходящей полянки! — передал по радио ведущему командир экипажа.

Сели в тылу у немцев.

— Тушите, ребята, самолет, — крикнул своим боевым друзьям Цехмистров. — Теперь на земле будем воевать.

Сбили пламя с мотора, приготовили к бою бортовое оружие, но повоевать на земле не пришлось: смяв отступающего противника, по степи к самолету уже мчались наши танки.

— Кукуете, летуны? — высунулся из башни уса-тый лейтенант. — По-доброму, с вас причитается, но некогда. Вон там, на гривке, ваши фашисты лежат.

— Наши? — недоуменно спросил Цехмистров.

— А то чьи же? К вам бежали.

Это было первое крещение огнем и первая вынужденная посадка старшего лейтенанта Цехмистрова. Не прошло и двух месяцев, как в групповом полете опять повторилось то же самое. Сначала загорелся один мотор, потом отказал второй, разбитый сна-

рядом. Опять сели на территорию, занятую противником. Три дня ночами пробирались к своим. Гитлеровцы отступали, и сплошного фронта не было. На четвертый день откуда-то донеслось родное, жаром охватившее сердца русское «ура»...

— Везучий ты, Сашка! — расцеловал друга пилот Федор Буров.

— Чтоб так черту лысому везло, как мне! — фыркнул сердито Цехмистров, но не выдержал и засмеялся. — А знаете, почему я не могу сгореть? Матушка моя, когда на фронт провожала, — печную заслонку закрыла! Так у нас в Енакиево положено и много раз перепроверено.

Забегая вперед, скажу: Александр Цехмистров воевал до Победы. Пять раз горел, но быстро возвращался в свой полк.

— Должно быть, твоя матушка второпях не очень плотно заслонку-то прикрыла, — шутили мы.

Почему-то всегда были очень удачными вылеты Цехмистрова на воздушную разведку. У нас говорили: «Сашу послали к фашистам наведаться. Пошли скорее обедать. Сейчас опять весь полк по тревоге поднимут». И точно. Он засекал такие цели, на уничтожение которых немедленно отправлялись большие группы бомбардировщиков. Не только полк, дивизия в полном составе вылетала. Так было и на этот раз. У Варваровки под Николаевом воздушные разведчики обнаружили на марше колонну из семидесяти танков. Полковник Никифоров немедленно поднял эскадрилью капитана Ивана Ильина. К ней присоединились штурмовики с истребителями сопровождения. Фотоконтроль бомбометания засвидетельствовал, что треть этих танков воевать уже больше не будет. Да и уцелевшим еще достанется. Добивать колонну шла другая группа самолетов.

Запомнился такой эпизод. Однажды утром перед самым боевым вылетом у воздушного стрелка из экипажа Николая Луценко начался острый приступ аппендицита. Его увезли в медсанбат.

— Возьмите меня, товарищ командир,— обратился к Николаю Кузьмичу авиационный механик Рыбас.

Луценко досадливо покосился на отвертку, торчащую из кармана комбинезона сержанта.

— А чем ты от фашистов отбиваться будешь, если полезут? Отверткой?

— А вы поинтересуйтесь у начальника воздушно-стрелковой службы, как я из пулемета бью,— не без достоинства ответил Рыбас.

«Начальник огня и дыма», как называли в армии начальников воздушно-стрелковой службы, майор Н. Т. Козлов проверял в это время пулемет на одном из самолетов. Луценко к нему:

— Вот тут, товарищ майор, Порфирий Порфирьевич утверждает, что умеет стрелять и может вполне заменить мне воздушного стрелка.

— Берите, не пожалеете!— решительно заверил Козлов.

— Да вы что как сговорились!

Оказывается, в свободные часы сержант Рыбас вместе с воздушными стрелками частенько упражнялся в тире. Ночью готовит самолет к боевому вылету, а после завтрака бежит в «оружейку». Что касается сна, то «добирал» потом, когда подвертывалась такая возможность.

Луценко испытующе поглядел на Рыбаса.

— Справа по курсу вас догоняет Ме-109. Какое возьмете упреждение?

— Чуть побольше половины фюзеляжа,— не задумываясь, ответил сержант.

— Готовьтесь к вылету.

— Есть готовиться к вылету!— радостно козырнул Порфирий Порфирьевич.

Полет он провел блестяще. На обратном пути бомбардировщик атаковали два «фокке-вульфа». Сбить, правда, ни одного не удалось, а вот сколько они не пытались зайти в хвост бомбардировщику, стрелок-радист старшина Пашковский и сержант Рыбас отгоняли их короткими хлесткими очередями. Гитлеровские летчики сразу чувствуют, кто за пулеметом — новичок или понюхавший порошу воздушный боец. Об этом красноречиво говорят трассы пуль. Как молния, прорежет огненная строчка опытного стрелка, прямую под самым носом у самолета, и сразу охладит пыл атакующего.

Хотел было Порфирий Порфирьевич попроситься и на второй полет, но взмолился старший инженер полка и категорически отказался отдать его «в воздух». Подраненные самолеты требовали опытного механика, и в этом деле без сержанта Рыбаса никак нельзя было обойтись.

17 Есть старая солдатская шутка, которую знали еще во времена Суворова. Солдата спрашивают: «Скажи, служивый, а как ты спишь в походе?» Солдат отвечает: «Ложусь, где скомандуют: привал или отбой, и сплю. Шинель на себя, шинель под себя, шинель под голову». — «У тебя три шинели?» — «Зачем три? Одна».

Мы часто вспоминали эту шутку, когда перебазировались, продвигаясь вслед за наземными войсками. Что там ни говори, а намного легче было воевать суворовскому солдату. Во всяком случае забот у него было поменьше. Винтовка, подсумок, ершик для чистки ствола, масленка да узелок ветоши. Вот и все снаряжение. А нам, чтобы летать,

нужен бензин, масло, гидравлическая жидкость, сжатый воздух и прочее. А чтобы воевать, нужны бомбы, снаряды, патроны для крупнокалиберных пулеметов. Кроме того, солидный запас деталей и узлы самолетов и моторов. С боевых заданий мы часто возвращаемся на подбитых машинах, которые необходимо быстро залатать. На командном пункте у нас стоят радиостанции, телефоны, телеграфные аппараты Бодо и Ст-35, без которых немислима боевая работа авиационного соединения. К этому еще надо добавить полевые мастерские для ремонта моторов и электрооборудования, фотолабораторию, мастерскую по зарядке аккумуляторов, санитарную часть и все необходимое для жизни полка и батальона аэродромного обслуживания.

Рассказываю я об этом совсем не потому, что хочу подчеркнуть, какие трудности ложились на наши плечи. На войне всем нелегко. Я хочу отметить, сколько людей работало, обеспечивая наши боевые вылеты. И мы всегда были благодарны им, уважали и ценили их поистине самоотверженный труд.

Правда, бывали иногда случаи, когда кто-нибудь из «шибко летчиков», как мы презрительно называли зазнаек, задира л нос, высокомерно поглядывал на тех, кто не летает, но их одергивали. Крепко доставалось им и от командования.

Однажды прибыли к нам из училища два экипажа. Слетали парни на боевое задание. В составе группы действовали хорошо, тактически грамотно. Посылают их на «свободную охоту». Сами ищите цель и уничтожайте, если она стоит бомб. Повезло ребятам: перехватили в пути эшелон с вражеским пополнением. Несмотря на сильный зенитный огонь, командир экипажа младший лейтенант Петр Остапенко снизился, и штурман младший лейтенант

Георгий Кулик первыми бомбами разбил паровоз. Вагоны поползли один на другой, повалились под откос. Самолет развернулся и чуть ли не на бреющем ударил по разбегающимся гитлеровцам из пулеметов. Мы все были, конечно, рады такому успеху молодого экипажа, тепло поздравили товарищей с первым удачным боевым вылетом. Командир дивизии вручил ребятам награды. И вот появилось у командира экипажа Петра Денисовича Остапенко этакое барственное высокомерие к техническому составу.

Готовили машину к очередному вылету. Особой спешки не было. Но Остапенко показалось, что шофер бензозаправщика и механик самолета спят на ходу. Дело было ранним утром.

— Глаза продрать не можете! — негодуя об- рушился он на них. — Вам хоть пень колотить, лишь бы день проводить.

Шофер бензозаправщика был уже в годах, звали его у нас дядя Рома, а вот фамилии не помню. Ни днем, ни ночью не знал дядя Рома покоя, зимой и летом часто спал урывками прямо в кабине, при- ткнув свой бензозаправщик на краю аэродрома, знал, что может понадобиться в любую минуту. От- мечая его работу, капитан Крестовский напечатал в газете «Защитник Отечества» заметку о нем, ко- торая называлась «Дядя Рома не ночует дома» (место его на нарах в землянке часто пустовало). Молодежь рвалась на фронт, людей в батальоне аэродромного обслуживания постоянно не хватало. И вот на такого трудягу, годящегося ему в отцы, накинудся «шибко летчик» лейтенант Петр Оста- пенко.

— Вон какую ряшку наел на тыловых харчах! — услышал, подходя, наш «батя» полковник Никифо- ров.

Для дяди Ромы это было столь неожиданным, столь несправедливым оскорблением, что он даже «пистолет» — железный наконечник шланга, который вставлялся в горловину бензобака, — из рук выронил.

— Что тут у вас происходит? — сурово раздалось сзади.

— Да вот самолет надо скорее заправлять, а они ни мычат ни телятся! — молодежато козырнул командиру полка младший лейтенант Остапенко.

— До вылета, положим, время еще есть, — поглядел «батя» на часы.

К чести нашего «бати», он быстро осадил зазнавшегося героя.

— Вы знаете, что дядя Рома, которого вы незаслуженно оскорбили и унизили, кавалер ордена Славы, награжден двумя медалями? В батальон аэродромного обслуживания он из госпиталя прибыл после тяжкого ранения. Нестроевик. На фронте с первого дня войны. Полтора года «катюшу» водил...

Экипаж Остапенко сняли с боевого задания. Это было самое тяжелое наказание. Виновные стыдились смотреть в глаза своим товарищам, вернувшимся с боевого полета...

Вернемся, однако, к перебазированию на николаевской земле.

Мы перелетели на аэродром в Новый Буг. Здесь у немцев раньше был штаб армии, и поэтому летали мы сюда часто. Досталось основательно и аэродрому. Отступая, гитлеровцы привели в полную негодность взлетно-посадочную полосу, взорвали или сожгли все жилые помещения. Ни одной землянки не уцелело. Первую ночь коротать нам пришлось в кабинах самолетов, а технический состав устроился под плоскостями на «подручных средствах» — досках

и кусках фанеры. К несчастью, опять зарядил дождь, похолодало. Но это, разумеется, не могло омрачить нашего настроения: враг отступает, впереди — Одесса, за ней — государственная граница. Рукой подать...

Нельзя было без волнения смотреть на длинные вереницы людей, которые возвращались на родные пепелища. Многие везли тележки с узелками и домашним скарбом, женщины вели за руку измученных и промокших под дождем ребятишек. Кто-то из наших спросил, жалеючи, почему они не повременили с недельку или две, не дождались лета.

— Земля, сынок, наша истомилась, заждалась, — ответил ему седой старик в солдатских обмотках на худых ногах. — Нельзя нам мешкать. Весенний день — год кормит.

Нам надлежало немедленно включиться в боевую работу. И снова, как уже бывало не раз, на помощь пришло местное население. Аэродром наш напоминал стройку первых пятилеток, когда многие земляные работы производились вручную: скрипели колеса бестарок и бричек, верещали на все голоса тачки, стучали топоры, плыли на плечах доски и бревна.

Телег не хватало, в дело пошли грабарки, сколоченные на скорую руку нашими умельцами. Вместо стекол окна землянок затягивали фотопленкой. С прежнего аэродрома подходили автомашины с нашим военным имуществом.

18 Наконец-то солнце! Утром я почувствовал его, не открывая еще глаз. Оно заглядывало в оконце нашей землянки. И где-то близко выводил свои весенние рулады скворец. Он радовался и солнцу, и наконец-то наступившему теплу.

Нас подняли бы раньше, но вчера весь день шел дождь, и аэродром был залит водой.

— Кончай ночевать! — открыл дверь дежурный по полку техник-лейтенант Георгий Худяков. — Умыться и в темпе на завтрак. Прилетел командующий!

— С этого и надо начинать было, — недовольно пробурчал стрелок-радист сержант Шанидзе, проворно соскакивая с нар.

Весь личный состав выстраивается у командного пункта полка. Поблагодарив нас за быстрое и организованное перебазирование на новый аэродром, командующий воздушной армией генерал-лейтенант В. А. Судец стал знакомить с обстановкой на фронте.

— Противник поспешно отступает, — сказал он. — Наши передовые части захватывают богатые трофеи. Железнодорожные станции забиты гитлеровской военной техникой. Есть в этом доля и вашего труда, товарищи. Это вы не дали немцам и румынам организовать перевозки. Командование сухопутных войск фронта довольно вашей помощью и надеется, что вы будете сражаться в воздухе с еще большим воодушевлением. Ведь перед вами Одесса, и жители этого города ждут вас, своих освободителей.

Командующий поставил перед нами задачу: помочь нашим сухопутным войскам овладеть Раздельной. Со взятием этой станции, сказал он, будет перерезана дорога, связывающая Одессу и Тирасполь. А для противника это вопрос жизни и смерти. На защиту Раздельной он бросит все самолеты и зенитную артиллерию. Надо быть готовым к жестоким боям. Наша первоочередная задача вывести из строя станцию, не дать гитлеровцам возможность принимать в Раздельной резервы и боеприпасы.

Летим к Раздельной. Для меня, как и для каждого летчика, полет в составе всей дивизии радостное событие. В таком полете особенно зримо ощущаешь ту огромную силу, которую несет в себе наша воздушная армада. Приятно сознавать, что и ты — маленькая частица этой силы. Я невольно прикидываю в уме общий вес бомб. Хорошо долбанем фашистов по зубам! Передо мной развернутый планшет с картой. Один угол у карты голубой — Черное море. К нему тянутся голубые извилистые ленточки — речушки, реки, лиманы. С высоты три тысячи метров многие из них кажутся безобидными. Но кто не знает, как тяжело было переправляться нашим пехотинцам, артиллеристам, танкистам и конникам через каждую такую «водную преграду», вспухшую от весеннего паводка и дождей. Потеряв Тилигул, гитлеровское командование пыталось организовать оборону на реках Большой, Средний и Малый Куяльник, однако и здесь наши войска не дали противнику закрепиться. Обходя опорные пункты, конно-механизированная группа генерала Плиева и танкисты стремительно продвигаются к Раздельной и к Одессе.

Окутанная синей дымкой и солнцем, весенняя степь блестит гляncем от обилия влаги, с воздуха она выглядит удивительно тихой и мирной. У маленькой речушки мелькнул огонек. Воображение рисует рыбацкий костерок, закопченный котел на тагане, лодку в камышах. Однако через минуту различаю почти квадратную морду немецкого танка, выглядывающую из глубокой воронки. Это он догорает. Над речушкой стелется белесый дымок. Но наблюдать за землей некогда, наше дело — воздух. Справа показались низко летящие самолеты. Идут встречным курсом, быстро приближаясь, уве-

личиваются. Скорость своего самолета в таких случаях как-то не берешь в расчет, и кажется, что встречные идут фантастически быстро. Наши штурмовики отработали свое и домой топают. Над ними несколько пар истребителей.

Замечу, что со взятием нами Николаева авиация противника значительно активизировалась. Гитлеровское командование постоянно подбрасывает самолеты из тылов для укрепления своих редющих эскадр. И хотя мы по-прежнему господствуем в небе, удары врага с воздуха очень ощутимы. Часто непогода отрезала от нас большие районы, и немецкие летчики имели возможность проникнуть в расположение наших войск. Так, 31 марта они нанесли сильный удар по танкистам у населенного пункта Березовка. Только зенитчики в тот день сбили восемь вражеских самолетов. Танкисты понесли серьезные потери. Был смертельно ранен командир танкового корпуса генерал-лейтенант Т. И. Танасчишин, герой Сталинградской битвы, участник освобождения Ростова и Донбасса, Никопольско-Криворожской и Березнеговато-Снигиревской операций.

Первого апреля танкисты в сильный дождь переправились через Тилигул, взяли Завадовку и развернулись для наступления на Раздельную. На следующий день погода там на какой-то час прояснилась, а у нас по-прежнему шел дождь, прижавший нас к земле. Гитлеровские летчики воспользовались этим и бросили на танкистов пятьдесят «юнкерсов». Несмотря на большой урон, танкисты не ослабили своего наступления. Все это говорило о том, что нельзя было недооценивать врага. Его удары с воздуха иногда были очень ощутимы. Хотя теперь они все чаще и чаще носили эпизодический характер.

Вот и Раздельная... Гитлеровцы нас ждут: над станцией кружат несколько пар истребителей. Но и мы идем не одни. Наши «яки» молниеносно кидаются к вражеским истребителям, отсекая от ведущего группы. Завязывается бой. А мы делаем свое дело: снижаемся до заданной высоты бомбометания и ложимся на боевой курс. Зенитки открывают огонь, но самолетов так много, что вражеским артиллеристам приходится бить не по отдельным целям, а создавать лишь заслон, чтобы не допустить нас к станции.

Станция кишит как муравейник. Очень много автомашин, очевидно, пришли за боеприпасами, продуктами, горючим. Железнодорожные пути забиты составами. В нашем квадрате цистерны. Хорошо, если фашисты еще не успели их опростать. Времени у них было мало, воздушные разведчики — лейтенанты Леонид Инжеватов и Виктор Щипанов — обнаружили эти эшелоны на рассвете в тридцати километрах от Раздельной. Они бы и не дошли сюда, будь получше погода. Дождь перестал только утром. Решив воспользоваться ненастьем, фашисты и нагнали в Раздельную столько составов. А утром вдруг тучи размело, показалось солнце...

— Сброс! — командует по радио всей нашей группе штурман полка майор Павел Головенков.

Впереди идущая машина сбрасывает бомбы. Какой-то миг они еще летят за самолетом, потом, словно нехотя, переваливаются вверх стабилизатором и, покачиваясь, устремляются вниз.

Наша очередь... Как ни жду я этого момента, но он всегда почему-то бывает для меня волнующим. Машину словно кто подстегнет, она резко рванется вверх, освободившись от тяжелого груза. Делаю разворот с набором высоты, а что на земле творится, поглядеть некогда. Но мощные взрывы долетают

и сюда, на высоту 2700 метров. Это уже рвутся не бомбы, а снаряды в вагонах.

— Хороший сабантуй им устроили! — слышу в шлемофоне ликующий возглас стрелка-радиста сержанта Владимира Мокина.

Из его кабины сейчас все хорошо видно.

— Наши все целы? — спрашиваю у него.

— Все, командир. А Мишка-одессит «мессера» поджег, — радостно частит Мокин. — Собственными глазами видел, его работа.

Владимир Ванькович летает в экипаже заместителя командира полка майора Михаила Пыrkова, штурманом у них «начальник огня и дыма» Николай Козлов.

Вижу, как на окраине станции высоко в небо взметнулся гигантский огненный фонтан и сник, как никнут под ветром пучки степного ковыля. Это не цистерны лопаются, удовлетворенно отмечаю про себя, это взлетел на воздух склад горюче-смазочных материалов.

Второй раз заходим на бомбометание и опять удачно: истребители противника не могут пробиться к нам — с ними дерутся наши «яки». Не до жиру, быть бы живу, как говорится.

Возвращаемся все на свой аэродром. Беспристрастный фиксатор выполнения боевого задания — объектив фотоаппарата — подвел итог нашей работы. 32 прямых попадания в эшелоны противника, стационарные здания, входные и выходные стрелки, водокачку. Уничтожены склады горюче-смазочных материалов и боеприпасов.

Однако на этом мы не оставили фашистов в покое. Через тридцать минут над станцией повисла другая большая группа бомбардировщиков, которую привел командир 260-го полка подполковник А. Ф. Забелин. Гитлеровцы усилили свою защиту

с воздуха. Нескольким немецким истребителям все же удалось расстроить боевой порядок наших машин, но они не смогли помешать прицельно сбросить бомбы. Стрелки-радисты этого полка лейтенант Иван Давыдов и старшина Георгий Шереметьев сбили по одному «мессершмитту».

Едва успели отойти бомбардировщики нашей дивизии, как их сменили штурмовики, ведомые лейтенантом Городниковым. Они прихватили на перегоне один эшелон. Лейтенант ударил по паровозу реактивным снарядом и сшиб его с рельсов. Гитлеровские солдаты из вагонов в панике бросились в степь. Шедшие за ведущим Иваном Данильченко летчики лейтенанты Русакевич, Балабанов и Надолинский обрушили на мечущихся фашистов очереди из пулеметов. Оставшиеся «эрэсы» приберегли для станции.

На обратном пути группу встретили двенадцать «фоккеров». В бой вступила четверка «лавочкиных» 164-го истребительного полка, прикрывавшая штурмовики. Вел ее капитан Иван Кольцов, опытный пилот. Немецкие летчики рьяно кинулись в атаку. Еще бы — трое на одного! Иван Кольцов развернул свой истребитель и пошел на ведущего. Третий попался фашист, бывалый: прет навстречу с таким видом, будто готов на все, расшибется, но не уступит, не отвернет. И только в самый последний момент нервы вражеского летчика не выдержали, нырнул вниз, подставив Кольцову хвост. У всех, кто видел этот поединок, было такое ощущение, будто сверкнула молния. На какой-то миг весь «фокке-вульф» утонул в яркой вспышке, дымящиеся обломки посыпались на землю.

Гибель командира ошеломила ведомых, в атаках фашистов уже не было прежней напористости. И вдруг они все разом, очевидно, договорившись по

радио, скользнули к земле и рассыпались в разные стороны, решив не испытывать судьбу. Сбитый «фокке-вульф» за время весеннего наступления был у капитана пятым по счету.

В этот день мы сделали еще вылет. Теперь мы бомбили опорные пункты, мешавшие продвигаться нашим танкистам и конникам. На этот раз действовали малыми группами. Все машины вернулись на свой аэродром, кроме одной. Не было экипажа Николая Луценко. Никто не уходил со стоянок, ждали. Летчики и штурманы толпились у командного пункта. Молчали посты ВНОС и штабы сухопутных войск, никаких сообщений не поступало с наших аэродромов.

Если самолет садится на вынужденную, «хозяева», принявшие его, немедленно звонят или телеграфируют в его полк. По себе знаю, как волнуются и переживают дома за судьбу пропавших товарищей.

— Летит!— вдруг закричал кто-то на стоянке.

...Мы не сразу увидели бомбардировщик, потому что искали его там, где обычно заходим на посадку. А он шел над самой землей. Он будто ковылял по холмистому полю: то резко клюнет носом, то вдруг, поднатужившись, подскочит вверх. Надо бы подвернуть к посадочной полосе. Чего же он?

— Рули отказали,— обронил кто-то из летчиков.— Моторами держит направление...

— Горит!— вырвалось у меня.

За самолетом тянулся дым. Винт одного мотора стоял неподвижно. Тяжелая машина отчаянно тужилась, выбиваясь из последних сил, провисала над землей. Нырки ее стали чаще, судорожнее. «Ноги» поджаты, будет садиться на «живот».

Только бы сумел дотянуть до посадочной!— сжался я весь в ожидании удара.

Мчится по аэродрому санитарная автомашина, летит во весь дух красная «пожарка», люди бегут со всех сторон. «Батя» вскочил на крыло полуторки-стартера...

— Живы, все живы!— слышу я взволнованные, радостные голоса, подбегая к сгрудившимся возле самолета людям.

Есть всегда что-то щемящее душу при виде самолета, севшего на фюзеляж. Он в таких случаях напоминает загнанную хищниками птицу. Она жива, но у нее нет сил подняться на ноги. Беспомощно распласталась на земле эта гордая птица, но всем своим существом дает понять окружившим ее людям: «Я жива, и я еще буду летать!»

19 Столовая для нас не просто пункт общественного питания, говоря служебным языком. Это — Дом Красной Армии в миниатюре. Это наш салон, где мы, поужинав, можем не спеша обсудить все перипетии сегодняшних воздушных схваток с врагом. Здесь по-товарищески отмечают умелые действия экипажей, воздают должное героям. Не обязательно славословить, бывает достаточно доброй улыбки или хлопка по плечу. Да мало ли как мужчина может высказать свое восхищение другим мужчиной, боевым товарищем своим, от действия которого, быть может, зависела и его жизнь в минувшем воздушном бою. Кстати, надо сказать, что слово «герой» по отношению друг к другу у нас произносилось крайне редко, разве только о погибших так говорили. В храбрости, самоотверженности все видели закономерное стремление не отстать от товарищей в бою, быть таким, как все, то есть честно служить Родине, нещадно бить ее врагов, гнать их восвояси. Вот о ком мы говорили с большим

подъемом, так это о великих полководцах прошлого — Невском, Суворове, Кутузове, Нахимове... припоминали яркие эпизоды из их жизни, восхищались их мужеством и полководческими талантами.

Здесь, в нашей столовой, тесной, но нам казавшейся очень уютной, мы подчас сурово выговаривали тем, кто смалодушничал, дрогнул в минуту смертельной опасности, сбросил бомбы «абы как». Чаще всего это бывало с теми, кто еще не понюхал пороху, не поварился в нашем котле, не испытал, почем фунт лиха. И товарищи по оружию не только по-мужски, по-солдатски сурово высказывали свое недовольство, но и старались приободрить молодых пилотов, штурманов, стрелков, помочь им обрести веру в себя, в свое боевое оружие.

Бытовало у нас такое выражение: «ввести в строй молодых». Это значит дать им «вывозные», учить своим примером, с особой тщательностью оберегать в первых воздушных боях, передавать свой опыт.

Каждый экипаж в столовой садился за свой стол. И совсем не потому, что так было установлено командованием, положено уставом. Люди, которые несколько минут тому назад смотрели смерти в глаза в небе, дружно и самоотверженно делая свое солдатское дело, не хотели и на земле расставаться. Им было о чем поговорить друг с другом. Но дело даже и не только в этом. Приятно было чувствовать плечо боевого друга, видеть его лицо, улыбку...

Если мы теряли боевых друзей, то, поминая их добрым словом за ужином, скорбили вместе по героям, отдавшим жизнь. Но мы старались не устраивать гражданских панихид, а делать выводы для живых, учились на горьких уроках. И вовсе не потому, что на войне очерствели; задубели наши серд-

ца. Каждый сам в любую минуту готов был умереть в бою. Без крови врага не победить. Жертвы были и будут. Надо только свести их до минимума. А это значит — самому надо постоянно учиться у других, более опытных и умелых, и учить своих товарищей. Помню, как капитан Петухов наставлял одного из летчиков своей эскадрильи, парня бесшабашного, этакую забубенную головушку; для которой все трын-трава.

— Не забывай, что фашист сейчас думает о том, как завтра тебя сбить. Ты должен перехитрить его. А что такое летная хитрость? Опыт и расчет — вот что!

Если весь день нам сопутствовала удача и мы чувствовали и видели, что наши боевые вылеты принесли большую пользу наступающим войскам, такой вечер в столовой был по-настоящему праздничным.

— Мне достаточно одним глазом на вас взглянуть, и я могу сказать, кто особенно отличился в бою, кто не очень доволен собой, так что можно и не спрашивать, как вы воевали, — сказал мне однажды ветеран дивизии командир 2-й эскадрильи капитан Василий Еркин, которого мы все уважали как отличного мастера бомбо-штурмовых ударов.

В тот день, когда мы летали бомбить Раздельную, капитан Крестовский первым принес нам приятную новость, опередив на этот раз даже вездесущего майора Гуркало, что командующий 3-м Украинским фронтом генерал Р. Я. Малиновский всем участникам этой операции объявил благодарность. По сообщениям партизан, с которыми поддерживает постоянную связь разведотдел фронта, станция так разбита, что гитлеровцы не могут ни принимать, ни отправлять поезда.

— А как поживает Горбунов? — спросил я корреспондента. — Встретился ли он с «Черной кошкой»?

— Целую неделю Вилли Кумс почему-то не появляется в воздухе, — сказал Крестовский. — Горбунов замучил меня: узнай да узнай, что с ним, через пленных. Вчера наконец я его порадовал. Был в пятой армии у командарма Цветаева, разведчики сами мне позвонили. Есть, говорят, у нас один летчик, зенитчики сбили. Знает вашего Кума. Так и сказали — Кума. Я к ним. Сам говорил с пленным. Знаешь, что он мне сказал? Вилли Кумс — большая шишка. Инструктор летной школы под Берлином. Проштрафился там, за одной генеральшей приударил. Генерал пожаловался Герингу. Вот и послали его на фронт проветриться, опытом якобы подзапасть. А не летает он потому, что его «густава» наши зенитчики изрешетили. Ремонтируется.

Убирается посуда со столов, но никто не уходит из столовой. Поговорив о делах, мы переходим к «художественной части». Гитара Володи Ваньковича висит, как всегда, на гвоздике за его столом. Мишка-одессит еще допивает компот, но ребятам не терпится. Толкают его под бок, поторапливайся-де, гитару подают. Взяв несколько аккордов, Ванькович подмигивает сидящему напротив экипажу командира эскадрильи капитана Еркина и запекает новую песню, услышанную им по радио:

Был озабочен очень
Воздушный наш народ:
К нам не вернулся ночью
С бомбежки самолет.
Радист скребет в эфире,
Ловя волну едва.
И без пяти четыре
Слышим мы слова...

Мишка-одессит бросает выразительный взгляд на сидящих рядом с ним друзей, тоже стрелков-радистов, Сергея Анцупова, Михаила Антипова, Вацлава Венжановского, Николая Колесниченко. Звучит короткий гитарный перебор, и вот ребята дружно подхватывают припев:

«Ну дела-а, ночь была!..
Все объекты разбомбили мы дотла.
Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле,
Бак пробит, хвост горит,
Но машина летит
На честном слове и на одном крыле».

В дверях столовой появляется штурман-«безлошадник» Александр Фетисов. «Безлошадники» временно несут внутреннюю службу и, сами понимаете, пребывают в дурном расположении духа. Такому дежурному лучше не перечить ни в чем, за просто можешь дисциплинарное взыскание схлопотать. Однако Фетисов все же дает нам допеть песню, несмотря на то, что пора спать. Завтра опять подъем чуть свет. Если не помешает непогода.

20 Вернулся с побывки из Николаева Василий Арбузенко. Уже по одной его улыбке мы поняли, что родители его живы и здоровы.

Наши пехотинцы с ходу форсировали Днестр в районе Шерпены и захватили плацдарм на правом берегу. Маленький клочок земли. Переправиться удалось лишь одной стрелковой роте, которой командовал старший лейтенант Войцеховский. Противник несколько раз пытался сбросить смельчаков с берега, однако пехотинцы уцепились за него мертвой хваткой и уже успели «обжиться» в гитлеровских окопах и траншеях, приспособить их для ведения огня в обратном направлении. Ясно

было, что противник не успокоится, пока не сбросит нашу роту в Днестр. А вот помочь нашим бойцам было никак невозможно. Гитлеровцы хорошо просматривали наш берег и вели огонь из пушек, минометов и пулеметов. А подавить их нечем. Артиллерия отстала из-за бездорожья...

— Надо выяснить, что предпринимает противник,— сказал по телефону начальнику воздушной разведки армии Арефьев.— Какая у вас погода? Не проясняется? Дождь хлещет? Жаль. И все-таки лететь надо. На плацдарме люди в отчаянном положении. Командующий приказал лететь.

Докладываю о полученном задании «бате». Полковник Никифоров поглядел в окно и чертыхнулся.

— Полетит Подкопалов,— говорю я.

— Почему именно он?— спрашивает командир полка.

— Думаю, что лучше его с этим заданием никто не справится. Он же местный, до армии здесь шофером работал и все дороги в этих местах исколесил.

«Батя» соглашается со мной.

— Ладно, посылай Подкопалова.

Этот экипаж у нас в полку зовут «интернациональный» или «дружба народов». Командир старший лейтенант Константин Иванович Подкопалов— мордвин, штурман лейтенант Эдуард Казимирович Пашкевич — поляк, стрелок-радист старший сержант Роват Глonti — грузин, воздушный стрелок сержант Дмитрий Кулаков — русский.

— Идти придется на очень малой высоте, чтобы не потерять ориентировку,— напутствует полковник экипаж.— Будьте осторожны. Знайте, что от вас зависит, может быть, судьба всей операции по форсированию Днестра. Почаще выходите на связь.

Экипаж в воздухе, мы с полковником идем на радиостанцию. Она метрах в двухстах от командного пункта.

«Иду по маршруту,— сообщает в первой радиограмме Пашкевич.— Дождь вроде бы поменьше, чем дома. Высота облачности двести метров. Видимость километр-полтора».

Спустя полчаса — вторая радиограмма: «Подхожу к заданному району. Видимость стала немного лучше, дождь перестает».

Эта радиограмма нас немного успокаивает. Если дождь перестанет, воздушные разведчики получат более широкий обзор.

Я представляю, как одно появление краснозвездной машины обрадует наших на плацдарме. Им приятно будет сознавать, что они не одиноки.

«На плацдарме спокойно, наши окапываются»,— передают воздушные разведчики. А через несколько минут— как удар грома: «По направлению к плацдарму движется колонна танков. Насчитал двенадцать. С ними два бронетранспортера с зенитными установками». Пашкевич не скрывает своей тревоги. «Немедленно принимайте меры!»— звучит у него между слов.

В эфир выходит «Редут» — передатчик штаба воздушной армии. Вместе с нами там тоже слушают воздушных разведчиков. По голосу узнаю своего командующего генерала В. А. Судеца.

— Зубами уцепитесь за эти танки,— приказывает он старшему лейтенанту Подкопалову.— Ни в коем случае не потерять их из виду. Поняли? И близко не лезьте, как бы не подшибли вас зенитчики.

Как обычно, ответственные и серьезные задания генерал В. А. Судец берет под свой контроль. Кодировать радиogramмы было некогда, связь шла в открытую. Тут же, не отходя от рации, он прика-

зывает выслать к воздушным разведчикам две группы самолетов — штурмовиков и бомбардировщиков. Мы отправляем шесть машин. Полковник Никифоров назначает лучших мастеров бомбоштурмовых ударов по малым целям. Попасть в движущийся танк с воздуха чрезвычайно трудно. «Все равно, что камнем в спичечную коробку хотя бы метров с десяти», — пошутил однажды штурман звена лейтенант Иван Гаврилович Шматько. Вот ему-то как раз и выпало сегодня лететь к плацдарму с ведущим старшим лейтенантом коммунистом И. В. Комаровым. С ними пошли экипажи Бориса Плеханова, Федора Бурова, Георгия Лашина, Анатолия Безлихотного, Сергея Питюкова.

С какой радостью услышали мы потом донесение старшего лейтенанта Комарова: «Задание выполнили, танки до плацдарма не дошли. Уцелевших доколачивают «горбатые».

Самолеты едва успели сесть, как майор Гуркало пришел с телеграммой командарма 5-й ударной: «Прошу объявить благодарность всем экипажам, принимавшим участие в боевом вылете на помощь удерживающим плацдарм. В. Д. Цветаев».

21 Меня вызвали в разведотдел штаба армии. По пути решаю заглянуть в редакцию газеты. Крестовский сидит в палатке за столом и что-то увлеченно пишет, бормоча себе под нос.

— Знаешь, как будет называться мой репортаж в завтрашнем номере? — вскакивает он, увидев меня. — Читай.

Я заглядываю через его плечо и вижу заглавие: «Конец «Черной кошки»!»

— Вот он, гадина. — С этими словами он выдвигает ящик своего стола, вынимает ролик фото плен-

ки и протягивает его мне. Я поворачиваюсь к окну, разматываю пленку, гляжу на свет. Снято фотокинопулеметом. В кадрах — перекрестие прицела, наложенное на дымящийся Ме-109. Самолет снят в небе под разными ракурсами.

— Чья работа? — спрашиваю я, хотя знаю заранее.

— Горбунова!

— Последние кадры гляди! — бросает мне Крестовский таким тоном, словно расправился с «Черной кошкой» не кто иной, как он сам. Эти кадры сняты с близкого расстояния, самолет на них значительно крупнее. На фюзеляже я отчетливо вижу черную кошку, изображенную художником в прыжке.

О подробностях воздушного боя мне в тот же день рассказал сам Николай Иванович. Я встретил его в штабе армии.

«Черная кошка» сгорела под Раздельной. Пытаясь остановить наших танкистов, гитлеровское командование бросило на направление главного удара большое количество авиации. Командующий группой армии «А» предпринимал отчаянные попытки спасти от разгрома 6-ю немецкую армию, увести ее остатки за Днестр.

К полудню 2 апреля погода несколько улучшилась, засинели просветы между тучами. Зная, что мы теперь не оставляем свои войска без воздушного прикрытия, противник несколько изменил тактику. Первыми над нашими боевыми порядками появились группы «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». Они были обязаны «расчистить» небо перед появлением своих бомбардировщиков и штурмовиков, сковать боем наши истребители. В разгоревшемся воздушном бою промелькнула и «Черная кошка». Товарищи немедленно дали об этом знать Горбунову.

По плановой таблице в тот день он должен был сопровождать штурмовики к железной дороге, но упросил командира полка послать его на «свободную охоту» в составе четверки истребителей. Встреча с противником произошла на подходе к Понятовке. Горбунов заметил группу Me-109, еще издали и устремился на перехват. В воздухе завертелась «карусель». У фашистов было на четыре машины больше. Вдруг «мессершмитты» шарахнулись в разные стороны, будто чего-то испугавшись, оставив в зоне боя только два самолета. Все это произошло настолько быстро и неожиданно для Горбунова, что он выпустил «Черную кошку» из виду.

«Подсадные утки!» — пронеслось у него в голове.

— Миронов, атакуй! — скомандовал он по радио ведущему второй пары. — Это подсадные утки!

А сам стремительно полез вверх, делая вид, что направился вдогонку за одним из удирающих «мессершмиттов».

Бой перемещался в сторону Раздельной. Все внимание Горбунова было сосредоточено на «подсадных утках», как мы называем подкинутые для приманки самолеты. Если он правильно разгадал замысел Вилли Кумса, то «Черная кошка» сейчас должна броситься на ведомого Миронова лейтенанта Холодова. Она уже где-то крадется к нему.

Нет, не видать. Неужели Вилли Кумс понял, что Горбунов только делает вид, что увлечен погоней?

— Вот она! — вдруг вырвалось у Горбунова.

На Холодова камнем падал Me-109, вывалившись из-за тучи. Он! Горбунов бросил свой самолет в крутое пики. Высота и скорость — верные союзники в воздушном бою. А сзади за ним неотступно, как привязанный, следует его ведомый.

Миронову надо делать сейчас только одно: гнаться за тем «мессером», которого он начал преследо-

вать. Холодову стеречь его хвост. Малейший неверный маневр, и Вилли Кумс поймет, все поймет! Он хитер, бестия! Тем паче что сегодня он может легко ускользнуть в густые облака.

Миронову и Холодову на миг показалось, что Горбунов врезался в «Черную кошку» — оба самолета исчезли вдруг в дыму и огне.

— Выпустил я очередь из пушек, — рассказывал мне Горбунов, — и так близко пронесся от «Черной кошки», что меня обдало гарью. И не поверишь — почувствовал запах паленого.

О конце «Черной кошки» узнали даже в штабе воздушной армии.

— А теперь нам предстоит выследить зверя покрупнее, да и наверняка поковарнее «Черной кошки», — начал разговор подполковник Арефьев, начальник разведотдела воздушной армии, когда мы собрались у него.

«Мы» — это начальники воздушной разведки полков и дивизий.

— Гитлеровцы привезли на наш фронт шпалоломатель, — продолжал Арефьев. — Об этом нам сообщили партизаны.

— А что это за зверь такой? — спросил кто-то.

— Машина, которую таскает на буксире бронепоезд. Командующий 3-м Украинским фронтом Малиновский назвал ее «адской машиной», — с этими словами подполковник Арефьев взял со стола размноженный с помощью фотоаппарата рисунок и раздал всем. — Полюбуйтесь, с собой возьмите. Ознакомьте с этим «зверем» все летные экипажи.

Выглядел шпалоломатель даже на вид зловеще. Еще не зная о коварном назначении этой машины, можно было отметить ее несуразность, вызванную прежде всего большим дугообразным крюком, напоминающим по своей форме лемех сохи. Художник

нарисовал шпалоломатель в работе. За машиной тянулась изуродованная железная дорога, словно под все полотно положили, не скупясь, толстые шашки и взорвали их все разом.

— Стальной клешней цепляет за собой шпалы, — объяснил подполковник Арефьев, — и они трещат под ней, ломаясь, как хворостинки, рельсы гнутся в дугу. Командующий фронтом приказал выследить «адскую машину» и немедленно уничтожить ее. Иначе мы останемся без железных дорог. На поиски шпалоломателя выделите самых опытных разведчиков. О результатах поиска прошу докладывать мне ежедневно. Подумайте и выскажите ваши соображения относительно того, как вести разведку.

Было решено искать шпалоломатель в ближних тылах противника, особенно усилить наблюдение за железными дорогами в ночные часы, а также в плохую погоду, когда гитлеровцы не ждут наших самолетов. Обстановка на 3-м Украинском фронте складывалась так, что наиболее вероятным было, что противник использует свою разрушительную машину в районе станции Раздельная.

С этого дня в радиogramмах наших воздушных разведчиков замелькало слово «таракан». Так мы окрестили шпалоломатель. У наших соседей он именовался «гусеницей». А ночные бомбардировщики нарекли его «жуком». Разведдонесения в штаб дивизии заканчивались пока на один манер: «Таракана» обнаружить не удалось», «Гусеница» не появлялась»...

Капитан Петухов в сердцах назвал однажды шпалоломатель «чертов робот». Ивана бесила бесплодность поисков. Правда, времени он даром не терял — делал ценные фотоснимки, фиксирующие движение на дорогах. А вот «чертов робот» как

сквозь землю провалился. От партизан тоже о нем пока ничего не было слышно.

Петухов — опытный боевой летчик. Трижды прилетал с задания раненый и после излечения в госпитале снова возвращался в свой полк. В Одесскую операцию он был выдвинут на должность командира эскадрильи. В душе он, конечно, понимал, насколько важно для нас найти вовремя шпалоломатель, но бесплодные поиски ему приторно надоели. Ему не терпелось опять громить врага бомбами.

Аса 3-го Украинского фронта капитана А. И. Колдунова знали вся наша воздушная армия и фронт. Один раз прилетаю к нему на аэродром. Вижу Крестовского. Колдунов рассказывает ему подробности сегодняшнего боя, в котором к двадцати до этого сбитым самолетам он прибавил еще двух.

— Сбить-то я их сбил, — заканчивает он, — но на меня в этом бою, считай, вся эскадрилья работала. А вот кто у нас здорово отличился, так это молодой летчик Шаманов. Геройский парень, я тебе скажу! Растеряйся он чуток или промедли, и не разговаривал бы сейчас с вами Саша Колдунов.

И он показал на молоденького застенчивого паренька, недавно прибывшего из военного училища.

— Я же того «фоккера» только слегка царапнул! — смущенно улыбнулся лейтенант Шаманов. — Добил-то его капитан Кильдюшев.

Кильдюшева на аэродроме в тот день не оказалось. Он сел на вынужденную у передовых позиций. Командир артиллерийского полка послал за ним свой «виллис», как только позвонили на командный пункт истребителей, и сказал, что летчик проявил большое мужество и достоин поощрения. Кильдюшев вместе с подбежавшими к нему двумя пехотинцами задумал вывести свой самолет из-под

обстрела противника и не успокоился, пока они втроем не выкатили его в безопасное место, за обратный скат высоты.

— Ну тогда о нем и буду писать, — решил Крестовский.

Приехал Кильдюшев.

— Моя заслуга в спасении самолета равна нулю. — И показал забинтованную руку. — Пехотинцы мне даже дотронуться до него не дали. А вот тему я вам подскажу.

Кильдюшев привез благодарственное письмо на имя командира полка. В нем говорилось, что 30 марта под Очаковом гитлеровцы прижали к земле артиллерийским огнем наши передовые части. Пехотинцы несли большие потери. Немецкий наблюдатель кружил на «раме» и отлично видел наши позиции, корректируя артиллерийский огонь. Командир стрелковой дивизии вызвал истребителей. Они пришли парой и после второй атаки «Фокке-Вульф-189» рухнул на землю. Но едва скрылись истребители, как немцы повесили другую «раму» и снова открыли плотный артиллерийский огонь, не давая нашим пехотинцам и танкистам продвигаться вперед. Снова вызвали истребителей. Они и этого корректировщика вогнали в землю. «Фокке-Вульф-189» упал в каких-нибудь двухстах метрах от наблюдательного пункта командира стрелковой дивизии.

— Его сбил капитан Колдунов со своим ведомым, — с хорошей завистью заключил Кильдюшев.

— Как, оба самолета? — поразился Крестовский.

— Как стали наступать, все время каждый день по паре «лупят», — с гордостью за товарищей подытожил капитан.

Крестовский засмеялся. Круг замкнулся. Поиски героя надо начинать сызнова.

Следует добавить, что Колдунов в Одесскую операцию стал майором. По ходатайству командования внеочередное звание было ему присвоено за умелые действия в руководстве эскадрильей. Летом 1944 года он был удостоен звания Героя Советского Союза.

А ведь на фронт Александр Иванович, можно сказать, попал «зайцем». Не хватало самолетов и в запасном авиационном полку, летчики засиделись, ожидая своей очереди. Недолго думая, Колдунов залез в кабину стрелка-радиста одного из «илов» и укрылся моторными чехлами. Дело было зимой, чехлы теплые, ватные. Полк снялся. «Зайца» заметили лишь в воздухе. И вот таким образом он, по его собственному выражению, «нарисовался» на фронте. Командование, разумеется, за это по головке его не погладило. Однако не отправлять же парня обратно в запасный полк? Тем более «заяц»-то оказался «орлом» — А. И. Колдунов стал дважды Героем Советского Союза.

Вернемся, однако, к поискам шпалоломателя.

Дня через три после того как мы получили приказ найти шпалоломателя прилетел к нам в полк командующий генерал-лейтенант В. А. Судец. Человек он был крутой, правда, остывал быстро, но «стружку снимал» здорово. Собрал я экипажи воздушных разведчиков, построил, докладываю: по вашему приказанию и так далее. Ждем разноса, но на этот раз командующий даже тона не повысил, но так нас «отбрил», что лучше бы накричал.

— Я далек от мысли обвинять вас, товарищи, в малом старании, — начал он, стараясь казаться спокойным. — Но ведь это же не иголка в стогу сена. И таскает эту «адскую машину» бронепоезд... По железной дороге, степью, а не глухой тайгой.

Мы виновато молчали. Генерал-лейтенант прошелся вдоль строя, вынул из летной сумки листок бумаги и протянул его мне.

— Прочтите всем, товарищ Черниевский.

Это была радиограмма, написанная на форменном бланке. Передали ее с борта самолета-разведчика полка лейтенант Николай Коротков и штурман лейтенант Михаил Симисин. В ней говорилось, что в двадцати километрах от Раздельной обнаружен участок железной дороги, приведенный в полную негодность шпалоломателем. Длина участка — около трех-четырех километров.

— Что вы на это скажете? — с трудом сдерживаясь, спросил командующий. — Чей это район наблюдения? Ваш!

Он помолчал с минуту, очевидно, борясь с раздражением, и продолжал прежним тоном:

— Знаете, что бы я с вами сделал, будь на то моя воля? Послал бы всех эту дорогу восстанавливать! Но сначала надо ее еще отвоевать.

А мы ведь не спускали глаз с железной дороги. Один экипаж сменял в воздухе другого. А с наступлением темноты мы передавали дорогу, как эстафету, ночникам.

— Даю вам два дня сроку. Найти и уничтожить! — сказал как отрубил командующий и приложил ладонь к виску. — Действуйте!

Искали шпалоломатель и фронтовые разведчики, группы которых были засланы во вражеские тылы. Они должны были связаться с партизанами и действовать сообща.

Прилетел Крестовский. Он, как всегда, был широко информирован обо всем.

— Шпалоломатель обслуживает подразделение войск СС, — сказал он нам. — Наш командующий

сегодня получил разнос от Малиновского. Считайте, что вам повезло: генерал остыл, погасив злость на воздушных разведчиках 260-го полка. А к вам он уже от них прилетел.

— Ну, а ты к нам по какому делу — любопытствовал я.

— «Свободная охота», — уклонился он от прямого ответа.

Нетрудно было догадаться, что корреспондент будет поджидать экипаж, которому посчастливится найти этот проклятый шпалоломатель. Но почему он прилетел именно в наш полк? Неужели соседи отказались от выполнения этой задачи? Не может быть. Там отличные разведчики. Один экипаж Хайнова чего стоит — летает днем и ночью и в любых метеоусловиях. Но это дело Крестовского, хотя в душе я понял, что он прилетел к нам неспроста.

Как я уже упоминал, он обладал особым чутьем предугадывать, где назревают интересные события. Хорошо бы чутье не изменило ему и на этот раз. Я с тоской думал о том, как смотреть в глаза командующему, если мы не найдем «чертов робот» в отпущенные нам два дня.

...Крестовский остался ночевать в нашей землянке. На «огонек» зашел дежурный по полку техник-лейтенант Григорий Урусов. Корреспондент был рад собеседнику. Все уже спали. Я очень устал за день, но почему-то долго не мог уснуть и невольно прислушивался к их разговору. Надо сказать, что Крестовский как человек общительный, открытый, остроумный, легко мог увлечь собеседника. Вроде бы больше всегда рассказывал, но по ходу беседы умело вставлял к месту интересующие его вопросы, так что к концу разговора все, что нужно ему, он, казалось, без труда узнавал. Его наблюдательности мы поражались, у него всегда была масса заготов-

ленного материала, чему я, теперь признаюсь, похорошему завидовал. К тому же он обладал исключительной памятью.

— Генералы Гитлера понимают, что, потеряв Одессу, они отдадут и Крым,— долетает до меня тихий голос корреспондента.— Но вот что интересно. Верят ли они сами тому, что говорят? В политотделе армии я читал приказ генерал-полковника Енеке. Можно подумать, что он написан не в 1944-м, а в 1941 году. Я выписал несколько строчек. Послушайте: «Крым на замке! В мире нет еще такой силы, которая была бы способна прорвать укрепления на Перекопе и Сиваше. Пусть немецкие и румынские солдаты спокойно отдыхают в окопах. Они здесь проживут до нашей Победы. Путь большевикам в Крым навсегда отрезан».

— Как в детской присказке: «Наша берет и нос в крови!»— засмеялся Урусов.

Они еще, наверное, долго разговаривали, но я незаметно заснул под их негромкий шепот...

Каждый день в нашем полку был заполнен напряженной боевой работой. Дивизия теперь поддерживала танкистов и кавалеристов, рвущихся к Раздельной. Танки вязли в грязи, расходуя солярку выше всяких норм. К тому же они шли тяжело нагруженными: везли два комплекта боеприпасов. Нам, бомбардировщикам, вместе с транспортной авиацией По-2 приходилось каждый день сбрасывать им горючее на парашютах. А наши авиационные тылы не успевали нам подвозить бомбы. Но, к счастью, в этом отношении нас «выручали» сами фашисты. Наступление наших войск было столь стремительным, что противник зачастую не успевал взрывать склады с бомбами. Этими трофейными бомбами мы однажды ударили по немецкому полевому аэродрому в 24 километрах севернее

Одессы. Сама погода, казалось, помогала нам заставить противника врасплох. Кто из участников освобождения Одессы не помнит день 2 апреля? Утром началась настоящая снежная буря, и только в середине дня тучи разбросало ветром, причем всего лишь на какой-то час. Этим моментом мы как раз и воспользовались. Группу бомбардировщиков вел заместитель командира полка подполковник Василий Еркин со штурманом капитаном Иваном Никоновым. 144 трофейных бомбы легли на аэродром. Забушевал огромный пожар, загорелись разбитые емкости с бензином, самолеты на стоянках. Немцы вызвали истребителей с другого аэродрома. Наши воздушные стрелки встретили их перекрестным огнем. Однако одному все же удалось подкрасться к флагману. Штурман увидел врага, когда тот был уже на расстоянии каких-нибудь пятидесяти метров. Еркин успел опередить фашиста, выпустив по нему очередь. «Мессершмитт» взорвался в воздухе. Второй самолет сбили стрелок-радист младший сержант Александр Трофимчук и стрелок младший сержант Михаил Морозов.

В этот же день 2 апреля, когда погода «прижала» наши истребители к аэродрому, к танкистам сумели прорваться «юнкерсы». Под Раздельной летчики насчитали их около полусотни. Им удалось здорово потрепать нашу мотопехоту, танкистов и артиллеристов.

Экипаж старшего лейтенанта Волокитина вылетел на «свободную охоту». Сразу после выхода на цель с ним оборвалась связь. Стрелок-радист старшина Фролов передал: «Видим колонну автомашин на дороге Одесса — Котовск. Идем в атаку». И после этого они замолчали.

Очевидно, самолет подбили зенитчики. Долгими казались минуты ожидания, Экипаж не отвечал.

И вдруг из-за горизонта показался знакомый самолет, за ним стелился темный шлейф. Это Волокитин вел самолет на свой аэродром. Языки пламени вырывались из-под капота правого мотора. Все замерли, словно чувствуя неладное.

— Что у вас, Волокитин? — схватил микрофон «батя». В ответ молчание. Самолет зашел в «штопор» и рухнул недалеко от аэродрома.

Ребята из последних сил тянули к аэродрому, словно хотели умереть у родного порога.

Похоронили мы их в одной могиле. Наш художник моторист старшина Виктор Корниенко написал на деревянной пирамидке простые имена наших боевых друзей: «Летчик старший лейтенант Волокитин, штурман лейтенант Морозов, стрелок-радист старшина Фролов, воздушный стрелок старший сержант Глузман». На сельском кладбище встал на земляном холмике погнутый при падении винт бомбардировщика, на котором ребята совершили десятки боевых вылетов. И не эти ли горькие минуты прощания вспомнил много лет спустя воздушный стрелок, бывший комсорг 260-го полка Андрей Канубриков¹, когда родились у него следующие щемящие строки:

Не сосчитать безвременных холмов,
Не перечислить братские могилы,
Где спят друзья. А то и без могил:
Одни упали факелами в море,
Других волной весенний Днепр укрыв,
А третьих там, в заоблачном просторе,
Свирепый ветер боя распылил...
Из года в год на празднике весны —
В наш День Победы — в каждомobeliske
Я вижу всех, кто не пришел с войны,

¹ В настоящее время майор в отставке А. В. Канубриков живет в Одессе.

И слышу говор их знакомый, близкий.
И я гляжу сквозь прожитые дни
Глазами их в свою живую душу
И понимаю: не простят они,
Коль я солгу, зазнаюсь или струшу¹.

Хоронить боевых друзей доводилось нам, летчикам, редко: они уходили от нас молодые, полные сил и здоровья, чтобы пасть в воздушном бою у всех на глазах или не вернуться с трудного боевого задания.

— Миша, прощай! Доживи до Победы! — выкрикнул по радио свою полупросьбу, полуприказ боевому другу Михаилу Смирнову Михаил Фелюхин в бою под Воронежем, направляя горящий самолет в гущу вражеских автомашин. Но и Смирнову не суждено было выполнить завещание тезки: он погиб на дальних подступах к Одессе.

22 Иду рано утром на командный пункт полка и где-то в глубине души тешу себя надеждой: наш ночной 449-й бомбардировочный полк уже прихлопнул «таракана». Однако никаких сообщений в оперативном отделении для меня нет, значит, разработанный вчера вечером план полетов остается в силе. На воздушную разведку первым вылетел старший лейтенант Михаил Подорванов со штурманом лейтенантом Александром Голоперовым. Вскоре ушел в воздух и старший лейтенант Комаров с лейтенантом Иваном Шматько.

Мне позвонил начальник воздушной разведки армии подполковник Арефьев.

— Наши передовые части у Раздельной, — сказал он. — Усильте наблюдение за железными доро-

¹ Однополчане. — В сб.: Три портрета. Одесса, «Маяк», 1980, с. 12.

гами. Сегодня наверняка фашисты будут их ломать. С вас головы снимут, если вы его снова провороните.

Докладываю, что два наших экипажа уже ушли к Раздельной.

— Мало! Отправьте еще два, — приказывает подполковник. — Кто у вас запланирован на следующий вылет?

— Капитан Петухов со штурманом Черным и лейтенант Плеханов со штурманом Шкапиным. Это наши лучшие разведчики.

— Поднимайте немедленно!

Отправил экипажи. Иду на радиостанцию — сегодня дежурит мой старый знакомый ефрейтор Степан Шевчук.

— Товарищ майор, командир батальона аэродромного обслуживания майор Родимкин отпускает меня в воздушные стрелки! — радостно выпаливает он одним духом. — Говорит, как только возьмем Одессу, сразу отпущу. Я уже себе замену подготовил. Новенькая к нам в роту связи пришла, Женя Троицкая. У нее абсолютный слух, между прочим, и на баяне играет шикарно. Москвичка!

— Поздравляю, Степан, — отвечаю сияющему пареньку. — Может, вместе на Бухарест полетим. Но ты пока не витай... в облаках. Понял меня? Не отвлекайся.

— Да я все наши самолеты по голосу узнаю!

Настроение у меня не такое радужное, как у Степана Шевчука.

— Приемник УС — это зверь, а не приемник, — продолжал разглагольствовать Степан. — Слышите — фонит? Кто-то передатчик включил на нашей волне.

И тут совершенно отчетливо раздается взволнованный голос Петухова:

— «Тополь», я — «Дрозд», нашел, что искал.

— Неужели «таракан»? — Иван произнес эти слова тоном человека, с которого свалилась наконец неимоверная тяжесть.

Беру микрофон, включаю передатчик. Меня так и подмывает спросить у Петухова, где «таракан», но я сдерживаюсь. Гитлеровские радисты могут перехватить наш разговор и предупредят экипаж бронепоезда.

Чем же занят шпалоломатель? Следует куда-то или рушит железную дорогу?

Передаю Петухову приказание командира полка — немедленно возвращаться домой — и звоню Арефьеву.

— Петухов нашел «таракана», товарищ подполковник! — докладываю с радостью. — Комполка приказал ему возвращаться.

— Правильно сделали, — слышу в ответ. — Сейчас доложу командующему. Ждите у телефона.

Вызываю по радио экипаж Плеханова, который кружит рядом с квадратом, в котором обнаружили шпалоломатель.

— «Таракан» в полосе наблюдения Петухова, — говорю ему. — Немедленно следуйте туда, но не вспугните. Ближе постарайтесь не подходить, следите издали.

— Вас понял, — отвечает штурман экипажа Иван Шкапин.

Взгляд мой падает на открытую дверь фургона радиостанции. В проеме маячит затылок капитана Крестовского. Он склонился над блокнотом, положив его на колено, и что-то торопливо записывает. Я даже не заметил, когда он здесь появился. Петухова с экипажем капитан сфотографировал еще вчера. Пока я докладывал подполковнику Арефьеву, он наверняка успел уже сбегать в нашу полевую

фотолабораторию. Уж для кого-кого, а для Крестовского девчата постараются, проявят сверхоперативность. Вместе с кассетой он наверняка в изысканной манере преподнес им флакон духов или коробочку конфет. Где он только достает их здесь? Хотя военторг рядом с редакцией, а там тоже девушки, и каждой хочется домой фотографию послать. Жох парень, этот Крестовский.

Забегая вперед, скажу, что Крестовский прошел фронтовыми дорогами живым и невредимым. В 1979 году я встретил его в Киеве и нашел, что он ничуть не изменился: такой же шумный, веселый, балагур. Годы как будто не коснулись его. По улице, где он живет, с ним ходить невозможно. Каждый второй поздоровается, остановится, и начнется «мимолетный» разговор. А через две-три минуты другой знакомый навстречу, и с ним тоже не только поздороваться надо, но и парой словечек перекинуться...

— Ну спроси ты наконец, что там делает наш «таракан»! — умоляюще уставился на меня корреспондент. — Мне же писать надо!

— Нельзя!

Звонит начальник штаба воздушной армии генерал-майор Корсаков. Он передает приказание командующего полковнику Никифорову — послать для уничтожения шпалоломателя Ивана Петухова.

— Раз уж он нашел этого «таракана», пускай сам и раздавит его, — закончил генерал.

Здесь надо сказать несколько добрых слов о генерале Н. М. Корсакове, на плечах которого лежала вся тяжесть подготовительной работы по организации и непосредственной увязке всех вопросов взаимодействия с наземными войсками и между видами авиации. Его деятельность сыграла положительную роль в ходе всей Одесской операции. За

умелое руководство соединениями генерал Корсаков был награжден орденом Красного Знамени.

Лейтенант Плеханов все же не стерпел, еще раз вышел на связь.

— «Тополь», я — «Дрозд-7», «таракан» работает.

Это означало, что каждая потерянная минута — десятки метров искореженного железнодорожного пути.

— Меры приняты, — ответил я ему в двух словах, потому что в это время приземлился капитан Петухов, и оружейники спешно начали подвешивать бомбы в люки его машины. Я побежал на стоянку. «Батя» уже ставил задачу перед эскадрильей Петухова. Бронепоезд взять не так просто, а потому сопровождать ее будут истребители Героя Советского Союза полковника Онуфриенко.

Подробности завершения этой операции годы стерли в моей памяти. Но недавно, собираясь писать об этом, я позвонил по телефону Ивану Григорьевичу Петухову.

— Заходи, будем вспоминать вместе, — пригласил он.

Встреча с однопольчанином всегда волнующее и радостное событие. А Петухова я не видел уже давненько. В последнее время он стал серьезно прихварывать, фронтовые ранения не прошли бесследно, да и годы берут свое: седьмой десяток уже разменял. Иван Григорьевич принадлежит к той категории людей, которые, определив свой жизненный путь еще в юности, следуют ему до конца. Закончив войну майором, он как талантливый летчик и умелый воспитатель с богатым боевым опытом был направлен в академию Генштаба. Успешно закончив ее, продолжал службу в авиации, растил смену нам, ветеранам. В последние годы был заместителем командующего ВВС Московского военного

округа, в отставку ушел в 1979 году в звании генерал-майора авиации.

— Как здоровье, товарищ генерал,— обнимаю я старого фронтового друга.

— Спасибо, плохо!— улыбается он в ответ, а в глазах грустинка. Потом прислоняет ладонь к левой стороне груди.— Видно, ресурс к концу подходит. Форсаж мотору уже не дашь, а на малых оборотах с непривычки ползать тошновато. Ведь мы привыкли всю жизнь чувствовать себя здоровыми. Отваляешься, бывало, в госпитале положенный срок — и в строй.

Иван Григорьевич усаживает меня за журнальный столик и достает папку.

— Мы шли на большой высоте и старались держаться подальше от железной дороги, но так, чтобы не выпускать ее из поля зрения. Боялись спугнуть шпалоломатель. День был хороший, видимость прекрасная. Штурманом со мной летел старший лейтенант Григорий Черный.

— Это я помню.

— Он-то первым и заметил «таракана», когда эскадрилья снизилась до трех тысяч метров. «Гляди, «таракан»!— закричал мне не своим голосом». Ты, конечно, забыл небось, сколько мы с ним проволынились.

— Такое не забывается,— отвечаю я.— Он мне даже тогда во сне снился.

— Стрелком-радистом у нас был старшина Анатолий Поспелов. Он тоже увидел шпалоломатель. Предупреждает меня: «Командир, над «тараканом» два «мессера» ходят. А я, как на грех, разглядеть его не могу, этого «чертова робота». В общем, штурман крутится как на иголках, называет мне ориентиры. Наконец увидел и я его, доложил вам по радио и пошел домой.

— Ну а дальше? — тороплю я.

— Дальше ты знаешь, повел эскадрилью. Нас сопровождала четверка Онуфриенко. А кроме нее командующий послал еще ударную группу. И в ней, мне кажется, было не меньше эскадрильи. Она должна была отогнать истребителей противника, охранявших бронепоезд и шпалоломатель. Если все же одному-двум вражеским самолетам и удалось бы к нам прорваться, их встретило бы наше непосредственное прикрытие.

— Не помнишь, кто вас прикрывал?

— Вот это забыл. А ударную группу никогда не забыть. Знаешь, кто в ней был? Амет Хан-Султан со своими парнями. Помнишь, какая слава о нем гремела в нашей армии? За таким прикрытием мы себя чувствовали как за каменной стеной. Я принимаю решение перестроиться в колонну звеньев, бомбометание производить с высоты две тысячи метров. Заходить всем вдоль железнодорожного полотна под углом 15 градусов. Надо думать, что первыми нас увидели вражеские истребители и вызвали подмогу. Видим, теперь их стало уже не четыре, а восемь. С ними и завязала бой группа Амет Хан-Султана за несколько минут до нашего появления. Когда я ложился на боевой курс, на земле уже дымилось два или три вражеских самолета. Бронепоезд пытался удрать, маневрировал скоростью, огрызнулся зенитными пушками и пулеметами. Но звено, ведомое лейтенантом Буровым, как было задумано на земле, ударило по нему и по железной дороге впереди, чтобы отрезать путь; звено старшего лейтенанта Комарова било по хвосту и по железной дороге за бронепоездом...

Тут мы оба расхохотались, вспомнив, что впопыхах, в горячке подготовки к вылету да еще на радостях, что нашли наконец шпалоломатель, забыли,

да и «бате» это не пришло в голову, что бить по железнодорожному полотну за бронепоездом совсем не обязательно: ведь шпалоломатель сам его порвал. Но мы таким образом привыкли бомбить эшелоны. А тут на раздумье нам отводились секунды.

— В общем, рельсы впереди мы разбили, и бронепоезд вынужден был остановиться,— заключил Иван Григорьевич.— А потом стали заходить на него по очереди, и он вместе с «тараканом» испустил дух.

— Это ты тогда был награжден орденом Александра Невского?

— Да. Но не только за шпалоломатель и бронепоезд, а за все боевые вылеты в Одесской операции.

— Когда у тебя был последний вылет под Одессой?

— 9 апреля. Я со своей эскадрильей бомбил вражеские суда в порту. А в ночь на 10 апреля очень хорошо поработала группа бомбардировщиков из 449-го полка, которую водил с интервалом в пять минут заместитель командира полка майор Виктор Тюшевский. В этот знаменательный для Одессы день отличился экипаж лейтенанта Евгения Мясникова со штурманом лейтенантом Николаем Визиром. Они прямым попаданием бомб зажгли вражескую баржу с боеприпасами на рейде недалеко от порта. Летчик Николай Коротков со штурманом лейтенантом Михаилом Симисиновым во время бомбометания заметили, что в порту разгружается четыре больших судна. Командир полка Малов тут же со своим штурманом капитаном Василием Чернявским, экипажи летчиков Егоркина, Клетера, Шевкунова, Козлова, Жолобова сделали по два вылета. Одно судно потопили, второе подожгли. Нам тогда

хорошо помогали подпольщики, выводили на транспорты противника.

— Еще бы! Звонит подполковник Арефьев из разведотдела армии: «К Одессе подходят транспорты фашистов». И точно перечисляет, что за корабли их конвоируют. Это подпольщики сообщили. Еще у нас тогда шутили по поводу сообщений одного радиста: хорошую работенку подбросил Композитор! А после мы узнали, что это был боец партизанского отряда Николай Чайковский.

— И представь себе, Иван Григорьевич,— перебиваю его,— недавно мне довелось совершенно случайно встретиться с Композитором. Живет в Одессе, работает инструктором общего отдела Ильичевского райисполкома.

— Ну, если тебе доведется еще раз его повидать, скажи, что наши авиаторы очень благодарны ему за ту помощь и помнят его.

Иван Григорьевич у нас председатель президиума совета ветеранов, а я у него в заместителях. Сколько лет минуло с тех пор как закончилась война, но дружба наша не остыла и, если в боях мы шли на выручку друг другу, не жалея своей жизни, то теперь не оставляем боевых друзей в житейских заботах и помогаем, где советом, где делом.

23 Утром 4 апреля танкисты вместе с кавалеристами заняли станцию Раздельная. Железнодорожные пути были забиты эшелонами с военной техникой. Это уже наша заслуга. Только восстановят гитлеровцы разрушенные станционные пути, как мы снова выводим их из строя. В последние дни налеты на Раздельную велись непрерывно, днем и ночью.

«Защитник Отечества» писал в день освобождения Раздельной: «Никогда не забудет Украина этой весны. Не забудет раската весеннего грома в небесах своих: предвестника тепла и солнца. Гром этот — победный рокот красnozвездных самолетов, громящих немецкие полчища. Впереди Одесса, товарищи воздушные войны! Впереди — виноградные поля Украины и Молдавии! Вперед, на запад!»

В каждом документе тех памятных дней нашего наступления ощущаешь особый душевный настрой, охвативший нас. Наши возвышенные чувства выливались в стихи, без которых не выходил теперь ни один «боевой листок». Одно из них до сих пор помню на память:

Герою Советского Союза Ивану Михайловичу Ерашову

Волосы прямые темно-русые,
Синие, бесстрашные глаза...
Это сын родной твой, Белоруссия,
Наша слава, радость и краса.
Мстя за Витебск и за Минск разрушенный.
Мстя за Оршу, Гомель, Могилев,
На своем грохочущем «ильюшине»
Он, как вихрь, несется на врагов.

Пусть стихи были несовершенны, авторы писали их от всего сердца. И стихи всем нравились.

Авиационные механики и мотористы, оружейники, мастера по электроспецоборудованию, прибористы, словом, все, кто обеспечивал работу авиационных полков, не скрывали своей зависти, встречая экипажи с боевых заданий. Но это была светлая зависть. Их чувства хорошо выразил в своем послевоенном стихотворении А. В. Канубриков:

Летчикам завидую без боли,
Как сынам завидует отец.
В зоревом заоблачном раздолье
Слышу я биенье их сердец.

Часто бывало так: экипаж отличился, идет с задания, а на командном пункте уже знают, что он сделал, и полковые художники, члены редколлегии стенной газеты уже подготовили красочный транспарант и установили его на старте (эти транспаранты у нас так и звались «стартовками»). Садится экипаж и видит:

«Бить врага так, как бьет его Владимир Ванькович!» или:

«Привет вам, наши герои — командир звена старший лейтенант Иван Васильевич Комаров, штурман звена лейтенант Иван Шматько, стрелок-радист младший сержант Александр Ефимович Трофимчук, воздушный стрелок младший сержант Михаил Морозов. Мы гордимся вами!», или:

«Слава воздушному стрелку старшине Карпу Ивановичу Косенко!».

О появлении последнего транспаранта следует рассказать подробнее. Карп Косенко был здоровенный парень с открытым простодушным крестьянским лицом. Он чем-то напоминал былинного богатыря Микулу Селяниновича. До войны Карп работал в шахте, в Харцызске.

Рассказывали, что когда он еще был в запасном авиационном полку, однажды их выстроили на плацу. Старшина приказал развязать всем свои вещмешки и содержимое разложить перед собой. В походе, говорят, и иголка тяжела. Зачем таскать то, что никогда не понадобится.

Подходит очередь Карпа. За его рост товарищи прозвали его Полтора Карпа. Среди немудреных солдатских пожитков видит старшина футбольную камеру, крышку и легкие тапочки-шиповки, в каких бегают по гаревым дорожкам легкоатлеты стадионов.

— Ты куда собрался?

— На фронт,— отвечает Карп.

Старшина пытливо посмотрел на него, выразительно повертел пальцем у виска.

— А ты случайно не того?

— Никак нет, товарищ старшина!

Прибыл Карп Иванович в полк. И повторилась примерно та же ситуация. Когда новичок попросил у Маркина разрешения организовать футбольную команду, тот посмотрел на него примерно так же, как тыловой старшина.

— Мы же воюем, товарищ старшина.

— Ну и что? На все свое время...

Подошел как раз «батя». А он сам был перво-классный спортсмен, лыжник.

— Футболист, значит?— спрашивает у Косенко.

— Играл за сборную Харцызска.

— Молодец!

И вот на краю аэродрома появились сколоченные на скорую руку футбольные ворота. В первом матче встретились команды стрелков-радиостов и воздушных стрелков. Первых вывел на поле старшина Арбузенко, вторых — Карп Косенко. С первых же минут игра приняла не меньшую остроту, чем на ответственнейшем матче знаменитых команд. Услышав необычайные крики и свист, сбегались, теряясь в догадках, связистки аэродромного обслуживания, медицинские сестры из санчасти, врачи, работники столовой. Хохот, веселое возбуждение, шутки, возгласы болельщиков...

— Вот это разрядка!— говорит довольный замполит.— Великолепная разрядка после нервного напряжения.

Карп Косенко, конечно, выделялся среди футболистов своей техникой, неумным темпераментом и выносливостью. Три мяча забил он в ворота соперников.

— Ну парень, если ты так же в фашистские самолеты будешь попадать, тебе цены нет!— с восхищением сказал заместитель командира полка майор Еркин.

— Буду!— не смутившись, заверил его с самым серьезным видом Карп.

Свое умение владеть пулеметом Карп продемонстрировал в первых же боях.

В тот день, когда появилось приветствие Карпу, в воздушном бою с «фокке-вульфами» под Очаковом пулеметной очередью разнесло фонарь кабины стрелка-радиста. Сам он был тяжело ранен, вышел из строя его пулемет. Тогда Карп снял с кронштейна свой, установленный в хвосте самолета, вынул с ним из кабины, держа его в руках как автомат. Надо было обладать поистине богатырской силой, чтобы удержать в руках турельный универсальный пулемет системы Березина, который по весу был тяжелее противотанкового ружья. И не только держать, а орудовать им, противоборствуя сильному воздушному потоку.

Видя, что воздушные стрелки не отвечают на его огонь, фашистский летчик решил: убиты, и смело полез к хвосту поближе, чтобы ударить по бомбардировщику наверняка. Карп Косенко в это время пристраивался в турели. И только блеснул огонь в носу «фокке-вульфа», как заговорил и пулемет Карпа. Первые же пули нашли врага. Истребитель кувыркнулся в воздухе и камнем пошел к земле.

Затем Карп сел за радиостанцию, вызвал в микрофон свою станцию и сообщил, что стрелок-радист тяжело ранен. На старте самолет поджидали врачи. Когда раненому оказали первую помощь, Еркин представил врачам Карпа Косенко.

— Вот наш герой! Сегодня третьего немецкого истребителя сбил.

Врач хотел пожать Карпу руку, протянув свою, а тот стоял, сжав кулаки и неловко переступая с ноги на ногу.

— Мне бы немного перевязаться...

— Так что же ты молчишь! — ахнул врач.

Вся кожа на ладонях и пальцах у Карпа была содрана.

На аэродроме в Кремидовке провел наш любимец Карпуша свой последний в жизни футбольный матч. Получилось так, что в тот день, о котором идет речь, бомбардировщику пришлось убежать от насевших на него «мессершмиттов», прятаться в кучевых облаках. Бомбы были уже сброшены, облегчившись, самолет забрался на 8000 метров. Там мороз минус пятьдесят. А Карп Косенко в сапогах на одну летнюю портянку. Вот и прилетел на аэродром с отмороженными ногами.

Врачи оттерли их спиртом и гусиным жиром, но боль в ступнях не проходила. Карп Иванович не бежал, а семенил тяжелой рысцой последним, если вылет производился по тревоге. Стал прихрамывать на левую ногу. Однажды вечером когда он, отстав, возвращался с аэродрома, «батя» подошел к нему.

— Слушай, Карп, я же вижу, как тебе тяжело, — душевно назвав его по имени, сказал он. — Давай я на время переведу тебя в оружейники. А как ноги подживут, снова будешь летать.

Старшина с минуту молчал, глядя себе под ноги. Потом повернулся к командиру полка, вздохнул. На добродушном, чуть рябоватом лице его была такая мука, что полковник Никифоров пожалел, что затеял этот разговор.

— Не могу я не летать, «батя», — хрипло выдавил Карп. — У меня совсем ноги отсохнут, если спите. Вот только для футбола я теперь не гожусь...

И он летал всю войну. А вот жизнь доживать при-

шлось на протезах. По ходатайству совета ветеранов нашего полка горисполком Харцызска подарил ему «Москвич», общественность окружила ветерана войны, инвалида первой группы вниманием и заботой, часто приезжали однополчане. Наводились к нему генерал-майор авиации И. Г. Петухов и другие наши ветераны. Не так давно мы проводили нашего боевого друга в последний путь.

24 Вечером 6 апреля мне приказано было вылететь в штаб 8-й гвардейской и на месте решить с начальником разведотдела полковником Гладким, чем могут помочь воздушные разведчики наземной разведке. Армия подошла к Хаджибейскому лиману. Передовые части стали на участке Белка—Старая Вандалиевка. Здесь была последняя водная преграда, за которую гитлеровцы могли цепляться.

Вез меня в тот день опять на своем повидавшем виды стареньком По-2 лейтенант Михаил Шамшурин. Летели мы очень низко над дорогами и полями, усыпанными брошенной фашистами военной техникой. По обочинам дорог растянулись вереницы пленных, уступая место густо идущему транспорту.

...Полковник Гладкий встретил меня на пороге отведенной ему деревенской хаты. Поздоровавшись, повел к висевшей на стене большой карте.

— Командарм поставил перед нами задачу: оперативно разведать силы противника и его оборону за лиманом. Наши разведчики сегодня прощупают ночью противоположный берег вот здесь, — полковник показал мне выбранный участок камышинкой, заменявшей указку. — Вы должны помочь нам заглянуть в глубину обороны противника и засечь

огневые точки на берегу. В темноте и спешке мы что-нибудь проглядим.

Вместе разрабатываем маршруты, которыми ранним утром пройдут воздушные разведчики, наметим ориентиры для них по карте и на местности с наблюдательного пункта. Фотоснимки мы должны немедленно доставить на По-2 в штаб армии. Я возвращаюсь на свой аэродром уже поздно вечером, но все равно собираю экипажи. Дело срочное.

— Гвардейцев мы никогда не подводили, будут довольны они и на этот раз, — заверяет штурман Александр Иванович Фетисов.

Много лет спустя я с удовлетворением прочитал в «Военно-историческом журнале» статью генерал-полковника Белявского «На Одесском направлении». В ней, в частности, сказано: «Надо особо отметить, что армейская и дивизионная разведка успешно выполнили стоящую перед ними трудную задачу. Было установлено, что оборона врага здесь слабая, а силы незначительны. Эти данные, подкрепленные воздушной разведкой, легли в основу решения командующего на форсирование водной преграды с ходу. Первыми лиман преодолели передовые отряды дивизий на местных и табельных переправочных средствах. За ними — главные силы. Гитлеровцы так и не успели создать оборону на правом берегу. Мы одержали важную победу: путь на Одессу был открыт»¹.

Белявский в то время был заместителем начальника штаба 8-й гвардейской армии.

Экипажам, участвовавшим в разведке, — Николай Луценко со штурманом Николаем Сироткиным и Константином Подкопалова со штурманом Э. Паш-

¹ Белявский В. На Одесском направлении. — Военно-исторический журнал, 1974, № 4, с. 56—62.

кевичем, оперативно сфотографировавшим оборону противника на правом берегу Хаджибейского лимана, — В. И. Чуйков объявил благодарность. Полковник Гладкий мне потом говорил: «Когда я в 7 часов с небольшим принес ему снимки и ваше разведдонесение, Василий Иванович был приятно удивлен».

— Уже готово? — взял он у меня пакет. — Ну молодцы летчики, ничего не скажешь.

Враг злобно огрызался, но терпел поражение за поражением. Наши войска неудержимо двигались вперед. Авиация действовала на всю глубину обороны гитлеровцев, вела широкую воздушную разведку. Бомбардировщики и штурмовики парализовали работу железнодорожных станций, держали под постоянным контролем шоссе и грунтовые дороги, громили переправы, отрезая врагу пути отступления. Но хотя мы теперь безраздельно господствовали в воздухе, враг был еще силен, вышколенные пилоты люфтваффе дрались с ожесточением, в отчаянии порой бросались в такие атаки, из которых можно было выйти, только свернув себе шею. Теряли и мы своих боевых друзей — возвращались израненные, на горящих подбитых машинах, привозили в кабинах еще неостывшие тела штурманов, стрелков-радистов и воздушных стрелков.

Громадный моральный заряд давали нам письма, которые мы получали из разных уголков страны. Политотдел дивизии рассылал их по полкам, деля поровну. Адрес на многих был такой: «Действующая армия. Самому храброму летчику, который сражается за Одессу», «Воздушным бойцам, освободившим Николаев», «Отважному герою, сбившему первый фашистский самолет над Одессой» и так далее.

Однажды командир 449-го полка подполковник И. И. Малов, закончив беседу о предстоящем боевом задании, вынул из летной сумки два письма.

— Вот здесь на конвертах написано: «Самому смелому и умелому», «Пилоту, который точно сбросил бомбы на врага», — сказал он и на секунду задумался. — Кто у нас самый смелый и умелый? Я пока затрудняюсь сказать. Бомбы вы тоже умеете бросать все хорошо. Ну, может быть, один немного лучше, другой похуже. Короче говоря, я в затруднительном положении: кому вручить письма? Давайте не будем мудрствовать лукаво, как говорится, а условимся так: возьмем конкретно один сегодняшний день. Эти письма я вручу после полетов. Договорились?

— Договорились! — дружно раздалось в ответ.

Передо мной газета «Защитник Отечества» № 271. В одной из ее корреспонденций как раз и говорится о том, кто заслужил почетное право на эти письма.

«Бесстрашно действовала четверка бомбардировщиков, которую повел на задание капитан Мясников (экипаж Мясникова: штурман О. Бердник, воздушные стрелки Ф. Гурьев и С. Семькин. — Прим. мой. — В. Ч.). Когда наступили вечерние сумерки, она подходила к железнодорожному узлу Кайнари, на котором, по данным воздушной разведки, стояло восемь эшелонов врага. Зенитная батарея противника открыла заградительный огонь. Но бомбардировщики уже на боевом курсе. Мгновение — и серия бомб сброшена. Железнодорожный узел окутался густым черным дымом, сквозь который вверх пробивались языки пламени. Вдруг самолет ведущего сильно тряхнуло, вспыхнул левый двигатель. Машина стала резко снижаться, не повинаясь летчику. Ранен штурман. Нечеловеческим уси-

лием командир вывел самолет в горизонтальный полет и сбил пламя. Мясников повел самолет домой на одном двигателе. Так он летел более часа, пока колеса не коснулись посадочной полосы. Доблесть, помноженная на мастерство и бесстрашие, позволила Евгению Мясникову и его товарищам успешно выполнить боевое задание. Это был его двухсотый вылет. Командир части, его заместители, секретарь партбюро поздравили Мясникова и вручили два письма: одно от колхозников Орловской области, другое — из Пензы».

— А вот это вам, Черниевский, — протянул мне письмо заместитель командира полка по политчасти подполковник Маркин.

— Мне?

— Ну не лично тебе, а вашим разведчикам. Кто у вас сегодня в Одессу летит?

— Экипаж старшего лейтенанта Подорванова со штурманом Протасовым.

— Вот они пускай и ответят на это письмо. Перед вылетом прочтите его всем экипажам.

Писали пятеро геологов, бывших одесситов, из Иркутской геологической партии, которая занималась поисками полезных ископаемых. Война застала их в «поле», как называют геологи свои выезды в районы поисковых работ. «Вы уже видели с воздуха нашу милую Одессу, — писали они. — Как она сейчас выглядит, сильно ли разрушена? Мы надемся, что пока наше письмо дойдет до фронта, город уже будет наш, и вы сможете побывать в нем...»

В ночь на 5 апреля лейтенант Николай Коротков и штурман лейтенант Михаил Симисинов засекли на станции Абаклея шесть железнодорожных эшелонов. Рано утром на них повели свои бомбардировщики командир эскадрильи 260-го полка капитан Б. Лебедев и штурман капитан Дмитрий

Федорец. Следом вылетел со своей эскадрильей заместитель командира полка майор Василий Еркин со штурманом капитаном Павлом Головенковым. Обе группы пошли в сопровождении истребителей — теперь без прикрытия не летали. Только в разведку и на «свободную охоту» ходили одни. Над целью уже работали «метлы», или «чистильщики воздуха», так называли истребители, в задачу которых входило отогнать вражеских истребителей, а если это не удастся, сковать их боем.

Подлетая к станции, Лебедев дал команду своим ведомым перестроиться «змейкой», идти по звеньям с боковым смещением. Это дает возможность сбросить бомбы перекрестно. «Чистильщики» поработали хорошо, но пара ФВ-190 все же сумела вывернуться из-под «метлы». Непосредственное прикрытие тоже вело бой. Прорвавшиеся вражеские истребители бросились к замыкающему звену. Стрелки встретили их метким огнем, а вскоре подоспели наши «яки», которые обратили врагов в бегство. Один сбитый «фокке-вульф» упал недалеко от станции.

«Нас ждет Одесса!» — напоминал нам каждое утро большой красочный транспарант, висевший у командного пункта. Выполнил его любовно и с большой фантазией наш полковой художник моторист В. Г. Корниенко (сейчас он член Союза художников).

В одной из листовок политотдела говорилось: «Орудийные раскаты возвестили одесситам, что час освобождения близок. Стонущие, изнывающие под фашистским игом советские граждане ждут, когда на улицах их родного города пройдут наши танки, промчатся лихие кавалеристы, могучей поступью пройдут героические пехотинцы, неся на своих знаменах и штыках счастье освобождения...»

С какой жадностью мы читали сводки. Только за семь дней пехотинцы прошли с боями свыше ста километров и освободили более двадцати населенных пунктов. Среди них районные центры Одесской области Красные Окна, Валегопулово, Жовтень...

В те горячие дни боев за Одессу появилось у нас в «боевом листке» чье-то стихотворение о боевом Красном знамени. К сожалению, в памяти моей осталась только одна строфа:

Нам трудно бывало, нам тяжело бывало
В боях и походах под вражьем огнем,
Но нас поднимало и нас вдохновляло
Красное знамя и Ленин на нем.

Этот «боевой листок» был выпущен вот по какому поводу.

Воздушные разведчики лейтенанты Николай Лопин и Виктор Луговой радиовали: «В районе станции Абаклея в 6 часов 45 минут обнаружено два эшелона с войсками и техникой, на путях стоят два состава с цистернами, один из которых только прибыл. В пяти километрах севернее замечена большая колонна автомашин, направляющихся к фронту, очевидно, с боеприпасами».

Командующий воздушной армией приказал поднять всю 244-ю дивизию. Вести ее приказали нашему командиру полка. Для прикрытия нам выделили 24 истребителя. Почти целый полк Героя Советского Союза Онуфриенко.

— Сегодня на рассвете наши передовые части начали штурм Абаклея, — обратился к выстроившимся экипажам полковник Никифоров. — Наша помощь с воздуха будет не только помощью собрата по оружию, она явится также большой моральной поддержкой для тех, кто сейчас ведет кровопролитный бой с гитлеровцами на ближних подступах к станции. Мы нанесем удар на глазах сотен

пехотинцев, не забудьте, что они сражались за Сталинград. Поэтому каждая наша бомба должна лечь точно в цель, чего бы нам это не стоило. Верю, что никакая сила не заставит вас свернуть с боевого курса. Спокойствие и верный расчет!

«Батя» повернулся к стоявшему рядом с ним начальнику штаба подполковнику Павлову.

— Боевое знамя вынести на старт! Взлет произведем при развернутом знамени.

И вот оно плывет от командного пункта полка к взлетно-посадочной полосе, развеваясь на легком весеннем ветру, наше боевое полковое Красное знамя. Несет его знаменосец молодой летчик лейтенант Борис Свердловский. Справа и слева от него идут, печатающая шаг, ассистенты: инженер по авиавооружению эскадрильи старший техник-лейтенант Николай Закрасняный и техник звена Михаил Дубинин. Знаменный взвод возглавляет техник-лейтенант Георгий Худяков. В напряженной тишине звучит гулкая дробь барабанщика, выбивающего походный марш. Мы выстроились у своих боевых машин. Летчики, штурманы, стрелки-радиоты, воздушные стрелки, инженеры, техники, механики, мотористы, оружейники, прибористы.

Раздается торжественная команда полковника Никифорова:

— Полк, смир-р-но! Для встречи слева слышай... на знамя равняйся!

Мы замерли, равняясь на наше боевое знамя.

— По самолетам! — разносится привычная команда полковника Никифорова. Сегодня она звучит особенно торжественно и радостно. Мы наступаем. Мы гоним врага. Теперь уже недалек тот долгожданный день, когда наши войска выйдут к государственной границе и здесь, на юге нашей Украины.

Экипажи занимают свои места. В небо взвилась зеленая ракета. Этот сигнал означает запускать моторы. Могучий многоголосый гул заполняет все вокруг. Звено за звеном выруливает на старт. Первая эскадрилья, вторая, третья. А впереди несут торжественно и гордо наше боевое Красное знамя.

Сейчас пойдем на взлет.

— Дорогие товарищи, друзья! — звучит у всех в шлемофонах голос командира полка. — Под Красным знаменем родилась наша Советская власть. Под ним боролось и сражалось не одно поколение за счастье человечества, за новую жизнь на земле. Будем же достойны героев революции и гражданской войны, отстоявших нашу Советскую власть. Будем достойны героев Великой Отечественной войны. В бой за нашу Советскую Родину!

Первой уходит в небо флагманская машина командира полка со звездочкой вместо хвостового номера.

Вся группа принимает боевой порядок: колонна девяток в клину звеньев. На маршруте к нам пристраиваются два других полка нашей дивизии, потом нас догоняют в условленном месте 24 истребителя сопровождения.

Плывут по залитой солнцем степи тени боевых машин. Внушительная картина! Поглядеть бы сейчас с земли... Около ста могучих скоростных бомбардировщиков. «Почешутся сегодня гитлеровцы от такого подзатыльника!» — звучит у меня в ушах голос одессита летчика старшего лейтенанта Василия Григорьева.

День обещает быть погожим. На небе — ни облачка. Видимость — миллион на миллион, как говорят пилоты.

Время в полете летит незаметно. Вот уже позиции наших артиллеристов. Стоят у своих далеко-

бойных орудий, машут нам пилотками. Приветствует воздушных соколов и пехота, расположившаяся в отбитых у врага только вчера вечером окопах. Сигналом для решающей атаки будет наш массированный бомбардировочный удар по железнодорожной станции.

«Батя» дает команду всем перестроиться в боевую «змейку». Так удобнее будет каждому звену маневрировать над целью.

— Хорошее жало сегодня у нашей змейки! — уточняет последние расчеты на бомбометание штурман старший лейтенант Щипанов.

Северная окраина Абаклеи. Ни одного самолета врага над станцией. Туго, значит, у немцев дела с авиацией, если столько эшелонов они оставили без воздушного прикрытия.

Зенитки ведут огонь, но и он явно жидковат. Я вижу это по серым шапкам разрывов. Никто не мешает нам действовать по заранее выработанному плану. Для того, чтобы вернее поразить цель, каждая эскадрилья самостоятельно производит наводку, что одновременно является и противозенитным маневром, который делается в группах по вертикали и внутри групп по горизонтали.

Под нами на железнодорожных путях — дым ко-
ромыслом.

Ведущий группы полковник Никифоров и ведущие звеньев капитаны Василий Рогинец и Николай Луценко бомбят головы эшелонов с паровозами.

— Возникло семь пожаров! Объято пламенем два эшелона! Взорван и горит один паровоз, — докладывает флагманский стрелок-радист старшина Арбузенко.

Это дело рук бомбардировочных ударов штурмана полка майора Головенкова, штурманов звеньев лейтенантов Рывлина и Кривоноса.

Майор Еркин и старшие лейтенанты Цехмистров и Галкин сбросили бомбы на цистерны.

— Горит склад ГСМ, — с удовлетворением констатирует начальник связи эскадрильи младший лейтенант Захожий.

Это потрудились штурманы старший лейтенант Сироткин и лейтенанты Волошановский и Щипанов. Молодцы ребята, оставили гитлеровских танкистов без горючки, придется им теперь пешком драпать. Капитан Ильин и лейтенанты Буров и Лесничий нанесли удар по стационарным зданиям, водоканчке и депо.

— Вижу три взрыва большой силы, высотой до 200 метров. Стационарные здания окутаны густым черным дымом. В районе депо возникло несколько очагов пожара, — доложил стрелок-радист Ашихмин.

Станцию и депо бомбили штурман эскадрильи капитан Никонов и штурманы звеньев лейтенанты Осипов и Протасов. Я отчетливо вижу номера на их машинах. Никакой сутолоки: каждая эскадрилья обрабатывает отведенную ей площадь.

— Как наши самолеты? — спрашиваю у стрелка-радиста старшины Пашковского.

— Вроде бы пока никого не задело, командир, — слышу в ответ.

Подполковник Забелин передал:

— Вижу большое огненное облако высотой триста-четыре метра, видимо, взорван склад с боеприпасами на южной окраине станции.

— Все еще рвутся железнодорожные цистерны, — докладывает капитан Петухов.

— Под нами тоже везде пожары, — подхватывает командир 449-го полка подполковник Малов. Я насчитал восемнадцать очагов.

Благополучно возвращаемся домой, садимся. На старте развевается наше боевое Красное знамя.

25 Каждый день три вылета. Приведу выдержки из журнала боевых действий: «Экипаж летчика лейтенанта Журавлева обнаружил автоколонну до 60 автомашин и прицельно сбросил на нее все бомбы, а затем дважды обстрелял из пулеметов и пушек...». «Командир эскадрильи капитан Александр Золотарев и штурман старший лейтенант Николай Непомнящий настигли на марше воинскую часть противника. Они зашли в голову колонны и с высоты 600 м нанесли точный удар. Стрелок-радист старшина Георгий Шереметьев и воздушный стрелок сержант Михаил Ломакин расстреливали разбегавшихся в панике фашистов».

Враг выдыхался. Он нес тяжелые, невосполнимые потери в летчиках, все сильнее стал у него ощущаться недостаток и в боевой технике.

На аэродромах теперь сиротливо ютились жалкие остатки разбитых на земле и в воздухе некогда грозных немецких эскадр. Воздушный разведчик штурман старший лейтенант Сироткин сфотографировал на аэродроме Лиманное четыре Ю-88, капитан Лебедев доложил, что в Тарутино он насчитал тринадцать ФВ-190, капитан Луценко привез снимок аэродрома Тузлы, на котором зафиксировал всего лишь четыре Ю-87. Лейтенант Волошановский заснял на аэродроме Сарата восемь ФВ-190, лейтенант Протасов — на аэродроме Галаци четырнадцать Ме-109. Летчик Григорьев на аэродроме Карпово насчитал семь Ме-109, и только Петухову «повезло» — на аэродроме в Тирасполе они обнаружили двадцать два Ю-88.

Потеря гитлеровцами господства в воздухе, отступление по всему фронту сказывались на моральном состоянии летного состава врага. Теперь командование люфтваффе вынуждено было в спешном порядке бросать в бой недоучек, форсируя выпуск

курсантов в летных школах. Мы все чаще стали получать сообщения от наших радиоперехватчиков, которые не могли нас не радовать.

«6 апреля 1944 года. Ведущий группы вражеских бомбардировщиков разговаривает по радио со своим штабом. На чем свет стоит, клянет истребителей сопровождения: «С кем вы меня послали? Эти ублюдки боятся подойти к русским. «Иваны» делают с нами, что хотят. О, мой бог!»

Радиограмма ведущего группы Ю-87: «Прорваться к аэродрому русских выше моих сил. Потерял три машины на подходе, сбиты зенитным огнем. Над аэродромом патрулируют истребители. Вынужден сбросить бомбы на передовые позиции неприятеля». Перехват разговора истребителей: «Нас встретили истребители красных. Их вдвое больше. Если хотите видеть нас живыми, немедленно высылайте нам помощь!»

Вот радиодонесение вражеского воздушного разведчика: «У красных на аэродроме, по крайней мере, вдвое больше машин. Два истребителя патрулируют в воздухе. Блокировать аэродром такими силами, как запланировано, не удастся. Подойти незаметно вы не сможете, а в воздухе они вас разобьют: 1,5 к одному».

Все чаще и чаще в наших сводках применяется термин «авиационное преследование». Самолетам легче и проще догнать удирающего врага. Разумеется, это только в том случае, если они, хозяева неба, имеют безраздельное господство в воздухе. Передовые наземные части все время натываются на вражеские арьергарды и всевозможные естественные преграды, а у нас только одна преграда: авиация противника и зенитки.

К концу 7 апреля под Раздельной была закончена ликвидация крупной вражеской группировки,

пробивавшейся на запад. Большую помощь войскам 37-й армии 6 и 7 апреля оказали штурмовики. Отличились и наши бомбардировщики. На деморализованные колонны гитлеровцев налетали «илы» и буквально за несколько минут рассеивали их и уничтожали. От техники врага оставались на дорогах лишь дымящиеся обломки металла, остовы сгоревших машин. За дни наступления один только наш бомбардировочный полк сбросил на головы гитлеровцев полторы тысячи тонн бомб.

26 Вернулся из разведывательного полета в Одессу экипаж заместителя командира полка Михаила Пыркова (с ним летал штурман звена Николай Протасов, стрелок-радист Владимир Ванькович, воздушный стрелок Иван Подлесняк). Ванькович с Подлесняком здесь дома — один родился и вырос в Одессе, другой в селе Баштанков Кодымского района Одесской области.

Все знают, что разведчики ходили в Одессу, а кто лучше Мишки-одессита расскажет о том, что он видел в городе? По поводу своего второго имени Владимир как-то пошутил: «О том, что я не Мишка, слава богу, хоть командиры напоминают иногда, когда стружку снимают».

Едва Владимир Ванькович вылез из кабины, как его окружили товарищи. Сегодня утром замполит прочитал обращение Военного совета фронта, в котором говорилось, что все лучшие здания, заводы, портовые сооружения в Одессе заминированы. «Чем скорее мы выбьем фашистов из города, тем меньше зла принесут они советским людям», — говорилось в этом обращении.

Вопросы на Владимира Ваньковича сыпались со всех сторон.

— Как Одесса, Мишка? Высоко вы шли? Ты разглядел что-нибудь?

Последний вопрос бросил Мишке стрелок-радист старшина Михаил Антипов, бывший юнга из Кронштадта.

— Он еще спрашивает! — презрительно фыркнул Ванькович и передразнил дружка, скривившись: — «Разглядел!» Да я каждую улицу прощупал глазами из конца в конец! Я прошагал в мыслях по всем бульварам!

И начинается живой красочный разговор о том, какой предстала перед Мишкой Одесса. Как обычно, он слегка присочиняет, но на это никто не обращает внимания. Какое это имеет значение, видел или не видел Мишка улыбки на лицах своих земляков с высоты шесть тысяч метров? Факт тот, что люди не могли не улыбаться, видя над городом красноезвездный самолет.

— Оперный театр цел и невредим, — сыпал упоенно Владимир Ванькович. — Художественный музей тоже стоит...

— Только выстоят ли? — вырвался тяжелый вздох у Антипова. — Вон в «Защитнике Отечества» пишут, что фашисты хотят разрушить всю Одессу...

— Не дадим! — горячо воскликнул Мишка. — Пехота у них на загорбке висит!

Судьба города волнует каждого. До самого отбоя в землянке только и разговоров, что об Одессе... Слово «землянка» у многих вызывает представление о маленьком жилище под землей. Наши землянки не такие. Мы делали их длинными, похожими на блиндажи пехотинцев, только, разумеется, пошире. В такой землянке помещалась вся эскадрилья. Вечером это подземное сооружение многогудело, пока все солдаты и сержанты раздевались и готовились ко сну. Потом был слышен голос

только одного Ваньковича. Никто у нас в полку не расскажет так «за Одессу», как Мишка-одессит. Он хорошо знает историю своего родного города, знает в нем каждую улочку, каждый чем-либо примечательный дом. Но мало знать, надо уметь красочно передать это другим. А вот в этом самом в полку у нас не было равных Владимиру Ваньковичу. На бумаге передать его рассказ невозможно. Да и на магнитной пленке многое бы потерялось. Ваньковича надо было видеть. Каждая фраза его дополнялась мимикой, жестом, междометиями и, где надо, обязательно проскальзывал одесский говорок. Но без нажима, без пересола об Одессе Мишка-одессит мог рассказывать часами, и мы не уставали его слушать.

Замполит подполковник Маркин решил провести беседу об Одессе. Все одесситы приняли в ней участие. Владимир Ванькович вызвался рассказать о своих знаменитых земляках-поэтах и писателях. В тот вечер он был в ударе. Читал по памяти стихи Багрицкого, пересказывал целые страницы книг Паустовского и Олеши, вспоминал, как снимался фильм «Белеет парус одинокий», отдал должное Остапу Бендеру и героям Куприна, не забыл упомянуть, что сам Самуил Маршак похвалил Мишку, когда он в Доме пионеров читал «Муху-цокотуху»...

Однажды в дни затишья на фронте Ванькович вместе с комсоргом полка Сергеем Бредихиным, тоже одесситом, с блеском поставил «Свадьбу в Малиновке». Попандопуло, конечно, играл Мишка. Кто только у нас на этом спектакле не побывал! Приходили местные жители, приезжали из других полков, от души смеялись и генерал Судец, и его заместитель генерал Златоцветов. В конце спектакля артистам устраивали настоящую овадию.

Мишка всегда шутил: и в горькие минуты, пряча за шуткой острую боль, и в санитарной части, когда его выносили из операционной.

— Еще один испекся! — радостно закричал он в воздухе под Раздельной, когда после его пулеметной очереди загорелся вражеский истребитель. — Вот освободим Одессу, и мне будет не стыдно по Дерибасовской прошвырнуться. Верно, Ваня?

Ваня — это Иван Подлесняк, его воздушный стрелок, закадычный друг, вместе с которым он прошел всю войну. Сейчас коммунист, бывший старшина Иван Лукич Подлесняк работает директором школы в своем родном Баштанкове, а Владимир Иосифович Ванькович вернулся в Одессу, работает слесарем на станции технического обслуживания. Оба за ратные подвиги удостоены многих орденов и медалей. Недавно боевые друзья приезжали в Москву в День Победы на нашу традиционную встречу, которую мы проводим в 212-й школе. Пионерская дружина ее носит имя нашего прославленного воздушного разведчика Героя Советского Союза Г. И. Лашина. Только появился Ванькович в дверях, как у многих вырвалось радостно:

— Мишка-одессит!

И наш общий любимец, подхваченный десятками рук, вместе со своей неизменной спутницей гитарой взлетел над головами однополчан под потолок.

27 Кто из ветеранов, участников боев за освобождение Одессы, не без гордости прочел в воспоминаниях маршала В. И. Чуйкова «Гвардейцы Сталинграда идут на запад»: «Вся Одесская операция, несомненно, вошла в историю как одна из самых блестящих по отлично налаженному в ней взаимодействию крупных войсковых объединений

3-го Украинского фронта. Несколько армий действовали в одном ритме, в одном темпе, каждая на своем участке решая свою задачу».

Похвала прежде всего в адрес военачальников. Но единый «ритм и темп» обеспечили и солдаты. Солдаты всех родов войск. Пехотинцы, когда шли по колено в грязи, насквозь мокрые; артиллеристы, на руках вытягивавшие свои пушки; танкисты и конники, форсировавшие немыслимые, казалось бы, препятствия из воды и грязи, а потом с ходу штурмовавшие вражеские опорные пункты; летчики, вылетавшие на задания в очень рискованных, как боевых, так и погодных условиях... Это был поистине массовый подвиг тысяч воинов, которых вдохновляла на ратные подвиги и вела к Победе наша партия.

За время Одесской операции только в одной нашей воздушной армии стали коммунистами около трехсот пятидесяти человек — летчиков, штурманов. Каждое партийное собрание являлось настоящей школой мужества. Особенно запомнилось мне одно наше собрание, которое проходило за несколько дней до освобождения Одессы.

Парторгом полка был техник звена Ф. П. Гончаров. Вырос он в белорусском селе, в четырнадцать лет стал кормильцем семьи. Работал трактористом, бригадиром тракторной бригады, широко известной во всей Могилевской области. Потом служба в авиации, военно-техническое училище, война.

— Товарищи, мы сегодня приняли в ряды членов партии наших боевых друзей, летный экипаж: Комарова, Шматько, Трофимчука, Морозова, — сказал Федор Павлович. — Они не раз вместе смотрели смерти в лицо, знают отлично друг друга. Знаем и мы хорошо каждого из них. А потому и не сомневаемся, что наш коммунистический экипаж пока-

жет себя в грядущих боях за Родину. Мне хочется рассказать молодым коммунистам и всем, кто присутствует на нашем партийном собрании, об одном случае, который глубоко запал мне в душу еще в детстве. Его я слышал от односельчанина. Было это в ноябре 1920 года в Крыму. Взят Перекоп. Выстроили героев штурма, сам М. В. Фрунзе зачитал приказ. И там, где должен был стоять 77-й полк, — маленькая кучка бойцов, и те все израненные, в бинтах. Среди них и мой односельчанин, который рассказывал мне об этом. Вот что говорилось в приказе: «Рабоче-крестьянская Россия может гордиться такими своими защитниками. Пока в Красной Армии будут такие героические полки, как 77-й, легший костями на поле брани, но ни пяди не уступивший врагу, она будет непобедима». А 77-й полк, надо сказать, состоял только из коммунистов и комсомольцев.

— В нашей воздушной армии стало традицией, — продолжал он: — молодые коммунисты отмечают знаменательное событие в своей жизни новыми боевыми подвигами.

Потом выступил заместитель командира полка майор М. М. Пырков. Он рассказал о подвиге коммуниста Константина Шакурского, совершенном им под Николаевом в тот день, когда его приняли в партию. Шакурский получил приказ разбомбить эшелон с боеприпасами. Был туман, низкая облачность. Но летчики сумели разыскать в степи эшелон. Шакурский пошел в атаку первым. А цель можно было поразить только с малой высоты, иначе потеряешь ее в тумане. Самолет командира подбили зенитчики, он загорелся. И тогда Шакурский пошел на таран. Своей полыхающей машиной он снес с рельсов несколько вагонов, разорвав эшелон. Раздался взрыв. Летчики Александр Прокудин и Ни-

колай Соболев, на глазах которых совершил свой последний подвиг их командир, разнесли в щепки уцелевшие вагоны.

Я рассказал о летчике-истребителе Герое Советского Союза Иване Сытове, который сбил в день приема его в кандидаты партии «мессера». И как сбил! На глазах сотен людей, жителей оккупированного Харькова. Бой разгорелся над площадью имени Дзержинского. Иван Никитович Сытов был один против четырех вражеских истребителей. Когда «мессершмитт» загорелся, его собраты разлетелись в разные стороны, а Сытов снизился почти до бреющего полета и победно пронесся над городом. Надо ли говорить, какое чувство вызвал этот воздушный бой в сердцах советских граждан, томившихся в фашистской неволе!

О беспримерном мужестве боевых товарищей — коммунистов — шел взволнованный разговор на том партийном собрании. Заместитель командира полка майор Еркин рассказал о подвиге, который совершил в день приема в партию его друг комэск 5-го истребительного полка Николай Дмитриев, уничтожив с товарищами по эскадрилье 11 вражеских самолетов. За это Н. П. Дмитриев впоследствии получил звание Героя Советского Союза.

...Нашего парторга Ф. П. Гончарова уже нет в живых. И только в день его похорон я узнал, что тот односельчанин, о котором он рассказывал, один из последних уцелевших бойцов героического 77-го полка, штурмовавших Перекоп, был его отец.

28 8 и 9 апреля мы если и спали, то только под крылом самолета. Каждый понимал, что от наших действий сейчас очень многое зависит. Не дать противнику унести ноги, спасти военную технику и награбленное в Одессе добро, достояние нашего народа.

«Ни одного снаряда по Одессе!» — такой приказ облетел все части и подразделения.

Артиллеристам приказано было бить врага только прямой наводкой, летчикам уничтожать корабли и транспорты противника. Бомбы бросать лишь на территорию порта.

В ночь на 10 апреля советские самолеты буквально висели над портом, подвергая бомбардировке вражеские объекты. Погрузочные работы в порту были сорваны. Мы старались не выпустить ни одного корабля из Одессы. Дерзкими атаками с воздуха летчики 9-го авиационного корпуса генерал-майора авиации О. В. Толстикова, чье имя произносилось немцами со страхом еще с сорок первого года под Москвой, бомбили вражеские скопления и транспорты в низовьях Днестровского лимана.

Очень удачными были в эти дни вылеты заместителей командиров полков майоров В. М. Еркина и М. М. Пыркова. Пырков со своим штурманом майором Н. Т. Козловым дважды нанесли удачные бомбардировочные удары по Констанце. Фотоконтроль бомбометания показал, что в порту возникло два больших пожара, горели бензохранилища, корабли в бухте, судоремонтный завод. Командир эскадрильи капитан Василий Рогинец со штурманом старшим лейтенантом В. С. Шереметом, начальником связи лейтенантом В. К. Захожим и воздушным стрелком старшиной Карпом Косенко настигли в море уходящий транспорт противника с живой силой. Рогинец вел девятку бомбардировщиков. Его

сопровождали истребители Ла-5 эскадрильи Героя Советского Союза капитана И. П. Лавейкина. Ударная группа из четырех «лавочкиных» отогнала от транспорта «мессершмитты» и завязала с ними бой. Наши бомбардировщики развернулись для нанесения бомбардировочного удара. Над ними носились «лавочкины». И первые же бомбы штурмана Василия Шеремета накрыли цель. На палубе транспорта возник пожар. Следовавшие за флагманской машиной бомбардировщики довершили дело. На фотоснимках, которые привезли экипажи, был отчетливо виден тонущий корабль.

К утру 10 апреля враг был изгнан из Одессы. По Дерибасовской звонко цокали боевые кони Плиева, над городом летели краснозвездные самолеты.

День 10 апреля 1944 года был радостным праздником 3-го Украинского фронта.

Раннее утро... Весь наш полк на аэродроме, хотя только еще начинают меркнуть звезды.

— Товарищи, Одесса! — радостно закричал авиационный механик Бакуменко, забравшись на крыло самолета.

Он не знал, что Одесса освобождена. Это была его догадка, потому что от командного пункта полка к нам бежал майор Гуркало с бумажной лентой в руках. Запыхавшись от быстрого бега, Гуркало помахал ею над головой.

— Товарищи, Одесса наша!

Вечером Москва салютовала освободителям города-героя. И почти одновременно мы узнали, что отдан приказ о начале освобождения Крыма.

Прорыв немецкой обороны на участке Тирасполь — Проскуров, разгром 6-й армии, освобождение Херсона, Николаева, Очакова, Раздельной, форсирование Днестра, взятие Одессы, выход к государственной границе Советского Союза. Таковы

веи славного пути воинов 3-го Украинского фронта.

Успехи Советской Армии весной 1944 года были в центре внимания мировой печати. Иностранная пресса подчеркивала быстрые темпы наступления, мужественное преодоление бездорожья и непогоды, прекрасную организацию наших боевых операций.

Советским воинам предстояло теперь выполнить свою освободительную миссию и вернуть национальную независимость странам юго-восточной Европы.

29 9 мая 1965 года в Одессе встретились ветераны нашей бомбардировочной авиационной дивизии. Мы ходили по праздничным улицам города, который для нас стал родным, вспоминали боевых друзей, павших за освобождение Украины и в сражениях в небе Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. Затем мы пошли на кладбище и поклонились праху отважного командира 449-го полка подполковника И. И. Малова. Он погиб в Софии, но друзья решили похоронить его в родном городе. Гроб с телом командира полка в Одессу привез на своем бомбардировщике старший лейтенант Н. П. Галкин, с которым Малов не раз летал в одном строю бомбить врага. По распоряжению начальника Одесского гарнизона его похоронили со всеми воинскими почестями. За гробом своего земляка шли многие жители города.

Незадолго до освобождения Одессы пал смертью храбрых в воздушном бою Герой Советского Союза Н. И. Горбунов. Он вел на задание свою эскадрилью и над излучиной Днестра в районе Дубоссар встретился с целым полком ФВ-190. Завязался жестокий неравный бой. Николай Иванович действовал, как всегда, расчетливо и тактически грамотно, руководил по радио атаками, подбадривал

и воодушевлял, кидаясь в самое пекло. Сам он лично сбил двух фашистов. Но во время одной из атак два ФВ-190 взяли Николая Горбунова в клещи, и самолет его загорелся...

Бесстрашный летчик похоронен в селе Грасово Одесской области.

Несколько братских могил оставили мы в Болгарии.

26 сентября 1944 года в 60 км от Софии в районе села Пирдоп в воздушном бою с «мессершмиттами» погиб экипаж лейтенанта Бориса Плеханова. Похоронили мы наших боевых друзей в городе Бяла Слатина.

Другая братская могила наших однополчан находится в селе Бърдарски Геран. Так покоятся два экипажа — командира звена старшего лейтенанта Ивана Комарова и младшего лейтенанта Петра Остапенко.

На холмистой окраине тихого задумчивого городка Малорад похоронен экипаж младшего лейтенанта Леонида Грузинского.

Ветераны нашего полка, родные погибших, советские люди, бывающие в Болгарии, приезжают поклониться праху советских летчиков. Могилы ухожены, обсажены деревьями и цветами. В городах Бяла Слатина по праздникам у них несут почетный караул болгарские пионеры, там они проводят торжественные сборы и линейки. В селе Бърдарски Геран имя И. В. Комарова носит лучшая бригада кооператива.

Одессит штурман Михаил Симисинов несколько раз удачно бомбил вражеские транспорты, за что награжден многими боевыми орденами. Войну закончил в Австрии. После Победы продолжал служить в армии. В запас ушел в звании полковника. Живет и работает в Одессе.

Командир звена лейтенант Василий Шабанов, совершивший во время Одесской операции десятки вылетов, вернулся в Одессу тоже в звании полковника, и сейчас со штурманом Леонидом Вайсом трудится в Одесском аэропорту. В городе, где он родился и вырос, живет и работает коренной одессит старшина Тимофей Мельцов.

Одесситы летчик Н. Ф. Петровский, штурманы А. Б. Полян, Б. Г. Шварц и Л. И. Радзюк долгое время продолжали служить в авиации. Только после ухода на пенсию они вернулись в родной город.

Штурман лейтенант Владимир Волошановский преподает в одном из одесских институтов, а его жена Галина Алексеевна, с которой его соединила фронтовая судьба, трудится на заводе.

Моряком дальнего плавания стал Григорий Дидур, Емельян Докторович окончил Одесский университет и стал филологом. Остался верен небу и получил звание заслуженного штурмана УССР Иван Макушев. Сергей Махуренко и Александр Петраковский овладели мирными специальностями.

Стрелок-радист старшина С. Я. Анцупов, сделавший в Одесскую операцию 17 боевых вылетов, работает начальником бюро организации и нормирования труда и зарплаты на Липецком тракторном заводе.

Командир эскадрильи В. В. Рогинец и командир звена старший лейтенант Н. П. Галкин после войны длительное время летали в сибирском отряде аэрофотосъемки. В настоящее время В. В. Рогинец живет в Киеве и работает инженером на авиационном заводе.

Командир нашего полка полковник Н. А. Никифоров прошел всю войну, был участником Парада Победы. Умер он в 1949 году и похоронен в Ташкенте.

Командир дивизии полковник П. В. Недосекин окончил академию, стал генералом, командовал авиасоединением. В настоящее время на пенсии, живет в Риге, активно участвует в оборонной работе и патриотическом воспитании молодежи.

Четверо наших однополчан удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Это прославленный воздушный разведчик Г. И. Лашин и мастера бомбардировочных ударов Е. А. Мясников, Г. П. Евдокимов и А. К. Шевкунов.

1945 год... Парад Победы в Москве на Красной Площади. Чеканным шагом проходят воины 3-го Украинского фронта. В парадном строю прославленные летчики 17-й воздушной армии Герои Советского Союза Н. М. Скоморохов, Г. Ф. Сивков, И. Д. Павлов, П. Г. Якубовский и другие. Среди знаменосцев сводного полка мастер штурмовых ударов Герой Советского Союза Н. Е. Платонов. Впереди сводного полка идет наш командарм генерал-полковник авиации Герой Советского Союза В. А. Судец. На его парадном мундире четыре ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова I и II степени, орден Кутузова I степени, Красной Звезды.

После войны в 1946—1949 годах В. А. Судец работал на командных должностях в ВВС. В 1962—1969 годах он Главнокомандующий войсками ПВО страны и заместитель министра обороны СССР. С 1966 года — военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов. В 1964 году ему было присвоено звание Народного героя Югославии, в 1971-ом — Героя Монгольской Народной Республики. Умер в Москве в 1981 году.

Мы не порываем связи друг с другом. Уйдя в запас, мы, ветераны, участвуем в военно-патриотической работе среди школьников и молодежи. Помо-

гаем пионерам в операциях «Поиск», в создании музеев боевой славы. Такой музей, посвященный боевому пути 244-й бомбардировочной дивизии, создан в Московской школе имени Волкова № 212, музей боевой славы 17-й воздушной армии — в Одесской школе № 90.

Недавно я побывал в Одессе и посетил красивый двухэтажный особняк на улице Чкалова. Только что отзвенел звонок, и шумливые стайки школьников разбежались по классам. Тишина в коридоре. Из-за полупритворенной двери доносится размеренный голос учительницы: «Сегодня у нас новая тема: «Великая Отечественная война Советского Союза...» Неужели все, что произошло с нами и кажется нам совсем недавним и бередящим душу, — уже история?

Я вхожу в музей. На стене висят портреты. Мужественные прекрасные лица. Вечно двадцатилетние друзья военной молодости. Вот Николай Горбунов, Никита Дьяконов, Александр Колдунов и другие. И вроде знакомы они мне до мельчайших черточек, и в то же время они уже какие-то другие, как будто те, которых я знал, остались за огненной чертой, что отделяет войну от мирных дней.

Да, чем дальше от нас уходят годы Великой Отечественной войны, тем глубже мы осознаем величие и значение героических свершений тех незабываемых лет. Подвиги героев представляются нам все ярче, живыми, прекрасными и неповторимыми останутся они и для людей грядущих поколений, которые узнают о них от нас, их свидетелей. Герои обретают бессмертие, если память о них жива.

ВЛАДИМИР КАРПОВИЧ ЧЕРНИЕВСКИЙ

**НЕЗАБЫВАЕМЫЙ
АПРЕЛЬ**

Редактор Р. Н. Грейнер
Художник А. А. Сивилин
Художественный редактор О. А. Литвинов
Технический редактор Т. Н. Молчанова
Корректор К. С. Монастырская

Информ. бланк № 1342

Сдано в набор 29.10.82.

Подписано к печати 23.12.82. БР 05851.

Формат 70×108 $\frac{1}{2}$. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 8,45. Усл. кр.-отт. 0,53. Уч.-изд. л. 8,62.

Тираж 25 000 экз. Зак. № 02555. Цена 40 к.

Издательство «Маяк».

270001, Одесса-1, ул. Жуковского, 14.

Одесская книжная фабрика

РПО «Полиграфкнига».

270008, Одесса-8, ул. Дзержинского, 24.